
Rc 810
2

СОВРЕМЕННИКЪ.

II.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ВТОРОЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 30 Іюня, 1836.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОВРЕМЕННИКЪ.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го Января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Княгинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинуясь Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Слова-

ря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы *Н*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: все *Нашъ* да *Нашъ!* когда же вы мнѣ скажете: *Вашъ?* Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицынъ: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора было бы *Покой* оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поспѣшнымъ исполненіемъ Высочайшей Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *. Карамзинъ справедливо удивляется таковому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академіей,» говоритъ онъ, «принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія,

* Французская Академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся таковой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово Ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такой утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе; чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что Министръ, у коего при Дворѣ такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужь не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской.»

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «*Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе.*» Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

О. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отъ чего, не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Отъ того, что одно легче другаго.

В. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а не рѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи, и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны Самой Императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) Академія издала:

1) Грамматику Россійскую.

2) Сочиненія и переводы Академіи.

3) Словарь, расположенный по азбучному порядку.

4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой.

5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815 — 1823).

2) Повременное изданіе, 4 части (1829 — 1832).

3) Краткія записки, 3 книжки (1834 — 1836).

4) Квинтиліановы Критическія Наставленія (1834).

5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орѳографія, сія Геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, Преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава, и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

«Рукопись называется *Изборникъ*, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.

«Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, на примѣръ, *о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ*.

«На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало.

«Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть 27 (кз):

1. Инословніе.
2. Прѣводъ (metaphora).
3. Напотребніе.
4. Пріятніе.
5. Прѣходьноіе.
6. Възбратъ.
7. Сьпріятніе.
8. Сънятніе.
9. Именотворніе (onomatopeia).
10. Сътворенніе.
11. Въименомѣстьство.
12. Отъименніе (metonymia).
13. Въспятословніе.
14. Окроугословніе.
15. Нестатъкъ.
16. Издрядніе.
17. Лихорѣчые.
18. Притъча.
19. Прикладъ.

20. Отъданніе.

21. Лицетворые (олицетвореніе).

22. Сълогъ.

23. Пороуганніе (ironia).

24. Видъ.

25. Послѣдословніе.

«Инословніе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти а инъ разоумъ оуказаіюшти якоже іеже іе речено отъ Бога къ змли проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же ино рѣчь нѣзмыемъ нарицаіема разоумѣваіемъ.

«Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ вышеисчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями Русской Энциклопедіи XI вѣка.»

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшайго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, *ненравственнаго* въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочи-

ненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.»

За симъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего *О духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.* Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено.

В. А. Палѣновъ прочелъ *Краткое Жизнеописаніе И. И. Лепехина,* перваго Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Ѳедоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ Князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. Президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: *Нѣчто о Карамзинѣ.*

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю ...... При

семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, Матери Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали, пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи» «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли *о Древней и Новой Россіи*, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался попрежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному Своему подданному. Когда нибудь потомство оцѣнитъ и величіе Государя и благородство патріота....

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Скрибъ въ Академіи. Онъ занялъ кресла Арно, умершаго въ прошломъ году.

Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нынѣ совсѣмъ забыты. Такова участь поэтовъ, которые пишутъ для публики, угождая ея мнѣніямъ, примѣняясь къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Двѣ или три басни, остроумныя или граціозныя, даютъ покойнику Арно болѣе права на титло поэта, нежели всѣ его драматическія творенія. Всѣмъ извѣстенъ его *Листокъ:*

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où va tu? — Je n'en sais rien, etc.

Участь этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своею смертью повторилъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Ипсиланти перевелъ его на Греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онъ помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ *.

При вступленіи своемъ въ Академію Скрибъ произнесъ блестящую рѣчь, на которую столь же блистательно отвѣчалъ Вильменъ, а J. Janin въ своемъ фельетонѣ осмѣялъ того и другаго. Въ семъ случаѣ всѣ три представителя Французскаго остроумія были на сценѣ.

* La *Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène,
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

РѢЧЬ Г. СКРИБА.

Мм. Гг.

«Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дожъ ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобъ испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дожъ отвѣчалъ: «мое присутствіе!»

Такъ и я, Мм. Гг., видя вокругъ себя всѣ знаменитости Франціи, окруженный славными воспоминаніями литтературнаго величія, я долженъ бы удивляться всего болѣе моему здѣсь присутствію, еслибъ только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академія, эта представительная Палата Литтературы, желала, чтобы всѣ роды произведеній, получившіе право гражданства по силѣ Буаловой хартіи и законовъ вкуса, имѣли въ нѣдрахъ ея своихъ уполномоченныхъ, ею утверждаемыхъ: подобно нашимъ законодательнымъ собраніямъ, гдѣ избранный небольшою деревнею сидитъ рядомъ съ Депутатомъ большаго города, она предоставила мнѣ входъ въ свое собраніе и возвысила тѣмъ незначительный

родъ сочиненія, котораго я представитель; я бы гордился этимъ позволеніемъ, еслибъ авторъ водевилей имѣлъ право гордиться.

Да, М. Г., я не ошибаюсь въ истинной причинѣ моего сюда назначенія! Если довольно долго испытывалъ я свои силы на второстепенной сценѣ, и старался изобразить Талію въ миніатюрѣ, если иногда на театрѣ, болѣе возвышенномъ, я старался начертать нѣсколько картинъ большаго размѣра; такія усилія не даютъ еще мнѣ права почитать себя здѣсь однимъ изъ представителей Комедіи. Вы же, Мм. Гг., и не нуждаетесь въ новыхъ: вы имѣете блистательныхъ авторовъ *Домашняго Тирана*, *Адвоката*, *Двухъ Зятей*, *Школы Стариковъ*; вамъ хотѣлось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

Въ его имени вы дали *Пѣсни* грамоту на дворянство; вы захотѣли передать ее мнѣ, и я только этому обстоятельству обязанъ честью занимать мѣсто между вами.

Можетъ быть, этотъ родъ сочиненія, по видимому столь незначительный, котораго названіе странно слышать подъ классическими сводами этой залы, можетъ быть, онъ достоинъ вашего вниманія; и мнѣ должно было бы по всей справедливости, или по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ своему протектору, защищать его; мнѣ бы должно разсказать вамъ исторію Водевиля (Val de vire) отъ его колыбели до нашихъ дней; но обязанность болѣе

важная и торжественная занимаетъ мои мысли и останавливаетъ на устахъ веселые напѣвы.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ былъ въ этой залѣ. Я учился тогда въ Наполеоновскомъ Лицеѣ, и на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все осталось попрежнему, намъ раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здѣсь, какъ и теперь! Тамъ родные, сестры, матери!. . . . Счастливъ, кто имѣетъ мать свидѣтельницею своего торжества! Я тогда былъ счастливъ! На этой сторонѣ сидѣли наши учители, начальники, знаменитые литтераторы и государственные люди: пальмы, назначенныя въ награду слабымъ достоинствамъ, раздавались тогда, какъ и теперь, великими талантами. Я спросилъ у моего сосѣда, какъ зовутъ Президента? Онъ отвѣчалъ: это Г. Фонтанъ (C'est le Grand-Maître M. de Fontanes.) А возлѣ него кто это съ такимъ важнымъ и прекраснымъ видомъ? Главный Секретарь Университета, Г. Арно, авторъ *Марія въ Минтурнѣ*, трагедіи, которой прелестные стихи мы знали наизусть. . . Авторъ *Марія въ Минтурнѣ!* Я привсталъ, чтобъ посмотрѣть на него: думалъ ли я тогда, что ученикъ займетъ мѣсто своего учителя — и что приду въ это святилище я — положить кипарисную вѣтвь на гробъ раздававшаго вѣнки! . . . .

Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, голосъ сильнѣе и выразительнѣе моего не призванъ говорить похвальное слово этому добродѣтельному человѣку и поэту,

о которомъ вы сожалѣете? По какому послѣднему для него нещастію трудная честь оцѣнить произведенія трагической его музы досталась въ удѣлъ питомцу пѣсни?

Увлеченный съ юныхъ лѣтъ непреодолимою наклонностію къ поэзіи, Г. Арно былъ еще очень молодъ, когда издалъ *Марія въ Минтурнѣ*, первое свое произведеніе; это было смѣлое предпріятіе для молодаго человѣка 24-хъ лѣтъ: возбудить участіе къ отвратительному Марію, человѣку, наполнившему Италію кровію и казнями, человѣку, который обезславилъ себя хищеніемъ и грабительствомъ, не имѣлъ подобно Силлѣ ни довольно величія души, чтобъ остановиться вовремя, ни довольно смѣлости, чтобъ оставить свое поприще; но Г. Арно понялъ, что въ глазахъ толпы нещастіемъ искупаются преступленія. Онъ избралъ героемъ не Марія гонителя, а Марія изгнанника, побѣдителя Кимвровъ, скитающагося бѣглеца; онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ нещастіемъ, неудача, переносимая съ мужествомъ—и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великій образъ Марія. И помните ли вы, Мм. Гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ Кон-

сульскаго чела, покрытаго сорокольтнею славою, бросалъ кинжалъ и убѣгалъ повторяя:

«Я никогда не буду въ состоянiи умертвить Марiя!»

Эта трагедiя была посвящена Его Свѣтлости Графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно былъ привязанъ къ дому его потому, что Принцъ любилъ литтературу, и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: въ тѣ времена оно было необходимо даже и для литтературнаго успѣха; времена измѣнились, и слава Богу, теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу — и еще болѣе, если возможно — свою независимость.

Въ началѣ революцiи Гр. Прованскiй удалился въ чужiе края; а Арно, подвергаясь отъ того многимъ опасностямъ, поспѣшилъ переѣхать въ Англiю. Странная была его участь! Покровитель, имъ избранный, тогдашнiй Принцъ, а въ послѣдствiи Король, былъ причиною двукратнаго удаленiя Арно изъ Францiи: въ 92 году своимъ отъѣздомъ, въ 1815 своимъ прибытiемъ.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный какъ эмигрантъ въ Дункирхенѣ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по приказу Комитета общественнаго спокойствiя (Comité de salut public), который постановилъ, и на этотъ

разъ справедливо, что законъ объ эмигрантахъ не распространяется на литтераторовъ, а слѣдовательно и на автора Марія въ Минтурнѣ, поэтически предполагая, что вселенная принадлежитъ поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшіе дни для Франціи: республика еще существовала, но безъ кровавыхъ топоровъ Децемвировъ, даже безъ строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу къ роскоши и удовольствіямъ, по забвенію прошедшаго и безпечности о будущемъ, можно было бъ назвать республику Аѳинскою, если бъ у кого только достало смѣлости сравнить Барраса съ Перикломъ! Мы были тогда подъ правленіемъ Директоріи, правленіемъ слабымъ, веселымъ, роскошнымъ, правленіемъ такъ сказать Регенства Революціи.

Обратившись къ литтературнымъ трудамъ, Арно издалъ сперва трагедію *Оскаръ*, гдѣ такъ мило выражены тихія чувства любви и дружбы; потомъ трагедію *Венеціанцы*, коихъ пятый актъ есть лучшій актъ драмы новѣйшихъ временъ. Впрочемъ, для исторической вѣрности, мы должны сказать, что Арно не одинъ сочинилъ этотъ пятый актъ. Сперва онъ далъ щастливую развязку своей пьесѣ. Montcassin, герой ея, не умиралъ, а былъ спасенъ своимъ соперникомъ отъ казни; эта развязка не понравилась одному Члену Института, котораго Арно зналъ въ Италіи, и которому читалъ свою трагедію. Этотъ Членъ Института былъ генералъ Бонапартъ, кото-

раго мнѣнія въ литтератуpѣ были столь же тверды и рѣшительны, какъ и въ политикѣ; онъ терпѣть не могъ Вольтера, имѣлъ нещастіе не любить Расина, но Корнеля готовъ былъ сдѣлать первымъ Министромъ *. Бонапартъ любилъ развязки разительныя и хотѣлъ, чтобъ даже и на театрѣ всѣ препятствія уничтожались штыкомъ.

Конецъ пятаго акта *Венеціанцовъ* былъ для этого человѣка неестественъ: онъ находилъ, что щастіе любовниковъ портило развязку. Еслибъ нещастіе было неисправимо, говорилъ онъ г-ну Арно, то минутное ощущеніе, которое оно произвело во мнѣ, осталось бы у меня до вечера, до завтра! . . . Нужно, чтобъ герой умеръ, надо непремѣнно убить его! Убейте его! и Montcassin былъ казненъ, по повелѣнію Наполеона, къ великому удовольствію публики, утвердившей приговоръ рукоплесканіями. Безполезно упоминать, что трагедія *Венеціанцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапартъ любилъ Арно, и эта дружба никогда не измѣнялась; Арно, какъ надежному человѣку, Бонапартъ поручалъ образованіе Іонійскихъ островов; Бонапартъ принимаетъ Арно въ своемъ домѣ, въ улицѣ Шантерень, позволяя ему участвовать въ домашнихъ разговорахъ, которые тогда были исторіею; послѣ, на адмиральскомъ кораблѣ, который везъ въ Египетъ Кесаря и его фортуну, Бонапартъ и Арно толкуютъ объ Оссіанѣ и

* См. Mémorial de Las-cazes.

Гомеръ; потомъ Бонапартъ - императоръ даетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Университетѣ. Наполеонъ постоянно уважалъ Арно, хотя не разъ могъ бы жаловаться на его сатирическія выходки и рѣзкую откровенность. Тотъ, кто однимъ взглядомъ умѣлъ отгадать, оцѣнить достоинство, въ первый день своего прибытія въ Италію, рукою побѣдителя написалъ на своихъ памятныхъ табличкахъ имя Арно: и двадцать три года спустя послѣ того, рукою умирающаго, писалъ онъ это же имя въ своемъ завѣщаніи, съ утесовъ Св. Елены.

Что могу я прибавить къ этому свидѣтельству?

Послѣ стодневнаго переворота, Арно былъ изгнанъ, а что и того удивительнѣе, лишенъ мѣста, которое онъ занималъ между вами и на которое онъ вами былъ призванъ. Касательно стиховъ и поэзіи, Мольеръ сказалъ:

« Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne...

Повелѣніе пришло и исключило Арно изъ Института.

Во время своего изгнанія, которое Арно перенесъ съ благородствомъ и твердостію, онъ сочинилъ последнее отдѣленіе Басень, лучшее, по моему мнѣнію, литтературное его произведеніе: ибо здѣсь онъ создалъ новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣтъ веселой простоты перваго, нѣтъ изящной и граціозной чувстви-

тельности втораго: здѣсь эпиграмма, здѣсь сатира, здѣсь Ювеналъ, сдѣлавшійся баснописцемъ — можетъ быть, по одинаковой причинѣ.

Не былъ ли Арно увлеченъ самъ своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишкомъ порочнымъ, а люди слишкомъ злыми? Справедливо упрекали Флоріана за излишнее множество овечекъ, разсыпанныхъ въ его сочиненіяхъ. Кажется, въ басняхъ Арно не слишкомъ ли много волковъ?...

Въ отсутствіе Арно, трагедія его *Германикъ* игралась въ Парижѣ и была принята съ успѣхомъ въ первый день, а на другой изгнана изъ театра подобно автору ея, изгнанному изъ Франціи. Наконецъ, когда послѣ пятилѣтней ссылки насталъ для него день правосудія, онъ возвратился въ отечество и опять занялъ свое мѣсто между вами... Тутъ неожиданный случай снова и уже навсегда похитилъ его у вашей дружбы! Младшій изъ его сыновей испыталъ жестокую потерю; отецъ спѣшилъ утѣшить сына и предпринялъ роковое для себя путешествіе. Арно имѣлъ привычку долго прогуливаться пѣшкомъ; на ходу сочинилъ онъ всѣ свои творенія. Однажды утромъ, по сильному жару, онъ проходилъ и просочинялъ болѣе обыкновеннаго; усталый онъ воротился домой; легъ на кровать и сказалъ дочери: поиграй на фортопіано; дочь повиновалась; отецъ, будто отдыхая, все болѣе и болѣе поникалъ головою: онъ уже былъ мертвъ, а она еще играла.

Онъ скончался безъ страданія, безъ предсмертныхъ мученій, съ улыбкою на устахъ, думая о своихъ утреннихъ трудахъ, о дѣтяхъ, о друзьяхъ, можетъ быть, о васъ, Мм. Гг.!

Онъ умеръ, оставивъ намъ троихъ сыновей, свою и нашу надежду! троихъ сыновей, которые на поприщахъ литтературномъ, военномъ и судебномъ, достойно поддерживаютъ честь отцовскаго имени. Одинъ изъ нихъ, авторъ Регула, доказалъ, что принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыхъ слава наслѣдственна, доказалъ, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторствомъ, подобно купленному оружіемъ, можетъ учреждать маіоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончинѣ Арно, но съ нѣкотораго времени здоровье его видимо слабѣло. Сильные удары, безжалостно направленные на человѣка и писателя, поколебали его крѣпкую, но чувствительную и раздражительную организацію.

Въ наши времена существуетъ ядовитый родъ критики, которая достигаетъ до сердца; ею не поскупились для Арно: и не смотря на свои сѣдины на прежніе тріумфы, онъ не могъ, подобно Марію въ Минтурнѣ, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались въ характерѣ Арно. Въ душѣ этого человѣка глубо-

ко напечатлѣвались всѣ воспоминанія и добра и зла. Если онъ никогда не забывалъ нанесеннаго ему зла, то вѣчно за то носилъ въ сердцѣ благодѣяніе. Признаемся также, что, по живому и острому расположенію ума своего, Арно не могъ удержаться отъ остраго слова, и если прибавимъ къ этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то намъ будетъ понятно, отъ чего онъ имѣлъ столько враговъ. Между тѣмъ не было человѣка добрѣе его. Неразъ доказывалъ онъ это; неразъ, занимая важную должность при Университетѣ, онъ подавалъ руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принялъ въ свою канцелярію нашего поэта Беранже, котораго онъ одинъ тогда разгадалъ. Разговоръ Арно былъ исполненъ выраженій смѣлыхъ и живописныхъ, носилъ на себѣ отпечатокъ той насмѣшливости, которая встрѣчается въ его басняхъ, разныхъ стихотвореніяхъ и даже въ пѣсняхъ, оригинально веселыхъ.... да, Мм. Гг., въ пѣсняхъ Арно, въ пѣсняхъ трагическаго писателя! Я такъ горжусь этимъ обстоятельствомъ, что спѣшу заговорить о немъ: это для меня важный авторитетъ, это новое доказательство въ пользу рода сочиненія, которому я осмѣливаюсь, можетъ быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, Мм. Гг., мнѣ бы должно развернуть передъ вами то, что я назову героическими временами пѣсни, когда она сопутствовала въ сраженіяхъ Роланду и храбрымъ рыцарямъ Карла Великаго, или когда съ Труверами и Менестрелями съ арфою въ

рукахъ она приходила къ дверямъ Дворца и садилась за столъ съ владѣтелемъ замка; показать вамъ, потомъ, какъ она отправилась въ крестовые походы и возвращалась съ первыми христіанскими баронами; какъ она, сидя у готическаго очага, веселымъ напѣвомъ о Султанѣ Саладинѣ забавляла досуги благородныхъ дамъ. Потомъ я бы долженъ былъ представить вамъ ее, когда нѣжная и воинственная съ Агнесою Сорель она научала Карла VII, какимъ образомъ возвращаютъ королевства; какъ она, насмѣшливая и щеголеватая, писала съ Францискомъ I веселые куплеты на стеклахъ Шамбора, потомъ вдругъ, фанатическая и возмутительная, съ крестомъ Лиги, или подъ знаменемъ Фронды, нападала на Королей, низвергала министровъ, перемѣняла Парламенты; и можетъ быть, желая изобразить исторію пѣсни, я бы неожиданно разсказалъ вамъ всю исторію Франціи.

Въ знаменитой рѣчи, исполненной тонкихъ и остроумныхъ мыслей, одинъ изъ первыхъ нашихъ драматическихъ авторовъ, доказывалъ здѣсь, что если бы какой нибудь ужасный переворотъ истребилъ съ лица земли всѣ историческіе документы, оставивъ невредимымъ лишь собраніе нашихъ комедій, то это собраніе замѣнило бы всѣ лѣтописи. Литтературная свобода Академіи позволитъ ли мнѣ не вполнѣ раздѣлять это мнѣніе? Я не думаю, чтобъ комическій авторъ былъ историкомъ: это не его назначеніе; не думаю, чтобы въ самомъ Мольерѣ можно было найти исторію нашей страны. Комедія Мольера говоритъ ли

намъ что нибудь о великихъ происшествіяхъ вѣка Лудовика XIV? Есть ли въ ней хотя слово о заблужденіяхъ, слабостяхъ и ошибкахъ великаго Короля! Говоритъ ли она объ уничтоженіи Наитскаго эдикта? Нѣтъ, Мм. Гг., точно также, какъ комедія времени Лудовика XV молчитъ о Parc-au-cerf, комедія времени Имперіи—о страсти къ завоеваніямъ! Если прибавимъ къ этому новую невѣроятность (меня такъ часто упрекали въ этомъ недостаткѣ, что мнѣ позволено будетъ прибавить еще тысячу первую въ пользу истины) и если въ свою очередь предположимъ, что, подобно тому намѣстнику Магомета, который сжегъ всю библіотеку Александрійскую и сохранилъ только книгу Пророка, найдется въ наши времена какой нибудь побѣдитель Калмыцкій или Татарскій, любитель веселостей, пристрастный къ пѣсенямъ какъ Омаръ къ Алкорану, сожжетъ всѣ историческія книги, а пощадитъ только собраніе нашихъ пѣсенъ разнаго рода и водевилей, напечатанныхъ донынѣ, посмотримъ, не льзя ли будетъ съ пособіемъ однихъ этихъ документовъ возстановить главнѣйшіе факты нашей исторіи? Быть можетъ, я заблуждаюсь; быть можетъ, это одинъ только парадоксъ: но мнѣ кажется, что съ помощію этого веселаго архива, этихъ поющихъ лѣтописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествія, забытыя комедіею, или историческія лица, пощаженныя ею.

Подобная вѣрность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не въ укоризну, а разсказываю просто какъ есть дѣло; я увѣренъ,

что ни Лудовикъ XIV, ни Лудовикъ XV, ни Наполеонъ, не потерпѣли бы на театрѣ великихъ поученій исторіи, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до нихъ близко касалось. Нынѣшній комическій авторъ въ семъ отношеніи не имѣетъ больше преимущества передъ своими предшественниками. У насъ раздражительность партій заступила мѣсто раздражительности Правительства; въ нашъ вѣкъ свободы, мы не вольны изображать на сценѣ все смѣшное: всякая партія защищаетъ своихъ и позволяетъ занимать смѣшное лишь у сосѣда; самое книгопечатаніе, эта неограниченная власть свободныхъ правленій, книгопечатаніе хочетъ говорить правду всему свѣту, но не любитъ, чтобъ говорили ему истину. Я здѣсь, повторяю, не хочу укорять комедію, но напротивъ оправдать ее и доказать, что отъ нее требовали невозможнаго, требовали, чтобъ она заступила мѣсто исторіи.

По крайней мѣрѣ, комедія намъ описываетъ нравы? Справедливо! Согласенъ, что она ближе къ точности и истинѣ нравоописательной, нежели къ исторической; но со всѣмъ тѣмъ, исключая нѣкоторыя, весьма рѣдкія произведенія (какъ наприм. *Туркаретъ*, образецъ точности), мы находимъ театръ, по какой-то довольно странной судьбѣ, почти всегда въ прямомъ противорѣчіи съ обществомъ. Напримѣръ, Мм. Гг., касательно нравовъ? Разберемъ эпоху Регентства! Если комедія выражаетъ постоянно общество, то комедія тѣхъ временъ должна бы намъ представить странныя вольности и веселыя сатур-

наліи. Совсѣмъ нѣтъ; она холодна, точна, взыскательна, и благопристойна. Такова комедія Детуша, она не смѣется или смѣется очень мало, комедія Лашоссе плачетъ. Подъ скиптромъ Лудовика XV, или лучше подъ скиптромъ Вольтера, въ ту минуту, когда разрѣшались эти великіе вопросы, измѣнившіе всѣ общественныя мысли и въ быстромъ движеніи увлекавшіе осьмнадцатое столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, мы видимъ на театрѣ Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроуміе, романизмъ и пустоту.

Во время самыхъ жестокихъ періодовъ революціи, когда трагедія, какъ говорили, рыскала по улицамъ, что представлялъ театръ? Сцены человѣколюбивыя и чувствительныя, какъ напримѣръ: *Женщины, Сыновняя Любовь*, а въ Январѣ 93 года, во время суда надъ Лудовикомъ XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедію пастушескую и чувствительную. Во время Имперіи, въ царство славы и побѣдъ, комедія не была побѣдительницею и воинственною! При возстановленіи Бурбоновъ, правленіи мирномъ, лавры, военные мундиры, завладѣли сценою; Талія надѣла эполеты! А въ наши времена? Въ эту самую минуту, въ которую я говорю съ вами, вообразите иностранца, новаго Анахарсиса, упавшаго съ неба посреди нашей образованности и отправляющагося въ театръ, чтобъ узнать точное и положительное состояніе Парижскихъ нравовъ въ 1835-мъ году? Какъ бы испугался этотъ почтенный иностранецъ! Онъ не посмѣлъ бы показаться въ ули-

цахъ Парижа невооруженный, не посмѣлъ бы сдѣлать шага, чтобъ не встрѣтить убійства, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія; а все отъ того, что его увѣрили, будто театръ есть выраженіе общества.

И еслибъ потомъ кто нибудь взялъ этого иностранца за руку и ввелъ въ наши гостиныя, въ нашъ семейный кругъ, съ какимъ бы удивленіемъ увидѣлъ онъ, что ни въ одну эпоху, можетъ быть, нравственность наша не была такъ хороша, какъ теперь; что кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, о которыхъ говорятъ только по ихъ рѣдкости, никогда еще подъ домашнею кровлею не жило столько добродѣтелей. Еслибъ ему сказать, что прежде высшіе классы подавали примѣръ порока, что часто самъ Дворъ ничтожилъ народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродѣтель низходитъ къ намъ свыше и отражается отъ престола на общество: то, помирившись съ этимъ обществомъ, которое онъ обвинялъ по незнанію, иностранецъ съ радостію сказалъ бы: меня обманули; слава Богу, театръ не всегда служитъ выраженіемъ современныхъ нравовъ!

Какимъ же образомъ растолковать, Мм. Гг., это постоянное противорѣчіе между театромъ и обществомъ? Случай ли этому причиною, или скорѣе современный вкусъ и наклонности, отгаданныя и разработанныя авторами? Вы идете въ театръ не за нравоученіемъ или исправленіемъ, а для развлеченія и удовольствія. Васъ увеселяетъ болѣе вымыселъ,

нежели истина! Представляя то, что вы имѣете ежедневно передъ глазами, не льзя вамъ понравиться; но то, чего не видите вы въ обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вотъ что васъ очаровываетъ, — теперь это и представляютъ вамъ.

Такъ во дни ужаса революціи, именно потому, что вашимъ глазамъ больно было смотрѣть на кровавыя сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театрѣ человѣколюбіе и благотворительность, которыя тогда были вымыслами. . .

Точно такъ и во времена возстановленія Бурбоновъ, вамъ напоминали тѣ дни, когда вы давали Европѣ законы — и прошедшее утѣшало васъ въ настоящемъ.

Слѣдственно театръ весьма рѣдко бываетъ выраженіемъ современнаго общества: по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, онъ часто выражаетъ противоположное, такъ что должно искать произшествія въ томъ именно, о чемъ театръ молчитъ. Комедія изображаетъ страсти всѣхъ временъ, какъ изображали ихъ Мольеръ, Данкуръ и Пикаръ, съ такою веселостію, какъ Коленъ д'Арлевиллъ, съ такою прелестью, какъ Андріё; она описываетъ рѣдкія исключенія и минутныя странности; она едва приподнимаетъ завѣсу и показываетъ намъ только уголокъ общества; но нравы цѣлаго народа, цѣлыя эпохи, изящныя или грубыя, развратныя или набожныя, кровавыя или героическія, кто ихъ намъ откроетъ?

Хороши онѣ были или дурны, ихъ вы найдете, Мм. Гг., въ тѣхъ лѣтописяхъ, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ:

Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives.

Пѣсня! она не имѣла никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротивъ именно для того, чтобъ высказать ее! И такъ, Мм. Гг., пробѣжимъ снова тѣ эпохи, о которыхъ мы говорили, начнемъ съ Регенства, такъ мало сохраненнаго комическими авторами того времени и прибѣгнемъ къ пѣсенникамъ: не будутъ ли они болѣе вѣрными живописцами общества? Колле, напримѣръ:

Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères,
Dans vos chansons legères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.

Не бойтесь, Мм. Гг., я вамъ прочту только одинъ куплетъ и то отрывками:

L'amour est mort en France
C'est un
Défunt
Mort de trop d'aisance!
. . . .
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des coeurs
Des moeurs,
Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes

Nos amans presque eteints,
Ces pantins
Libertins!

Не видите ли вы, Мм. Гг., всего Регенства въ этихъ стихахъ? А что было бы, еслибъ я прочиталъ всю пѣсню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатаго столѣтія? Это общество щегольское и остроумное, разсудительное и скептическое, которое вѣрило не въ Бога, а въ наслажденія? Хотите ли имѣть понятіе о его нравахъ, философіи и маленькихъ ужимкахъ? Не спрашивайте Комедію — она вамъ ничего не скажетъ! Прочтите пѣсни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далѣе къ тѣмъ временамъ, когда испуганной Пѣснѣ приходилось изломать свирѣль свою: она и тутъ не молчитъ, не перестаетъ описывать нравовъ своего времени; она неотлучна какъ вѣрное эхо, при всякой громкой эпохѣ принимаетъ звуки и передаетъ ихъ намъ. Такъ въ нашу революцію, раздѣляющуюся на двѣ различныя половины, періодъ ужасовъ изображенъ въ безбожныхъ пѣсняхъ 93 года, періодъ геройства и славы въ воинственныхъ гимнахъ, которые повели нашихъ воиновъ на завоеваніе Европы.

Я не говорю вамъ о славѣ Имперіи — она имѣла исторіографами всѣхъ пѣсенниковъ той эпохи, начиная съ Дезожье, перваго пѣсенника всѣхъ вре-

менъ, который производилъ пѣсни, какъ Лафонтенъ басни!

Что касается до временъ возстановленія Бурбоновъ, то не спрашивайте о нихъ наши театры, не ищите ихъ въ столбцахъ Монитёра: для этого у насъ есть пѣсни Беранже. »

— Въ концѣ рѣчи своей, остроумный ораторъ представляетъ Пѣсню во всегдашнемъ бореніи съ господствующею силою: онъ припоминаетъ, какъ она воевала во времена Лиги и Фронды, какъ осаждала палаты кардиналовъ Ришельё и Мазарина, какъ дерзала порицать важнаго Лудовика XIV, какъ осмѣивала его престарѣлую любовницу, безталантныхъ министровъ и несчастныхъ генераловъ; какъ при умномъ и безнравственномъ Регентѣ и при слабомъ и холодномъ Лудовикѣ XV нападенія ея не прекратились; какъ наконецъ въ безмолвное время грознаго Наполеона она одна возвысила свой голосъ, и приводитъ въ примѣръ извѣстную пѣсню: Le roi d'Ivetot.

Il étoit un Roi d'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: врядъ ли кому могло войти въ голову, чтобъ эта пѣсня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всѣхъ

пѣсень хваленаго Béranger), но ужь конечно въ ней нѣтъ и тѣни оппозиціи.

ОТВѢТЪ Г. ВИЛЬМЕНА, НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМІИ.

М. Г.!

Ваша рѣчь имѣла успѣхъ такой же, какъ и ваши комедіи; здѣсь встрѣчаютъ васъ тѣ-же рукоплесканія, которыя раздаются при вашемъ имени на всѣхъ театрахъ Франціи и почти всей Европы. Академія это предвидѣла: она была увѣрена, что избрать васъ было дѣломъ справедливости и народности. Во всѣхъ родахъ литтературы всякая прочная слава даетъ право на Академическое званіе; никому не можетъ быть дозволено въ продолженіи 20 лѣтъ безнаказанно морить со смѣху публику.

Напрасно, М. Г., слѣдуя законамъ оффиціальной скромности, вы бы стали унижать предъ нами постоянные ваши успѣхи, опираясь на легкую форму вашихъ сочиненій; все дѣло въ произведеніи вкуса не въ предметѣ и не въ формѣ — но въ талантѣ. Есть пѣсни, которыя гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый Академикъ, котораго вы теперь занимаете мѣсто и котораго вы такъ удачно характеризировали, послѣ великихъ трагическихъ произведеній отличился особенно своею оригинальностію въ эпиграммахъ, названныхъ имъ Баснею.

Этотъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ умѣлъ бы оцѣнить всю творческую силу, которая видна въ безчисленныхъ и разнообразныхъ вашихъ комическихъ произведеніяхъ. Онъ бы не упрекнулъ васъ, ни за многихъ вашихъ сотрудниковъ, ни за многія прелестныя ваши произведенія, которыя принадлежатъ не вамъ одному, но которыя безъ васъ никогда бы не существовали. Арно зналъ, что вкусъ, который умѣетъ выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобрѣтенія, что мысль вполовину принадлежитъ тому, кто умѣетъ придать ей настоящую цѣну. Онъ съ радостію-бы принялъ предложеннаго вами ему сотрудника — Наполеона, котораго краткую и страшную піитику вы такъ удачно изобразили.

Только пятый актъ *Венеціанцевъ* они создали вмѣстѣ. Если это сообщество не было дѣятельнѣе, то виною тому не генералъ Бонапартъ, который въ первомъ жару молодости и славы, между побѣдой надъ Италіей, управленіемъ Франціей, завоеваніемъ Египта, занимался всѣмъ, думалъ обо всемъ вдругъ, и не зналъ, куда дѣваться съ своими мыслями и изобрѣтеніями въ ожиданіи Императорскаго престола. Арно привязался къ нему съ похода въ Италію, со времени трагедіи *Оскаръ*, которую послалъ онъ героическому обожателю Оссіана. Вскорѣ потомъ онъ принялъ участіе въ Египетской экспедиціи и послѣдовалъ за Кесаремъ въ Александрію. Во время переѣзда на адмиральскомъ кораблѣ *Востокъ*, который несъ въ себѣ столько ученыхъ и военныхъ

знаменитостей, Арно безпрестанно бесѣдовалъ съ Генераломъ. Говорили о войнѣ, объ искусствахъ, о свободѣ, о завоеваніи всего свѣта, о литтературѣ, о трагедіи. Бонапартъ часто возвращался къ этому послѣднему предмету, для котораго онъ составилъ себѣ цѣлую теорію. Политика, общественная польза — вотъ что по его мнѣнію могло быть единственными предметами трагедіи; гдѣ дѣло шло о любви, о сердечныхъ бореніяхъ, не исключая и *Заиры*, все это онъ причислялъ къ комедіи. Арно противился этимъ нововведеніямъ и однажды послѣ долгаго спора, когда Генералъ сказалъ ему: « Какъ бы то ни было, но мнѣ хочется сочинить съ вами вмѣстѣ трагедію. » — Охотно, отвѣчалъ Арно, — тогда, когда мы сочинимъ вмѣстѣ планъ сраженія! —

Не смотря на эту короткость въ обращеніи, которой-бы многіе позавидовали, — не смотря на довѣрчивость счастливой звѣздѣ завоевателя, Арно не окончилъ путешествія. Долгъ дружбы задержалъ его въ Мальтѣ при началѣ завоеванія. Но онъ былъ изъ первыхъ между тѣми, которые призывали героя изъ Египта и приготовляли къ тому общее мнѣніе.

18-е Брюмера Арно находился при Бонапартѣ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ военнаго переворота, который основалъ Имперію, и находился при немъ безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Литтераторъ въ полномъ смыслѣ слова, нѣсколько безпечный и гордый, Арно не заботился болѣе ни о своей будущности, ни о благосклонности своего по-

кровителя. Сперва остался онъ въ Мальтѣ, а послѣ въ дали отъ политики и Императорскаго Двора принялъ на себя скромную и важную должность, гдѣ его вліяніе было всегда правосудно и благодѣтельно.

Свободные часы его были всѣ посвящаемы литтературѣ. Трагическій авторъ школы *Дюсиса* въ произведеніяхъ своихъ, онъ прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, онъ не воспѣвалъ его царствованія. Великіе Властители, потрясающіе сильно воображеніе народовъ, пробуждаютъ его у поэтовъ уже долго послѣ своей кончины. Одаренный умомъ колкимъ и насмѣшливымъ, способнымъ болѣе къ коварнымъ намекамъ басни, нежели къ панегирику, Арно выхвалялъ Наполеона лишь послѣ его паденія и то важнымъ языкомъ исторіи. Его пристрастіе было благоговѣніе къ генію и къ несчастію; оно вдохнуло ему много краснорѣчивыхъ страницъ: онъ заплатилъ изгнаніемъ за право написать ихъ. Писатель мирный, врагъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, онъ былъ увлеченъ бурей, сокрушившей династію.

По этому случаю, въ продолженіе нѣкотораго времени, онъ могъ не принадлежать болѣе этой Академіи, гдѣ онъ имѣлъ столько правъ на свое мѣсто и, куда все его призывало. Онъ даже возвратился къ намъ при томъ правленіи, которое такъ несправедливо изгнало его. Во второй разъ услышалъ онъ здѣсь похвалы трудамъ, прославившимъ жизнь его,

и таланту, которому никакая революція не могла дать отставки. Ему прочли тѣ стихи, которымъ означенъ былъ первый день его изгнанія; и онъ нашелъ въ рукоплесканіяхъ и въ живомъ соучастіи публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этотъ характеръ вмѣстѣ съ его славою далъ ему право на мѣсто, требовавшее довѣренности, которое опустѣло между нами послѣ умнаго и почтеннаго *Андріё*, мѣсто, которое требуетъ безкорыстной любви къ словесности, призываетъ иногда къ защитѣ ея достоинства и должно быть нераздѣльно соединено съ тѣми благородными чувствами, которыя она внушаетъ душѣ человѣка.

Какъ должны мы сожалѣть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь въ полной ея силѣ и похитила Арно посреди недоконченныхъ трудовъ его! Записки, писанныя имъ съ такимъ остроуміемъ и безпечностію, составляютъ любопытный памятникъ его старости, и могутъ выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидаетъ послѣднихъ произведеній художника и поэта. Арно, какъ умный и нечестолюбивый зритель, замѣшанный въ движенія вѣка, не умѣлъ имъ пользоваться, но видѣлъ много вещей и всегда умѣлъ оцѣнять ихъ съ тою сильною прямотою совѣсти, отъ которой яснѣетъ самый расчетъ разума. Ни собственная выгода, ни политическія связи не имѣли вліянія на вѣрность его воспоминаній, на его нравственный

инстинктъ. Нѣкоторыя несчастія прежней Королевской династіи, можетъ быть, нигдѣ не были описаны съ такимъ живымъ участіемъ, какъ въ книгѣ Арно, изгнаннаго изъ Франціи въ 1815 году.

Это происходило отъ того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носятъ иногда печать современныхъ страстей, но дышатъ всегда откровенностію, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оцѣнили талантъ вашего предшественника; но ваше поприще, М. Г., счастливое и легкое, не можетъ сравниться съ его поприщемъ. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успѣхи, дорого купленные и добываемые съ боя. Вы все это знаете по слухамъ: для васъ Литтература съ молодости была рядъ наслажденій, славою, богатствомъ. Это весьма рѣдкая участь, примѣръ опасный, быть можетъ; но его оправдываютъ вашъ талантъ и характеръ.

Не бойтесь, М. Г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мнѣ найти причину ея въ вопросѣ болѣе общемъ, который вы сей часъ предложили себѣ и разрѣшили умно и удачно, но можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Тайна вашихъ постоянныхъ успѣховъ заключается, я думаю, въ томъ, что вы счастливо разгадали духъ нашего вѣка; вы создали родъ комедіи, съ которою онъ хорошо сроднился,

которая походитъ на него, комедію живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить намъ не достаетъ времени, а рядъ портретовъ выразительныхъ, которые блеснутъ, исчезнутъ, но не забываются. И такъ, не раздѣляя мнѣнія, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вамъ, что театръ по существу своему долженъ быть въ противорѣчіи съ нравами, противоположнымъ полюсомъ общества, что онъ не долженъ походить на публику, чтобы нравиться публикѣ, я, признаюсь вамъ, придерживаюсь втораго мнѣнія и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедіями.

Безъ сомнѣнія, одна комедія не составляетъ полной исторіи народа; но она объясняетъ, пополняетъ эту исторію. Она ничего не говоритъ о политическихъ происшествіяхъ, по крайней мѣрѣ со временъ Аристофана, (или, если хотите, со временъ Бертрана и Ратона), но она свидѣтельница духа и нравовъ народа, у котораго родились эти произшествія. Не называя никого по имени, она пишетъ лѣтопись каждаго. Узнали ли бъ вы совершенно вѣкъ Лудовика XIV безъ Мольера? Знали ли бы вы, что̀ былъ тогда дворъ, городъ и особенно̀ Тартюфъ? Нѣтъ ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Донъ Жуана, которая бы не показала вамъ какой нибудь любопытной стороны народнаго духа въ XVII столѣтіи, не дала бы вамъ понятія о движеніи въ нравахъ и не открыла бъ

вамъ броженія мнѣній при мнимой тишинѣ этой величественной эпохи?

Въ послѣдствіи, М. Г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, котораго вы уже слишкомъ смѣшиваете съ ними, увѣрены ли вы, что она въ сильной противоположности съ своимъ временемъ? XVIII-е столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, выражаясь вашими словами, XVIII-е столѣтіе не походило ли въ праздности высшихъ классовъ, въ злоупотребленіяхъ ума, въ утонченномъ развратѣ нравовъ на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдемъ ли мы и въ другихъ комедіяхъ того времени, еще болѣе слабыхъ, вѣрнаго изображенія нравовъ, и можетъ быть достойнаго наблюденій Историковъ? Что же касается до хорошихъ комедій той же эпохи, то они говорятъ много, и даже слишкомъ много; напримѣръ, Свадьба Фигаро, есть безцѣнное свѣдѣніе для исторіи.

Я боюсь, М. Г., слѣдуя за вами далѣе, броситься ради комедіи въ лѣтописи нашей революціи: но и въ ту эпоху, этотъ сантиментальный наборъ словъ, это идолопоклонство *старости, добродѣтели, дѣтству,* выводимое на театрѣ во время политическихъ ужасовъ, не было ли также чертою нравовъ? Тотъ же самый наглый обманъ не повторялся ли въ рѣчахъ трибуны и въ программахъ народныхъ праздниковъ, гдѣ священныя слова человѣчества смѣшивались съ гнусными пре-

ступленіями; — это были проповѣди и гимны новой *Лиги.*

Мнѣ кажется, М. Г., что театръ, хорошъ ли онъ или дуренъ, естественъ ли онъ, или натянутъ, всегда, какъ прежде говорили и доказывали, театръ есть драгоцѣнный свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній.

Въ нравахъ народа заключены его предразсудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходитъ въ театръ искать того, что не выражаетъ настоящаго его положенія, но говоритъ ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что имъ потеряно. И потому я скажу, М. Г., пользуясь вашимъ же примѣромъ: если въ мирныя времена *возстановленія* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были въ такой милости у публики, то не отъ того, что эта картина противорѣчила духу времени; но напротивъ потому что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбіе; проницательный политикъ могъ бы открыть въ этихъ представленіяхъ, принимаемыхъ толпою съ восторгомъ, страсть не потушенную въ теченіи 15 лѣтъ, и вдругъ вспыхнувшую.

Да, М. Г.! въ вашихъ же произведеніяхъ можно найти эту современную точность, которую вы, отнявъ у комедіи, присвоили одной Пѣснѣ, и сдѣлать васъ Историкомъ противъ вашей воли. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ вы приняли всѣ возможныя пре-

досторожности: вы соединили Пѣсню съ Комедіей, и что ни говори о вашей литтературной теоріи, — со всѣхъ сторонъ васъ ожидаютъ рукоплесканія.

Я признаюсь, что эта теорія дѣлается весьма правдоподобною въ послѣднихъ примѣрахъ вами приведенныхъ. Въ нашихъ глазахъ, почти въ то самое мгновеніе, когда я говорю, исчезло было это соотношеніе, это сходство театра съ публикою, или лучше сказать, казалось, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ быть развратителемъ другаго. Но въ этомъ отзывѣ общественному перевороту, въ этомъ безплодномъ броженіи возмутительныхъ головъ, нѣтъ ли чего такого, чѣмъ бы можно было изъяснить эту потребность сильныхъ потрясеній, столь противоположную нашимъ семейственнымъ нравамъ, эту потребность, рѣдко удовлетворенную на театрѣ и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже безъ пособія цензуры? Вы сами, Милостивый Государь, можете судить лучше другихъ объ этомъ, вы не заражены эпидеміею преувеличенія, этой страстью къ ложному, вы умѣете на свободѣ соединять остроуміе съ здравымъ смысломъ, и не нуждаетесь въ неблагопристойныхъ сценахъ для драматическаго эффекта.

Долгіе успѣхи научили васъ этому трудному искусству, отъ котораго вы рѣдко отступали, не смотря на огромное количество пьесъ, писанныхъ наскоро. Аристократъ Буало говорилъ:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art.

Этотъ совѣтъ, хотя, кажется, можетъ быть ненужнымъ и лишнимъ въ наше время, но тѣмъ не менѣе можетъ быть примѣненъ съ точностію ко всѣмъ родамъ пѣсни на нашихъ театрахъ. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могутъ избавить автора отъ этихъ двухъ старинныхъ условій, требуемыхъ Буало: *здраваго смысла и изящества;* и если бы даже они перестали быть принадлежностію большихъ произведеній, то все бы надобно было требовать ихъ соблюденія отъ водевиля и комической оперы.

Такъ въ прошедшемъ столѣтіи человѣкъ съ необработаннымъ талантомъ, Седенъ, съ помощію здраваго смысла и искусства нашелъ новое мѣсто на нашихъ театрахъ и оставилъ незабытыя произведенія. Вамъ, М. Г., приготовленному съ раннихъ дней изученіемъ литтературы, вамъ предстояло менѣе усилій и затрудненій. Къ той оригинальности, безъ которой ни одинъ писатель не можетъ занять сильно публики, вы присоединили изученіе хорошихъ образцевъ; ваши первыя произведенія, по видимому импровизированныя посреди юной, безпечной веселости, всегда носили на себѣ отпечатокъ искусства и были написаны съ такою же быстротою, какъ и со тщаніемъ.

Вы ограничивали вашъ талантъ тѣсною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свѣжія, дѣвственныя представленія нравовъ — уже были похищены у васъ прежними мастерами. Бросая на-

блюдательный взглядъ на наше общество, вы не нашли въ немъ уже тѣхъ рѣзкихъ образовъ, той борьбы между состояніями, того особеннаго характера разныхъ классовъ, столь удобныхъ для высшей комедіи; и не смотря на счастливые примѣры, вы не рѣшились испытать свою силу въ этой изящной сферѣ искусства. Васъ прельщалъ успѣхъ болѣе легкій и скорый. Вмѣсто того, чтобъ сосредоточить вашу комическую силу на какомъ нибудь предметѣ, требующемъ долгаго размышленія, вы раздробили ее на тысячу мелкихъ блистательныхъ очерковъ, возобновили ту изобрѣтательную плодовитость Испанскихъ поэтовъ, которыхъ произведенія и успѣхи считались сотнями. Посреди общества, подведеннаго подъ одинъ и тотъ же уровень, но общества дѣятельнаго, безпокойнаго, вы переносили на сцену его мнѣнія, моды, причуды по мѣрѣ того, какъ онѣ появлялись предъ вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вмѣсто главной черты, мелочные оттѣнки и умѣли заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чемъ вы молчали. Многія мелкія пьесы Мольера цѣнятся знатоками наравнѣ съ его большими произведеніями. Вы умѣли быть оригинальнымъ, подражая этимъ небольшимъ пьескамъ; и часто воспоминаніе или противоположная сторона какой-либо мысли великаго поэта подавали вамъ средство написать цѣлую новую пьесу.

Но особенно въ наше время, подъ Парижскимъ горизонтомъ, въ его шумной жизни, въ его дѣлахъ и удовольствіяхъ на биржѣ, въ литтературѣ, вокругъ себя, въ происшествіяхъ вчерашняго вечера, вы умѣли схватить предметы и освятить ихъ вдохновеніемъ. Вашъ театръ приблизился къ тѣмъ *Пословицамъ* гостиныхъ, гдѣ общество обрисовываетъ само себя, и говоритъ своимъ ежедневнымъ языкомъ. Но, пока вы писали подъ диктовку публики, возвращая ей, что она вамъ давала, сколько удачныхъ и остроумныхъ картинъ, сколько быстрыхъ и живыхъ разговоровъ обличали ваше участіе въ этой общей работѣ.

Вотъ причина, М. Г., почему ваши пьесы забавляютъ всю Францію, переходятъ за границу и тамъ переведенныя, передѣланныя, сокращенныя, увеличенныя, по вкусу разныхъ народовъ, поддерживаютъ всѣ театры отъ Юга до Сѣвера. Вездѣ хохотали, вездѣ съ жадностію хватались за ваши произведенія. Это служитъ доказательствомъ, что не костюмъ и минутные намеки составляютъ главное въ этихъ совершенно Парижскихъ пьесахъ, — но что въ нихъ много истины и много веселости обще-человѣческой.

Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въ полномъ смыслѣ *Просителя—Мизантропу*. Я увѣренъ,

что вы сами несогласны съ этимъ мнѣніемъ; но заблужденіе, въ которое вы ввели такого критика своею остроумною комедіею, служитъ новымъ доказательствомъ въ вашу пользу; такое заблужденіе было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни въ этихъ легкихъ сценахъ, которыя не только играютъ, но на которыя пишутъ комментаріи за границей. Не повторяя словъ критика, я не могу однако же не обратить вниманія на особенное искусство, съ которымъ ведены ваши важнѣйшія пьесы, на быстрое и свободное движеніе вашей драмы, на вѣрность производимыхъ ею впечатлѣній (хотя разговоръ и бываетъ иногда слишкомъ украшенъ или слишкомъ мелоченъ), на вашу тайну обрисовывать предметъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, на вашъ разговорный слогъ, то граціозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое разстояніе отъ *Дипломата* до *Валеріи*, отъ *l'Interieur d'u Bnurcau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразіе, иногда какое остроумное нравоученіе, въ многочисленныхъ пьесахъ, на предметъ профанированный стариннымъ театромъ: на бракъ! Одна изъ нихъ, *Женидьба по ращету* (le Mariage d'argent), есть настоящая комедія въ пяти актахъ, безъ куплетовъ, безъ *сотрудниковъ*, поддерживаемая драматическою цѣлостью, единствомъ характеровъ, истиною разговора, силою оставляемаго ею въ душѣ впечатлѣнія. Проза не вредитъ этому

творенію, также какъ и прекраснымъ комедіямъ Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, М. Г., зачѣмъ вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедію, которая такъ удалася вамъ; у васъ не было недостатка ни въ талантѣ, ни въ источникахъ смѣшнаго. Даже это поприще расширилось при дѣйствіи нашихъ общественныхъ переворотовъ, и вамъ было возможно испытать свои силы надъ политическою комедіею, этою крайнею вольностію театральнаго искусства. Между большимъ числомъ вашихъ успѣховъ замѣчательны Bertrand et Raton, сколько по новости предмета, столько и по истинѣ подробностей. Эта пьеса сама собою имѣла достоинство случайное, оцѣненное публикою, для которой потребность порядка было чувствомъ народнымъ. Она осмѣивала мятежъ и живо изображала какое искусственное волненіе и какія мелочныя причины могутъ иногда возмущать спокойствіе Государства.

Впрочемъ, М. Г., это поприще политической комедіи, на которомъ вы сдѣлали нѣсколько шаговъ, скоро закрылось, и вы объ этомъ не сожалѣете. Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смѣшное въ раздорахъ партій; вы и безъ этого средства умѣете возбудить вниманіе и покупать побѣду. Вы еще молоды: публика ожидаетъ отъ васъ многаго. Обратится ли вашъ талантъ къ успѣхамъ болѣе рѣдкимъ, или возобно-

вить прежніе, Академія во всякомъ случаѣ не будетъ сожалѣть о своемъ выборѣ. Ибо честь и жизнь Литтературнаго общества тогда только возможны, когда оно привлекаетъ къ себѣ всѣ роды знаменитостей, узаконенныхъ публикою. Это различныя формы, въ которыхъ является состояніе искусства въ какой либо націи. Не всѣ приходятъ вдругъ и не всякой принимаетъ въ этомъ дѣлѣ одинакое съ другими участіе; строгому вкусу, глубокой учености должно быть мѣсто возлѣ смѣлаго таланта; возлѣ людей, посвятившихъ себя Словесности для самой Словесности, должны быть люди, для которыхъ оно лишь средство дѣйствія на трибунѣ, въ судѣ и въ театрѣ. Всѣ эти различные роды соприкасаются одинъ къ другому и соединяются: сіе-то самое смѣшеніе и составляетъ характеръ Академіи. Каждая наша потеря, какъ и всякій нашъ выборъ, болѣе и болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Нѣкогда изъ среды насъ былъ похищенъ ораторъ, котораго важное, возвышенное слово, громко прозвучавъ въ національныхъ собраніяхъ, тихо раздавалось въ нашихъ мирныхъ бесѣдахъ, мужъ доблестный и краснорѣчивый, сохранившій всеобщее уваженіе и въ отдаленіи отъ дѣлъ, и даже при кормилѣ правленія. Кто возвратитъ намъ Лене *?

* Французская Академія на мѣсто умершаго Лене выбрала г. Дюпати, мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академія имѣла на то, вѣроятно ей извѣстныя, причины. Мы же не знаемъ, что такое г. Дюпати.

По крайней мѣрѣ да огласятся эти стѣны нашимъ сѣтованіемъ и да простятъ намъ, что мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы гласно принести дань нашего благоговѣнія на его смиренную и еще свѣжую могилу.

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ.

Modo vir, modo foemina.

Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Маріупольскій Гусарскій полкъ. Въ послѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій, и продолжалъ свою службу стольже ревностно, какъ и началъ.

Повидимому все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку, хорошей дворянской фамиліи, оставить отеческій домъ, отрѣчься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мущинъ, и явиться на полѣ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя, семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы *Современника* отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812 — 13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

Изд.

11 *Марта* 1812 *года.* Сегодня сказали мы послѣднее прости гостепріимному дому Платера, веселому жилищу нашему въ Домбровицѣ, и всему, что насъ любило, и всему, что насъ плѣняло! Мы идемъ въ Бѣльскъ, выострима свои пики, сабли, и пойдемъ далѣе.

Говорятъ старики уланы, что всякой разъ, какъ войско Русское двинется куда нибудь, двинутся съ нимъ и всѣ непогоды. На этотъ разъ надобно имъ повѣрить: со дня выступленія провожаютъ насъ снѣгъ, холодъ, выюга, дождь и пронзительный вѣтръ. У меня такъ болитъ кожа на лицѣ, что не могу до нее дотронуться; по совѣту старшаго Т., я каждой вечеръ умываюсь сывороткой, и отъ этого средства боль не много прошла, но я сдѣлалась такъ черна, такъ черна, что ничего уже не знаю чернѣе себя.

П. занятъ расчетами въ Штабѣ; я осталась старшимъ офицеромъ по немъ и командую эскадрономъ; впрочемъ я калифъ на часъ; чрезъ два дня царствованіе мое кончится.

Кастюкновка. Въ этомъ селеніи назначена эскадрону нашему днёвка. Квартирою намъ четверымъ, то есть: Ч., двумъ Т. и мнѣ, служитъ крестьянская хижина почернѣлая, закоптѣлая, напитанная дымомъ, съ разтрепанною соломенною кровлею, землянымъ поломъ, и похожая снаружи на раздавленную черепаху. Передній уголъ этой лачуги принадлежитъ намъ; у порога и печи расположились наши деньщики, прилѣжно занимаясь чисткою удилъ, мундштуковъ, стремянъ, смазываньемъ ремней и тому подобными кавалерійскими работами. Неужели намъ оставаться цѣлый день въ такой конуркѣ и въ такомъ товарищcтвѣ! Мы рѣшились ѣхать на весь день къ помѣщику селенія Соколовскому.

Онъ принялъ насъ очень ласково и мы провели у него день весело и пріятно. Я очень была обрадо-

вана, узнавъ, что онъ тотъ самой Соколовскій, о которомъ писалъ Коцебу въ своемъ достопамятномъ годѣ жизни. Коцебу называетъ его Соколовымъ, видно по ошибкѣ; Соколовскій разсказываетъ намъ, какъ жилъ въ Сибири, грустилъ, надѣялся, ходилъ на охоту и ждалъ съ терпѣніемъ и философіею перемѣны къ лучшему. Я спрашивала, такъ ли жилъ Коцебу въ Сибири, какъ описываетъ, и былъ ли онъ печаленъ? Онъ жилъ весело, отвѣчалъ смѣючись Соколовскій, игралъ каждый день въ карты, каждый день выигрывалъ и, по наружности казалось, мало заботился о томъ, что будетъ съ нимъ далѣе.

Мы стоимъ въ бѣдной деревушкѣ, на берегу Наревы. Каждую ночь лошади наши осѣдланы, мы одѣты и вооружены; съ полуночи половина эскадрона садится на лошадей и выѣзжаетъ за селеніе содержать пикетъ и дѣлать разъѣзды; другая остается въ готовности на лошадяхъ. Днемъ мы спимъ. Этотъ родъ жизни очень похожъ на описаніе, которое дѣлаетъ мертвецъ Жуковскаго:

Близъ Наревы домъ мой тѣсной;
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ,
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Это точь въ точь мы, Литовскіе Уланы: всякую полночь сѣдлаемъ, выѣзжаемъ, и домикъ, который занимаемъ—тѣсенъ, малъ и близъ самой Наревы. О сколько это положеніе опять дало жизни всѣмъ моимъ ощущеніямъ! Сердце мое полно чувствъ, голова мыслей, плановъ, мечтаній, предположеній; вооб-

раженіе мое рисуетъ мнѣ картины, блистающія всѣми лучами и цвѣтами, какіе только есть въ царствѣ природы и возможностей! Какая жизнь, какая полная, радостная, дѣятельная жизнь! Какъ сравнить ее съ тою, какую вела я въ Домбровицѣ! Теперь каждый день, каждый часъ я живу и чувствую, что живу: о въ тысячу, въ тысячу разъ превосходнѣе теперешній родъ жизни!... Балы, танцы, волокитства, музыка,... о Боже! какія пошлости, какія скучныя занятія!...

Право, я не думала, что найду употребленіе тому вину, котораго раздаютъ намъ по двѣ рюмки каждой день наровнѣ съ солдатами; но видно не надобно ничѣмъ пренебрегать: вчера, проходя одно селеніе, должно было нашему эскадрону идти чрезъ узкую плотину; какое-то затрудненіе, встрѣтившееся переднему отдѣленію, заставило эскадронъ остановиться; другіе подходя потѣснили насъ съ тылу, и лошади наши, тѣснясь и упираясь, чтобъ не упасть въ широкіе рвы съ боковъ плотины, стали бѣситься, бить и становиться на дыбы. Въ этомъ безпорядкѣ меня вдавили въ средину моего взвода, и такъ сжали, что я, хотя и видѣла, какъ стоящая передо мною лошадь располагалась ударить меня своею, хорошо подкованною ногою, но во власти моей было только съ мужествомъ дождаться и вытерпѣть этотъ ударъ; отъ жестокой боли я вздохнула изъ глубины души! Негодная лошадь имѣла и волю и возможность раздробить ногу мою, потому что я была какъ въ тискахъ; къ щастію, когда она собиралась повторить ударъ, эскадронъ тронулся съ

мѣста и все пришло въ порядокъ. Когда стали на лагерь, я осмотрѣла свою ногу и ужаснулась: она была разшиблена до крови и распухла! отъ подошвы до колѣна ломитъ нестерпимо! Въ первый разъ въ жизни я охотно сѣла бы въ повозку; мучительно ѣхать верхомъ; но какъ перемѣнить этаго не чѣмъ, то и надобно терпѣть. Повозокъ при насъ давно уже нѣтъ ни одной; теперь вино пригодилось мнѣ; всякой день я мо́ю имъ больную ногу свою, и вижу къ испугу моему, что она дѣлается съ каждымъ днемъ багровѣе, хотя боль и утихаетъ. Ступень ушибленной ноги сдѣлалась черна какъ уголь; я боюсь смотрѣть на нее, и не могу понять, отъ чего почернѣла ступень, когда ушибъ на срединѣ между ею и колѣномъ? К. говоритъ, что ногу мою надобно будетъ отрѣзать; какой вздоръ! . .

Чтобы это значило? Мы отступаемъ и очень поспѣшно, а еще ни разу не были въ дѣлѣ!

Сегодня шли безъ дороги, лѣсомъ; я думала, что мы спѣшимъ прямымъ путемъ на непріятеля, но ничего не бывало; мы прибѣжали, чтобъ вытянуть фронтъ нашъ въ высокихъ конопляхъ. Было для чего торопиться! Однако жъ впереди насъ сражаются . . . Худо остаться безъ настоящаго Начальника! Полковой командиръ Т. отрапортовался больнымъ еще въ Бѣльскѣ и оставилъ насъ на произволъ судьбы; нами командуетъ теперь Ш., Подполковникъ Новороссійскаго Драгунскаго полка; К., шефъ этого полка, нашъ Бригадный Начальникъ.

Мы все еще стоимъ въ коноплахъ; день жарокъ до несносности. П. спросилъ меня, не хочу ли я купаться? И когда я отвѣчала, что очень бы хотѣла, тогда велѣлъ мнѣ взять начальство надъ четырнадцатью человѣками Уланъ, отряженными имъ за водою къ ближней рѣчкѣ, которая была также не далеко и отъ сражающихся. Теперь имѣешь случай выкупаться, сказалъ П., только будь остороженъ: непріятель близко. Чтожъ мы не деремся съ нимъ? спросила я, вставая съ лошади, чтобъ идти на рѣку. Какъ будто всѣмъ надобно драться! подожди еще, достанется и на твою долю; ступай! ступай! не мѣшкай! да смотри пожалуста Александровъ, чтобъ соколы твои не разлетѣлись. Я пошла позади моей команды, велѣвъ унтеръ-офицеру идти впереди, и въ такомъ порядкѣ привела ихъ къ рѣчкѣ. Оставя Уланъ наполнить котелки свои водою, умываться, пить и освѣжаться какъ могли, я ушла отъ нихъ на полверсты вверьхъ по теченію, проворно раздѣлась и съ неизъяснимымъ удовольствіемъ бросилась въ свѣжія, холодныя струи! Разумѣется, я не долго могла тутъ блаженствовать; минутъ чрезъ десять я вышла изъ воды и одѣлася еще скорѣе, нежели раздѣлась, для того что выстрѣлы слышались очень уже близко; я повела свою команду, освѣженную, ободренную и несущую благотворную влагу своимъ товарищамъ.

Весь эскадронъ нашъ отряженъ на пикетъ; мнѣ очередь разводить, ставить и объѣзжать ведеты. Для этого дано мнѣ полъэскадрона; съ другою половиною

П. расположился въ селеніи. Получивъ отъ Ротмистра наставленія, какъ въ какомъ случаѣ поступать, какія брать предосторожности, и что наблюдать при размѣщеніи часовыхъ, я отправилась съ своимъ полуэскадрономъ на гору къ монастырю, гдѣ надобно было поставить первой ведетъ. Половиною людей своихъ я заняла назначенные пункты, а другая была въ готовности, чтобъ по прошествіи урочнаго времени смѣнить ихъ. Была уже полночь, когда я поѣхала смѣнять свои ведеты. Подъѣзжая къ селенію, расположенному недалеко отъ той горы, гдѣ находился монастырь, я приказала Уланамъ ѣхать по травѣ, прижать сабли колѣномъ къ сѣдлу и не очень сближаться одному съ другимъ, чтобъ не бренчать стременами. У самаго селенія, я остановила свою команду и поѣхала одна осмотрѣть, не кроется ли гдѣ непріятель. Мертвое молчаніе царствовало повсюду; всѣ дома были брошены своими жителями; все было тихо и пусто, и одна только черная глубь растворенныхъ сараевъ и конюшень крестьянскихъ страшно зіяла на меня. Зементъ, имѣвшій дурную привычку ржать, когда отставалъ отъ лошадей, теперь, казалось, таилъ дыханіе и ступалъ такъ легко по твердой дорогѣ, что я не слыхала его топота. Увѣрясь, что въ селеніи никого нѣтъ, я возвратилась къ своимъ Уланамъ и повела ихъ чрезъ деревню къ подошвѣ горы. Тутъ взявъ съ собою двухъ Уланъ и одного унтеръофицера, оставила я всю свою команду, а сама поѣхала на гору къ стѣнамъ монастыря, чтобъ смѣнить главный ведетъ. «Намъ что-то слышится въ

полѣ, Ваше Благородіе, говорили Уланы, и что-то маячитъ то тамъ, то сямъ, какъ будто люди на лошадяхъ, но разглядѣть порядочно не можемъ, а чуть ли то не Французы.» Я сказала, что если при окликѣ не скажутъ лозунга, то стрѣлять по нихъ, и взявъ съ собою смѣненныхъ Уланъ, поѣхала къ оставленной подъ горою командѣ. Проѣзжая рощу, окружавшую монастырь, я очень удивилась, увидя одного изъ тѣхъ людей, которые должны были ждать меня у подошвы горы, идущаго ко мнѣ пѣшкомъ. Что это значитъ, спросила я, зачѣмъ ты здѣсь и безъ лошади? Онъ отвѣчалъ, что лошадь сшибла его. Какъ! стоя на мѣстѣ! — Нѣтъ; на насъ напали Французы; унтеръ-офицеръ, которому вы поручили насъ, убѣжалъ первый; намъ нечего было дѣлать, и мы разбѣжались въ разныя стороны. Я поскакалъ было къ вамъ, чтобъ дать знать, но лошадь моя стала на дыбы и сбросивъ меня убѣжала. — Гдѣжъ Французы?—Не знаю. — Прекрасно! Я не въ правѣ была взыскивать съ солдата, когда унтеръ-офицеръ бѣжалъ, но чрезвычайно была недовольна и встревожена этимъ обстоятельствомъ.—При выѣздѣ изъ рощи, увидѣла я толпу конныхъ людей, которые что-то нерѣшительно переминались; то поѣдутъ, то станутъ, то осадятъ лошадей и наклонятся одинъ къ другому. Я остановилась, чтобъ всмотрѣться, что это такое, но услыша Русской разговоръ, тотчасъ подъѣхала къ нимъ и спросила, кто они? Казаки, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ; хорошо, что вы остановились, а то мы хотѣли ударить на васъ. Для чего же ударить, не окликнувъ, не спрося лозунга, не

узнавъ навѣрное, непріятель, или свой? Да что еще значитъ: хорошо, что вы остановились?—А какъ же? Вѣдь вы давича бѣжали отъ насъ.»—Теперь все дѣло объяснилось: нѣсколько человѣкъ Казаковъ, рыская по обыкновенію по всѣмъ мѣстамъ, заѣхали и въ пустую деревню посмотрѣть, нѣтъ ли чего или кого, оттуда пустились въ монастырь, и увидя подъ горою конной отрядъ, сочли его за непріятельскій, и пока совѣщались между собою: гикнуть на него или нѣтъ? храбрецы мои, сочтя ихъ также за непріятелей, не разсудили за благо этого дождаться, и слѣдуя примѣру негодяя унтеръ-офицера, бросились скакать въ разныя стороны. Это разсыпное бѣгство и быстрота лошадей ихъ спасли отъ преслѣдованія Казаковъ, которые взъѣхавъ на гору, осмотрѣли монастырь, и не нашедъ ничего и никого, отправились обратно, но увидя меня съ тремя уланами, приняли за тѣхъ же, по ихъ мнѣнію Французовъ, которые отъ одного вида ихъ бѣжали, и если бъ я не подъѣхала къ нимъ съ вопросомъ, то они ударили бы на насъ съ пиками.—«Ужъ мы хотѣли было принять васъ хорошенько!» сказалъ одинъ бравой Казакъ лѣтъ пятидесяти.—Куда вамъ, отвѣчала я съ досадою, наши пики тверже вашихъ, вы не нашли бъ мѣста, куда убѣжать.—И не слушая болѣе ихъ толковъ, поѣхала своею дорогою. Свыше всякаго выраженія я была недовольна и обезкуражена. Что ожидаетъ меня въ будущемъ? Можно ль пуститься на какое нибудь славное дѣло съ такими сподвижниками? При одномъ видѣ опасности они убѣгутъ, выдадутъ, остыдятъ. Зачѣмъ я оставила

доблестныхъ Гусаровъ моихъ? Это Сербы, Венгры! Они дышатъ храбростію, и слава съ ними не разлучна! . . . Все пропало для меня въ будущемъ; но что еще ожидаетъ меня теперь? Трусы вѣрно уже встревожили резервъ, П. можетъ послать въ главную квартиру съ этимъ адскимъ донесеніемъ: «пикетъ подъ начальствомъ Поручика Александрова разбитъ непріятелемъ, по сему дѣйствію прорвавшимся чрезъ передовую линію ведетовъ»! И вотъ, спокойствіе и безопасность арміи потревожены потому только, что Поручикъ Александровъ или трусъ или глупецъ, позволилъ себя разбить не защищаясь, не давъ знать резерву, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, иначе непріятелю нельзя было бы такъ удобно прорѣзать передовую цѣпь ведетовъ! А мнѣ сказано, *что и тѣнь пятна на имени Александрова не простится мнѣ никогда!* . . . Мысли и чувства, черныя какъ ночь, тяготили умъ и сердце мое; я ѣхала шагомъ въ сопровожденіи трехъ Уланъ, мнѣ оставшихся; вдругъ сильный топотъ скачущаго полуэскадрона поразилъ слухъ мой. Взглянувъ впередъ, увидѣла Т. С., несущагося какъ вихрь, а за нимъ летящій полуэскадронъ. Увидя меня, онъ вскрикнулъ съ изумленіемъ, останавливая свою лошадь: «это ты Александровъ! Скажи, ради Бога, что такое случилось?» — Чему случиться, братъ? Разумѣется случилось то, что и всегда будетъ случаться съ нашими трусами. Они испугались Казаковъ и не пошевеля даже оружіемъ бѣжали какъ зайцы. — «П. въ отчаяніи: унтеръ-офицеръ сказалъ, что тебя взяли въ плѣнъ и весь пикетъ вырѣзали». — Что за выраженіе!

вырѣзали! Вѣдь канальи-то не спали, чтобъ ихъ вырѣзать; ихъ могли только изрубить. Что жъ П.?— «Я тебѣ говорю, что онъ въ отчаяніи:—Какъ онъ могъ забыть мои слова! Я такъ ясно, такъ подробно все растолковалъ ему—говорилъ съ горестію и досадою бравый начальникъ нашъ; но вотъ онъ ѣдетъ и самъ; мы вѣдь поѣхали было отбивать тебя у непріятеля, хотя бы это стоило цѣлаго эскадрона». Я подъѣхала къ П.:—не вините меня, Ротмистръ! Я лучше желалъ бы быть разбитъ и взятъ въ плѣнъ, нежели видѣть себя покрытымъ незаслуженнымъ стыдомъ. Въ первой разъ еще дано мнѣ порученіе, назначенъ постъ, соединенный съ опасностію и требующій мужества и неусыпности, и вотъ какъ отлично исполнено это порученіе. — Я разсказала Ротмистру подробно все происшествіе. Мы возвратились въ наше село, оставя бѣдныхъ часовыхъ стоять безъ смѣны до разсвѣта. Не было уже времени смѣнять ихъ.—П., отличнѣйшій офицеръ, храбрый и опытный, получа нелѣпое донесеніе отъ бѣжавшаго съ пикета унтеръ-офицера, какъ ни былъ имъ встревоженъ и огорченъ, не хотѣлъ послать однакожъ этого извѣстія далѣе, не употребя прежде всѣхъ способовъ поправить это несчастное дѣло, и рѣшился лучше погибнуть со всѣмъ эскадрономъ, сражаясь до остальной капли крови, нежели допустить въ огласку столь постыдный случай. Благодаря этой геройской рѣшимости, имя мое сохранилось отъ поношенія, но происшествіе это сдѣлало глубокое впечатлѣніе недовѣрчивости въ душѣ моей; я стала бояться всякой откомандировки,

всякаго порученія, если только исполнять его надобно было вмѣстѣ съ моею командою. Никогда, никогда уже не льзя будетъ повѣрить имъ! Правду говорилъ Е., *что трусъ солдатъ не долженъ жить*. Тогда такое заключеніе казалось мнѣ жестокимъ; но теперь вижу, что это истина, постигнутая великимъ умомъ необыкновеннаго человѣка. Лѣнивый земледѣлецъ, расточительный купецъ, вольнодумецъ-священникъ, всѣ они имѣютъ порокъ противоположный ихъ званію и выгодамъ, но и они вредны только себѣ: бѣдность и презрѣніе остается имъ въ удѣлъ. Но трусъ солдатъ!! .... У меня нѣтъ словъ изобразить всю великость зла, какое можетъ сдѣлать одинъ ничтожный, робкій негодяй для цѣлой арміи! . . . И въ теперешнемъ случаѣ какія бѣды навлекло бы на мою голову одно только то, что трусъ испугался своей тѣни, убѣжалъ, увлекъ за собою другихъ, былъ бы причиною ложнаго донесенія, напрасной тревоги всего войска! Нѣтъ, робкій солдатъ не долженъ жить: Е. правъ!

Эти размышленія занимали меня до разсвѣта. Ведеты наши были смѣнены; трусовъ наказали больно, унтеръ-офицера еще больнѣе. По окончаніи этой расправы, новая мысль не даетъ мнѣ покою, пугаетъ, стыдитъ меня; и я ничѣмъ не могу выжить ее изъ головы, краснѣю, начертывая сіи строки: не я ли одна виновата? не я ли одна заслуживаю и нареканіе и наказаніе? Я офицеръ; мнѣ порученъ былъ этотъ отрядъ; зачѣмъ я оставляла ихъ од-

никъ и съ такимъ унтеръ-офицеромъ, который никогда еще не былъ въ дѣлѣ?

Скорыми маршами ѣдемъ мы въ глубь Россіи и несемъ на плечахъ своихъ непріятеля, который отъ чистаго сердца вѣритъ, что мы бѣжимъ отъ него. Щастіе ослѣпляетъ!.... Мнѣ часто приходитъ на мысль молитва Старна предъ жертвенникомъ Одена, когда онъ проситъ его наслать на умъ Фингала недоумѣнье, *предзнаменующе могущаго паденье!*.... Вопреки безчисленнымъ поклонникамъ Наполеона, беру смѣлость думать, что для такого великаго генія, какимъ его считаютъ, онъ слишкомъ уже увѣренъ и въ своемъ щастіи и въ своихъ способностяхъ, слишкомъ легковѣренъ, неосторожень, мало свѣдущъ. Слѣпое щастіе, стеченіе обстоятельствъ, угнетенное дворянство и обольщенный народъ могли помочь ему взойти на престолъ; но удержаться на немъ, достойно занимать его, будетъ ему трудно. Сквозь его императорскую мантію скоро замѣтятъ артиллерійскаго Поручика, у котораго, отъ неслыханнаго щастія, зашелъ умъ за-разумъ: неужели, основываясь на однихъ только свѣдѣніяхъ географическихъ и донесеніяхъ шпіоновъ, можно было рѣшиться идти завоевывать Государство обширное, богатое, славящееся величіемъ духа и безкорыстіемъ своего дворянства, незыблемой опоры Русскаго престола; устройствомъ и многочисленностію войскъ, строгою дисциплиною, мужествомъ ихъ, тѣлесною силою и крѣпостію сложенія, дающаго имъ возможность переносить всѣ трудности; Государство, за-

ключающее въ себѣ столько же народовъ, сколько и климатовъ, и ко всему этому имѣющее оплотомъ своимъ вѣру и терпимость? Видѣть, что это славное войско отступаетъ не сражаясь, отступаетъ такъ быстро, что трудно поспѣвать за нимъ и вѣрить, что оно отступаетъ, страшась дождаться непріятеля! Вѣрить робости войска Русскаго въ границахъ его Отечества!... Вѣрить и бѣжать за нимъ, стараясь догнать. Ужасное ослѣпленіе!! Ужасенъ долженъ быть конецъ!..

Французы употребляютъ всѣ старанія догнать насъ и подраться, а мы употребляемъ тоже всѣ старанія уйти и не драться. Маневръ этотъ очень утѣшаетъ меня. Забавно видѣть, съ какою быстротою несемъ мы довѣрчиваго непріятеля своего во глубину лѣсовъ нашихъ!.... не всегда однакожъ кажется это смѣшнымъ. Воображая страшный конецъ отступленія нашего, я невольно вздыхаю и задумываюсь. Французы — непріятель достойный насъ, благородный и мужественный; но злой рокъ, въ видѣ Наполеона, ведетъ ихъ въ Россію; въ ней положатъ они головы свои, въ ней разсыплются кости ихъ и истлѣютъ тѣла....

Двое сутокъ я не смыкаю глазъ и почти не схожу съ лошади. Ш. послалъ меня занимать мѣсто для лагеря; мнѣ дали по четыре улана съ каждаго эскадрона, и со мною ѣдутъ также квартиргеры Новороссійскаго Драгунскаго и Ахтырскаго Гусарскаго полка. Занявъ мѣсто для лагеря, я ѣду встрѣ-

тить полкъ, и когда онъ расположится, дожидаюсь приказаній, и получа ихъ, немедленно отправляюсь. Марши наши довольно велики; я почти всякій разъ выѣзжаю въ ночь, пріѣзжаю на мѣсто около полудня, и пока разведутъ мѣста всему арріергарду, я жду своей очереди принять назначенное для полка; послѣ этого надобно тотчасъ ѣхать ему навстрѣчу, размѣстить эскадроны, и опять дождавшись конца всей суматохи и новыхъ приказаній, отправляться въ путь.

Третьи сутки прошли также; лагерь занятъ подъ мѣстечкомъ Кадневымъ. Я не въ силахъ долѣе выносить; возвратясь изъ лагеря въ мѣстечко, я послала улана на дорогу смотрѣть, когда покажется полкъ, и дать мнѣ знать, а сама пошла на квартиру въ намѣреніи что нибудь съѣсть и послѣ заснуть, если удастся. Въ ожиданіи обѣда легла я на хозяйскую постель и болѣе ничего уже не помню... Проснувшись поздно вечеромъ, я очень удивилась, что дали мнѣ такъ долго спать; въ горницѣ не было ни огня, ни людей; я поспѣшно встала, и отворя дверь въ сѣни, кликнула своего унтеръ-офицера; онъ явился: «развѣ полкъ не пришелъ еще»? спросила я; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, а что пришелъ одинъ только Кіевской Драгунской. «Для чегожъ вы не разбудили меня»?—Не могли, Ваше Благородіе; вы спали сномъ смертнымъ; мы сначала будили васъ тихонько, но послѣ трясли за руки, за плечи, посадили васъ, поднесли свѣчу къ самымъ глазамъ вашимъ, наконецъ брызнули холодною водою въ

лице вамъ; все напрасно; вы даже не пошевелились; хозяйка, при которой все это происходило, заплакала, увидя, что мы, не успѣвъ разбудить васъ, положили опять на постель: «Бѣдное дитя! онъ какъ мертвой! зачѣмъ вы берете такихъ молодыхъ въ службу»? Она, наклонясь къ вамъ, прислушивалась дышете ли вы. Оставшись при васъ, я велѣлъ улану ѣхать далѣе по дорогѣ навстрѣчу полка, но онъ скоро возвратился съ увѣдомленіемъ, что нашему полку перемѣненъ маршрутъ, и что сюда пришелъ одинъ только Кіевской Драгунской полкъ подъ начальствомъ М. — Я тотчасъ поѣхала въ лагерь; тамъ еще не спали, и я нашла тутъ обоихъ своихъ товарищей, Драгунскаго и Гусарскаго квартиргеровъ; первой просилъ М. взять его съ командою подъ свое начальство покамѣстъ, а гусаръ и я, освѣдомясь, какою дорогою пошли наши полки, пустились отыскивать ихъ, въ чемъ и успѣли весьма скоро.

Между нашимъ арріергардомъ и непріятельскимъ авангардомъ бываютъ иногда небольшія сшибки такъ только, чтобъ не совсѣмъ безъ дѣла отступать.

Охота же такъ бѣжать! .... Я не знаю, что мнѣ дѣлать; смертельно боюсь изнемочь; въ послѣдствіи это припишутъ не чрезмѣрности столькихъ трудовъ, но слабости моего пола! Мы идемъ и день и ночь; отдохновеніе наше состоитъ въ томъ только, что остановя полкъ, позволятъ намъ сойти съ лошадей на полчаса; уланы тотчасъ ложатся у ногъ своихъ

лошадей, а я, облокотясь на сѣдло, кладу голову на руку, но не смѣю закрыть глазъ, чтобъ невольный сонъ не овладѣлъ мною. Мы не только не спимъ, но и не ѣдимъ: спѣшимъ куда-то! Ахъ, бѣдной нашъ полкъ! . . . . . .

. . . .

Чтобъ прогнать сонъ, меня одолѣвающій, я встаю съ лошади и иду пѣшкомъ, но силы мои такъ изнурены, что я спѣшу опять сѣсть на лошадь и съ трудомъ поднимаюсь на сѣдло. Жажда палитъ мою внутренность; воды нѣтъ нигдѣ, исключая канавъ по бокамъ дороги; я сошла опять съ лошади и съ величайшимъ неудобствомъ достала на самомъ днѣ канавы отвратительной воды, теплой и зеленой; я набрала ее въ бутылку, и сѣвъ съ этимъ сокровищемъ на лошадь, везла еще верстъ пять, держа бутылку передъ собою на сѣдлѣ, не имѣя рѣшимости ни выпить, ни бросить эту гадость; но чего не дѣлаетъ необходимость! я кончила тѣмъ, что выпила адскую влагу....

Еслибъ я имѣла милліоны, отдала бы ихъ теперь всѣ за позволеніе уснуть. Я въ совершенномъ изнеможеніи. Всѣ мои чувства жаждутъ успокоенія.... Мнѣ вздумалось взглянуть на себя въ свѣтлую полосу своей сабли: лице у меня блѣдно какъ полотно и глаза потухли! Съ другими нѣтъ такой сильной перемѣны, и вѣрно отъ того, что они умѣютъ спать на лошадяхъ; я не могу.

Въ ту ночь П. бранилъ меня и С. за то, что люди нашихъ взводовъ дремлютъ, качаются въ сѣдлѣ и роняютъ каски съ головъ. Полчаса спустя послѣ этаго выговора, мы увидѣли его самаго, ѣдущаго съ закрытыми глазами и весьма крѣпко спящаго на своемъ шагистомъ конѣ; утѣшаясь этимъ зрѣлищемъ, мы поѣхали рядомъ, чтобъ увидѣть, чемъ это кончится; но С. хотѣлъ непремѣнно отмстить ему за выговоръ: онъ пришпорилъ свою лошадь и проскакалъ мимо П.; конь его бросился со всѣхъ ногъ, и мы имѣли удовольствіе видѣть испугъ и торопливость, съ какою П. спѣшилъ подобрать повода, выпавшіе изъ руки его.

Непостижимый духъ раздора овладѣлъ мною и С.! Начинаемъ всегда тѣмъ, что выѣдемъ впередъ эскадрона, разговариваемъ прежде очень дружелюбно, послѣ начинаемъ спорить и наконецъ наговоримъ другъ другу вѣжливыхъ колкостей и разъѣдемся къ краямъ дороги; въ одну изъ этихъ вылазокъ мы отъѣхали ко рвамъ по сторонамъ дороги, сошли съ лошадей и легли, но къ счастію не заснули еще, какъ эскадронъ подошелъ; П., полагавшій, что мы при своихъ взводахъ, удивился и разсердился, увидя насъ спокойно расположившихся у рвовъ близъ дороги. «Не стыдно ли вамъ, господа? вмѣсто того, чтобъ смотрѣть за своими солдатами, чтобъ не спали, не падали, не роняли касокъ, не портили лошадей; вы уѣхали впередъ и легли спать на дорогѣ!...» Подстрекаемые тѣмъ же

духомъ раздора, который вооружалъ насъ другъ противъ друга, мы отвѣчали ему, что не прошло еще и двухъ часовъ, какъ онъ самъ испыталъ и доказалъ, что теперешнія трудности превышаютъ силы человѣка! П., не возражая ничего, приказалъ только намъ быть непремѣнно при своихъ мѣстахъ и людяхъ. «Мы обязаны подавать имъ примѣръ, прибавилъ онъ ласково, имъ легче будетъ переносить всякой трудъ, если они увидятъ, что офицеры ихъ переносятъ его наровнѣ съ ними; никогда солдатъ не осмѣлится роптать ни на какую невыгоду, если офицеръ его раздѣляетъ ее съ нимъ». Я почувствовала справедливость словъ П., и приняла твердое намѣреніе всегда ими руководствоваться.

Наконецъ дали намъ отдыхъ. Съ какимъ неописаннымъ удовольствіемъ разостлала я свою шинель на сѣно, легла и въ тужe минуту заснула. Думаю, что я спала часовъ десять, потому что солнце уже садилось, когда я выползла изъ своего шалаша, въ буквальномъ смыслѣ выползла, для того, что отверстіе, служащее дверью, было не много выше полуаршина. Глазамъ моимъ представилась живая и прекрасная картина: толпы офицеровъ уланскихъ, гусарскихъ, кирасирскихъ ходили по всему лагерю; солдаты варили кашу, чистили аммуницію; ординарцы, адъютанты скакали то тамъ, то здѣсь; прекрасная музыка нашего полка гремѣла и восхищала безчисленное множество всѣхъ полковъ офицеровъ, пришедшихъ слушать ее. Ш., теперешній

командиръ полка нашего, будучи любителемъ и знатокомъ музыкальнаго искусства, занялся усовершенствованіемъ нашей полковой музыки и довелъ ее до высшей степени превосходства, такъ что теперь въ обѣихъ арміяхъ, первой и второй западныхъ, нѣтъ ей равной.

Полкъ нашъ расположенъ близъ цѣпи холмовъ, довольно высокихъ; когда наступила ночь, зажглись безчисленные огни бивачные; раздался шумъ, говоръ солдатъ, топотъ, ржаніе лошадей. Я разсматривала съ полчаса эту шумную одушевленную сцену, и наконецъ, сама не знаю для чего, перешла на другую сторону холмовъ; опустясь въ долину, я не слыхала уже ни малѣйшаго шума, какъ будто солдатъ, войны, арміи не существовало никогда на свѣтѣ! Я взошла опять на холмы, посмотрѣла нѣсколько времени на картину кипящей дѣятельности, безпрерывнаго шума и движенія, и снова погрузилась въ тишину и спокойствіе долины! Этотъ скорый переходъ отъ величайшаго шума къ совершенному безмолвію дѣлаетъ на душу мою какое-то впечатлѣніе, котораго я однакожъ ни понять, ни описать не могу.

Близъ Смоленска объявили намъ Государевъ манифестъ, въ которомъ было сказано, «что Государь не удерживаетъ болѣе нашего мужества и даетъ свободу отмстить непріятелю за скуку противувольнаго отступленія, до сего времени необходимаго».

Солдаты наши прыгали отъ радости, и взоры всѣхъ пылали мужествомъ и удовольствіемъ. «Наконецъ! говорили офицеры, теперь будетъ наша очередь догонять!»

Смоленскъ. Я опять слышу грозный, величественный гулъ пушекъ! Опять вижу блескъ штыковъ! Первый годъ моей воинственной жизни воскресаетъ въ памяти моей!.. . Нѣтъ! трусъ не имѣетъ души! иначе, какъ могъ бы онъ видѣть, слышать все это и не пламенѣть мужествомъ? Часа два дожидались мы приказанія подъ стѣнами крѣпости Смоленской; наконецъ велѣно намъ идти на непріятеля. Жители города, видя насъ проходящихъ въ порядкѣ, устройствѣ, съ геройскою осанкою и увѣренностію въ своихъ силахъ, провожали насъ радостными восклицаніями; нѣкоторые, а особливо старики, безпрерывно повторяли: «помоги Богъ! помоги Богъ!» какимъ-то необыкновенно торжественнымъ голосомъ, который и заставлялъ меня содрогаться и приводилъ въ умиленіе. . . .

Полкъ нашъ помѣщенъ по обѣимъ сторонамъ дороги; эскадронъ П. на лѣвой; еще лѣвѣе, кирпичные сараи; мѣсто, намъ доставшееся, такъ неудобно для оборотовъ кавалеріи, что при первомъ натискѣ непріятеля мы не удержимъ его за собою; все это поле изрыто, усѣяно мелкими кустами и перерѣзано рытвинами такъ, что при каждомъ быстромъ движеніи эскадронамъ пришлось бы перескакивать на каждомъ шагу или ровъ, или кустъ, или яму.

Такъ какъ здѣсь брали глину для кирпичей, то ямъ было безчисленное множество, и сверхъ того всѣ онѣ были полны дождевой воды. Намъ велѣно было удерживать непріятеля. И такъ, чтобъ завязать дѣло, П., выстроивъ эскадронъ въ боевой порядокъ, велѣлъ выѣхать фланкерамъ. «Кому изъ васъ, господа, угодно взять надъ ними начальство», спросилъ насъ Ротмистръ. Старшій Т. сейчасъ вызвался; онъ и человѣкъ двадцать лучшихъ наѣздниковъ пустились на непріятеля. Чрезъ часъ они возвратились всѣ, исключая Т., котораго Французы изрубили; говорятъ, что онъ въ запальчивости занесся въ толпу ихъ, и сколько они ему не кричали: «rendez vous! rendez vous!» онъ не слушая. рубилъ ихъ на право и на лѣво, и наконецъ они съ остервененіемъ кинулись на него и въ мигъ его не стало.

Когда П. спросилъ фланкеровъ, какъ могли они допустить, чтобъ изрубили ихъ офицера? то они въ оправданіе свое сказали, что Т. заскакалъ въ толпу непріятелей, и не принимая предложенія ихъ сдаться, рубилъ и бранилъ ихъ безъ пощады, и что они всѣ вдругъ кинулись на него; множество сабель засверкало надъ нещастнымъ Т., и онъ упалъ къ ногамъ своей лошади безъ жизни и образа.

Мы всѣ смотрѣли очень внимательно на правую сторону дороги, гдѣ происходило уже сраженіе и нѣкоторые изъ нашихъ эскадроновъ отлично дрались; дорого заплатили бы мы за это зѣваніе по сторонамъ, еслибъ нашъ священникъ В., самый не-

устрашимый человѣкъ изо всего полка, не подъѣхалъ къ намъ и не указалъ въ лѣвую сторону своею нагайкою (единственнымъ оружіемъ, которое онъ, равно употреблялъ для лошадей и для непріятеля). Взглянувъ куда онъ указывалъ, мы увидѣли скачущую къ намъ во флангъ непріятельскую кавалерію; въ одно мгновеніе П. скомандовалъ: «второму полуэскадрону правое плечо впередъ», и поставя его къ непріятелю лицемъ, приказалъ мнѣ взять начальство и въ тужъ минуту ударить на несущуюся къ намъ конницу. Восхитительная минута для меня! Я уже не помнила постыднаго бѣгства уланъ моихъ съ пикета, видѣла только возможность прославиться. . . . Но вдругъ команда моя: «съ мѣста, маршъ маршъ»! слилась съ громовымъ голосомъ нашего начальника, раздавшимся позади нашего фронта: «назадъ! назадъ! . .» Въ одну секунду мой полуэскадронъ повернулся назадъ и поскакалъ сломя голову на большую дорогу; я осталась позади всѣхъ. Безъ порядка скакалъ эскадронъ густою толпою по кустамъ, буграмъ и рытвинамъ; Зелантъ, горячій, заносчивый конь мой, рвался изъ-подъ меня, но я не смѣла дать ему воли, онъ имѣлъ дурную привычку, разгорячась, драть голову къ верху, и мнѣ предстоялъ весьма трудный выборъ: дать волю Зеланту и тотчасъ упасть съ нимъ въ яму, или полетѣть стремглавъ чрезъ кустъ, или придерживая его быть догнанной непріятелемъ, летящимъ по слѣдамъ нашимъ. Я выбрала послѣднее какъ болѣе безопасное: посредственность Французской кавалеріи давно была мнѣ извѣстна, и я

могла быть увѣрена, что въ цѣломъ отрядѣ, который гнался за нами, ни одна лошадь не ровнялась Зеланту въ быстротѣ; и такъ, удерживая коня своего, неслась я большимъ галопомъ въ слѣдъ скачущаго эскадрона, но слыша близко за собою скокъ лошадей и увлекаясь невольнымъ любопытствомъ, не могла не оглянуться; любопытство мое было вполнѣ награждено: я увидѣла скачущихъ за мною на аршинъ только отъ крестца моей лошади трехъ или четырехъ непріятельскихъ драгунъ, старавшихся достать меня палашами въ спину. При семъ видѣ, я хотя не прибавила скорости моего бѣга, но сама не знаю, для чего закинула саблю на спину остреемъ вверхъ. Миновавъ бугры и ямы, Зелантъ какъ бурный вихрь унесъ меня отъ толпы непріятельской. Выбравшись на ровное мѣсто, мы отплатили непріятелю за свое безпорядочное бѣгство: повинуясь голосу офицеровъ, эскадронъ въ минуту пришелъ въ порядокъ, построился и грозною тучею понесся навстрѣчу непріятелю. Земля застонала подъ копытами ретивыхъ коней, вѣтеръ свисталъ въ флюгерахъ пикъ нашихъ; казалось, смерть со всѣми ея ужасами неслась впереди фронта храбрыхъ улан. Непріятель не вынесъ этого вида, и желая уйти, былъ догнанъ, разбитъ, разсѣянъ и прогнанъ несравненно съ большимъ урономъ, нежели былъ нашъ, когда мы приневолены были отступать во весь духъ чрезъ бугры и рытвины.

Теперь эскадронъ нашъ поставили на правой сторонѣ дороги, а бугристое поле занято егерями. «Да

вно бы такъ! говоритъ П., покручивая усы съ досадою.» Мы здѣсь должны охранять крѣпость, и такъ стоимъ безъ дѣла, но въ готовности, то есть на лошадяхъ и пики на перевѣсъ. Впереди насъ стрѣлки Бутырскаго полка перестрѣливаются съ непріятельскими; храбрый, отличный полкъ! Какъ только онъ началъ дѣйствовать, въ тужъ минуту пули непріятельскія перестали долетать до насъ.

На этомъ мѣстѣ мы будемъ до завтра; Бутырскій полкъ смѣненъ другимъ, и теперь пули не только долетаютъ до насъ, но и ранятъ. П. это очень непріятно; наконецъ, наскуча видѣть, что у насъ то того, то другаго отводили за фронтъ, онъ послалъ меня въ Смоленскъ къ Ш. сказать о критическомъ положеніи нашемъ и спросить что онъ прикажетъ дѣлать? Я исполнила, какъ было велѣно, сказала Ш., что у насъ много ранено людей и спросила, какое будетъ его приказаніе? «Стоять, отвѣчалъ Ш., стоять не трогаясь ни на шагъ съ мѣста». Странно, что П. присылаетъ объ этомъ спрашивать»! Я съ великимъ удовольствіемъ повезла этотъ прекрасный отвѣтъ своему ротмистру: «что, кричалъ мнѣ издали П., что велѣно?»—«Стоять, ротмистръ»! —«Ну стоять, такъ стоять», сказалъ онъ покойно, и оборотясь къ фронту съ тѣмъ неустрашимымъ видомъ, который такъ ему свойственъ, хотѣлъ было нѣсколько ободрить солдатъ, но къ удовольствію своему увидѣлъ, что они не имѣютъ въ этомъ нужды: взоры и лица храбрыхъ уланъ были веселы; недавняя побѣда

одушевила черты ихъ геройствомъ. Весь ихъ видъ говоритъ: бѣда непрiятелю! Къ вечеру второй полуэскадронъ спѣшился, и я, имѣя тогда свободу отойти отъ своего мѣста, пошла къ ротмистру, спрашивать о всемъ томъ, что въ этотъ день казалось мнѣ непонятнымъ. П. стоялъ у дерева, подперши голову рукою, и смотрѣлъ безъ всякаго участiя на перестрѣлку; примѣтно было, что мысль его не здѣсь. «Скажите мнѣ, ротмистръ, для чего вы посылали къ Ш. меня, а не унтеръ-офицера? Неправда ли, что вы хотѣли укрыть меня отъ пуль»? — «Правда, отвѣчалъ задумчиво П.; ты такъ еще молодъ, такъ невинно смотришь, и среди сихъ страшныхъ сценъ такъ веселъ и безпеченъ! Я видѣлъ, какъ ты скакалъ позади всего эскадрона во время безпорядочнаго бѣгства нашего отъ кирпичныхъ сараевъ, и мнѣ казалось, что я вижу барашка, за которымъ гонится стая волковъ. У меня сердце обливается кровью при одной мысли видѣть тебя убитымъ. Не знаю, Александровъ, отъ чего мнѣ кажется, что если тебя убьютъ, то это будетъ убiйство противное законамъ: дай Богъ, чтобъ я не былъ этому свидѣтелемъ! Ахъ, пуля не разбираетъ. Она пробиваетъ равно какъ грудь стараго воина, такъ и сердце цвѣтущаго юноши! . . . — Меня удивило такое грустное расположенiе духа моего ротмистра и необыкновенное участiе во мнѣ, какого прежде я не замѣчала; но вспомня, что у него братъ, нѣжно имъ любимый, остался въ Марiюпольскомъ полку, одинъ, предоставленный произволу судьбы и собственнаго разума, нашла весьма натуральнымъ, что мой видъ незрѣлаго

юноши и опасности войны привели ему на память брата, дѣтскій возрастъ его и положеніе, въ какомъ онъ можетъ случиться при столь жаркой войнѣ.

Наступила ночь; второй полуэскадронъ сѣлъ на лошадей, а первой спѣшился; пальба ружейная прекратилась; я просила ротмистра позволить мнѣ не садиться на лошадь; онъ согласился, и мы продолжали разговаривать: »Объясните мнѣ, ротмистръ, отъ чего у насъ такъ много ранятъ офицеровъ? Рядовыхъ такая густая масса; ихъ болѣе и удобнѣе было бы убивать; развѣ въ офицеровъ нарочно мѣтятъ?» — Разумѣется, отвѣчалъ П., это самый дѣйствительный способъ разстроить и ослабить силы непріятеля.—«Почемужъ?»—Какъ почему? Потому, что одинъ храбрый и знающій офицеръ болѣе сдѣлаетъ вреда непріятелю своими свѣдѣніями, проницаніемъ, умѣньемъ пользоваться и выгодами мѣстоположенія и ошибками противной стороны, а особливо, офицеръ, одаренный тѣмъ высокимъ чувствомъ чести, которое заставляетъ встрѣчать безтрепетно смерть и спокойно дѣйствовать въ величайшихъ опасностяхъ; такой офицеръ, повторяю, одинъ болѣе сдѣлаетъ вреда непріятелю, нежели тысяча солдатъ, никѣмъ не начальствуемыхъ.—Разговоръ нашъ продолжался часа два все въ этомъ же смыслѣ; я слушала со вниманіемъ сужденія и замѣчанія П., лучшаго офицера въ полку нашемъ, храбраго, опытнаго, строгаго къ себѣ, столько же какъ и къ другимъ. Очередь сойти съ лошадей второму полуэскадрону прекратила бесѣду нашу; ротмистръ сѣлъ на ло-

шадь, а мнѣ сказалъ, что теперь я могу, если хочу, заснуть полчаса. Я не заставила повторить этого два раза, но тотчасъ воспользовалась позволеніемъ, и закутавшись солдатскимъ плащемъ, легла подъ деревомъ, положа голову на корни его. На разсвѣтѣ, сквозь тонкой сонъ, слышала я, что по каскѣ моей что-то щелкало; проснувшись совсѣмъ, я открыла голову и увидѣла стоящихъ не далеко отъ меня Подполковника Л. и П.; они о чемъ-то разговаривали, смотря, и по временамъ указывая въ сторону непріятельскихъ стрѣлковъ; стыдясь что нашли меня спящею, я спѣшила встать; и въ это самое время пуля на излетѣ ударила по каскѣ моей, а тѣмъ объяснились и первые щелчки; я собрала лежащія близъ меня пули и понесла ихъ показать Ротмистру. «Ну такъ чтожъ» сказалъ онъ, разсмѣявшись, «неужели тебѣ и это въ диковинку?»—А какъ же! Вѣдь онѣ не докатились, а долетѣли, почемужъ не ранили меня?—«Не имѣли силы; полно однакожъ, садись на лошадь, насъ сей часъ смѣнятъ!» Драгунскій эскадронъ пришелъ стать на наше мѣсто, а мы вошли въ крѣпость и у стѣнъ ея расположились отдыхать.

Смоленскъ уступили непріятелю! . . . Ночью уже арріергардъ нашъ взошелъ на высоты за рѣкою; Р. съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на пылающій городъ. Кто-то изъ толпы окружавшихъ его офицеровъ вздумалъ воскликнуть: какая прекрасная картина!... «Особливо для Э.» подхватилъ которой-то

изъ Адъютантовъ Генерала, «у него здѣсь горятъ два дома.»

Мы все отступаемъ! Для чегожъ было читать намъ, что Государь не удерживаетъ болѣе нашего мужества? Кажется, не слишкомъ большому опыту подвергли нашу храбрость. Какъ вижу, мы отступаемъ въ глубь Россіи. Худо будетъ намъ, если непріятель останется въ Смоленскѣ! Одна только безмѣрная самонадѣянность Наполеона обезпечиваетъ въ возможности заманить его далѣе. Все это однакожъ выше моего понятія; неужели не льзя было встрѣтить и разбить непріятеля еще при границахъ государства нашего? Къ чему такія опасныя маневры? Для чего вести врага такъ далеко въ средину земли своей?.. . Можетъ быть, это дѣлается съ прекрасной цѣлью, однакожъ, пока достигнутъ ее или разгадаютъ, войско можетъ потерять духъ, и теперь уже со всѣхъ сторонъ слышны заключенія и догадки, однѣ другихъ печальнѣе и нелѣпѣе.

По очереди пришлось мнѣ быть на ординарцахъ у Коновницына. Генералъ этотъ очень любитъ находиться какъ можно ближе къ непріятелю, и кажется, за ничто считаетъ, какія бъ то ни было опасности; по крайней мѣрѣ онъ также спокоенъ среди битвъ, какъ и у себя въ комнатѣ. Здѣсь завязалось небольшое сраженіе. Генералъ подъѣхалъ къ передовой линіи; но какъ свита его тотчасъ привлекла вниманіе и выстрѣлы непріятеля, то онъ приказалъ намъ разъѣхаться. Не знаю почему, мы не скоро послуша-

лись его, и въ это время ранили подъ нимъ лошадь. Непріятель сосредоточилъ на нашей группѣ свои выстрѣлы, что и заставило Коновницына отъѣхать не много далѣе отъ линіи фланкеровъ. Когда мы повернулись всѣ за нимъ, то мой досадный Зелантъ, имѣя большой шагъ, непримѣтно вышелъ впередъ Генеральской лошади. Коновницынъ увидя это, спросилъ меня очень строго: «куда вы, господинъ офицеръ? Развѣ не знаете, что вамъ должно ѣхать за мною, а не впереди?» — Со стыдомъ и досадою осадила я свою лошадь. Генералъ вѣрно подумалъ, что это страхъ заставилъ меня прибавить шагу! . . .

Коновницыну надобно было послать на лѣвый флангъ къ Графу С. узнать, что, въ случаѣ отступленія, безопасны ли и удобны ли дороги для его ретирады, довольно ли съ нимъ войска, и не нужно ли будетъ ему подкрѣпленія? Для принятія этого порученія явилась я. «Охъ нѣтъ!» сказалъ Коновницынъ взглянувъ на меня, «вы слишкомъ молоды, вамъ не льзя этого поручить; пошлите кого постарѣе». Я покраснѣла: «не угодно ли Вашему Превосходительству испытать; можетъ быть, я въ состояніи буду понять и исполнить Ваши приказанія»? — А . . . очень хорошо! извините меня —, сказалъ Коновницынъ торопливо и вѣжливымъ тономъ; онъ отдалъ мнѣ свои приказанія, прибавя, чтобъ я какъ можно скорѣе ѣхала. Не успѣла я скрыться у него изъ вида, какъ онъ, тревожимый недовѣрчивостію, послалъ другаго ординарца по слѣдамъ моимъ съ тѣмъ же самымъ приказаніемъ, и

это было дѣйствіемъ видимаго покровительства Божіяго, потому что непріятель занялъ уже тѣ мѣста, чрезъ которыя проѣхала я къ С.; возвращаясь встрѣтилась я съ посланнымъ офицеромъ отъ котораго, и узнала, что тамъ, гдѣ прежде ѣхала, находятся уже непріятельскіе стрѣлки.—Пріѣхавъ къ Коновницыну, я разсказала ему со всею подробностію о положеніи отряда С., о путяхъ, переправахъ, средствахъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что мнѣ велѣно было узнать. Коновницынъ выслушавъ мое донесеніе, расхвалилъ меня, попросилъ извиненія въ томъ, что усомнился было дать мнѣ порученіе по причинѣ моей молодости, и видно, желая загладить это, посылалъ уже вездѣ одну меня чрезъ цѣлый день, говоря при каждомъ порученіи: «вы исправнѣе другихъ.» — Носясь весь день по полямъ отъ одного полка къ другому, я измучилась, устала, смертельно проголодалась и совсѣмъ уже нерада стала пріобрѣтенной славѣ исправнаго ординарца. Бѣдной Зелантъ сдѣлался похожъ на борзую собаку.

———

У насъ новый Главнокомандующій: Кутузовъ!... Это услышала я стоя въ кругу ординарцевъ, адъютантовъ и многихъ другихъ офицеровъ, толпящихся около разведеннаго огня: Гусарскій Генералъ Д. говорилъ, поглаживая сѣдые усы свои: «дай Богъ чтобъ Михайла Ларіоновичъ поскорѣе пріѣхалъ и остановилъ насъ; мы бѣжимъ какъ подъ гору.»

———

Кутузовъ пріѣхалъ!.... солдаты, офицеры, генералы, всѣ въ восхищеніи; спокойствіе и увѣренность

заступили мѣсто опасеній; весь нашъ станъ кипитъ и дышитъ мужествомъ!...

Холодный, пронзительный вѣтръ леденитъ тѣло мое. Шинель моя не только что не на ватѣ, но и ни на чемъ; подъ нею нѣтъ подкладки. Уланскій колетъ мой подложенъ тафтою, и въ немъ состоитъ вся моя защита противъ вѣтра столь же холоднаго какъ зимою.

Вечеромъ вся наша армія расположилась биваками близъ села Бородина. Кутузовъ хочетъ дать сраженіе, котораго такъ давно всѣ желаютъ и ожидаютъ.—Нашъ полкъ по обыкновенію занимаетъ передовую линію.—Въ эту ночь я, сколько ни свертывалась, сколько ни куталась въ шинель, но не могла ни согрѣться, ни заснуть. Шалашъ нашъ былъ сдѣланъ à jour, и вѣтръ свисталъ сквозь него, какъ сквозь разбитое окно. Товарищи мои, которыхъ шинели теплы, спятъ покойно: охотно бы легла я у огня, но его нѣтъ и не разводили.

Вѣтеръ не унялся! на разсвѣтѣ грозно загрохотала вѣстовая пушка. Гулъ ея несся, катился и переливался по всему пространству, занятому войскомъ нашимъ. Обрадовавшись дню, я тотчасъ оставила безпокойный ночлегъ свой! Еще не совсѣмъ замолкъ гулъ пушечнаго выстрѣла, какъ все уже было на ногахъ! Чрезъ четверть часа все пришло въ движенье, все готовится къ бою! Французы идутъ къ намъ густыми колоннами. Все по-

ле почернѣло, закрывшись несмѣтнымъ ихъ множествомъ.

Адской день! Я едва не оглохла отъ дикаго, неумолкнаго рева обѣихъ артиллерій. Ружейныя пули, которыя свистали, визжали, шикали и какъ градъ осыпали насъ, не обращали на себя ни чьего вниманія, даже и тѣхъ, кого ранили, и они не слыхали ихъ: до нихъ ли было намъ?... Эскадронъ нашъ ходилъ нѣсколько разъ въ атаку, чѣмъ я была очень недовольна: у меня нѣтъ перчатокъ и руки мои такъ окоченѣли отъ холоднаго вѣтра, что пальцы едва сгибаются; когда мы стоимъ на мѣстѣ, я кладу саблю въ ножны и прячу руки въ рукава шинели, но когда велятъ идти въ атаку, надобно вынуть саблю и держать ее голою рукою на вѣтру и холодѣ. Я всегда была очень чувствительна къ холоду и вообще ко всякой тѣлесной боли; теперь, перенося днемъ и ночью жестокость сѣвернаго вѣтра, которому подвержена беззащитно, чувствую, что мужество мое уже не то, что было съ начала кампаніи. Хотя нѣтъ робости въ душѣ моей, и цвѣтъ лица моего ни разу не измѣнялся, я покойна, но обрадовалась бы однакожъ, еслибы перестали сражаться.

Ахъ, еслибъ я могла согрѣться и опять почувствовать, что у меня есть руки и ноги! Теперь я ихъ не слышу.

Желаніе мое исполнилось; нужды нѣтъ, какимъ образомъ, но только исполнилось, я не сражаюсь, согрѣлась и чувствую, что у меня есть руки и ноги, а особливо лѣвая очень ощутительно даетъ мнѣ знать, что я имѣю ее: она распухла, почернѣла и ломитъ нестерпимо: я получила контузію отъ ядра.—Вахмистръ не допустилъ меня упасть съ лошади, поддержалъ и отвелъ за фронтъ. Не смотря на столько битвъ, въ которыхъ была, я не имѣла никакого понятія о контузіи. Мнѣ казалось, что получить ее не значитъ быть ранену, и потому я, не видя крови на колѣнѣ своемъ, воротилась опять къ своему мѣсту. П., оглянувшись и видя, что я стою предъ фронтомъ спросилъ, съ удивленіемъ: «зачѣмъ ты воротился»? — *Я* не раненъ, —отвѣчала я. Ротмистръ полагая, что меня ударила пуля на излетѣ, успокоился, и мы продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи; тогда непріятель началъ освѣщать насъ свѣтлыми ядрами, живописно скачущими мимо нашего фронта; наконецъ и эта забава кончилась, все затихло. Полкъ нашъ отступилъ нѣсколько назадъ и спѣшился, но эскадронъ П. остался на лошадяхъ. Я не въ силахъ была выдерживать долѣе мученій, претерпѣваемыхъ мною отъ лома въ ногѣ, отъ холода оледенявшаго кровь мою, и отъ жестокой боли всѣхъ членовъ (я думаю отъ того, что во весь день ни на минуту не сходила съ лошади). Я сказала П., что не могу болѣе держаться на сѣдлѣ, и что, если онъ позволитъ, то я поѣду въ вагенбургъ, гдѣ К. посмотритъ, что дѣлается съ моею ногою; Ротмистръ позволилъ. —

Наконецъ пришло то время, что я сама охотно поѣхала въ вагенбургъ! Въ вагенбургъ, столь прежде презираемый! Поѣхала, не бывъ жестоко раненною!... Что можетъ храбрость противъ холода?

Оставя эскадронъ, я поѣхала, въ сопровожденіи одного улана, по дорогѣ къ вагенбургу, едва удерживаясь отъ болѣзненнаго стона. Я не могла ѣхать далѣе Бородина, и остановилась въ этомъ селеніи; оно изъ конца въ конецъ было наполнено ранеными; ища безполезно избы, кудабъ меня пустили, и получая вездѣ отказъ, рѣшилась я войти и занять мѣсто, не спрашивая согласія; отворивъ дверь одной обширной и темной какъ могила избы крестьянской, была я встрѣчена двадцатью голосами, болѣзненно кричащими ко мнѣ изъ глубины этаго мрака: «Кто тамъ! За чѣмъ? Затвори двери! Что тебѣ надобно? Кто такой пришелъ.....» Я отвѣчала, что я Уланской Офицеръ, раненъ, не могу найти квартиры и прошу ихъ позволить мнѣ переночевать здѣсь. — Нельзя, нельзя! закричало вдругъ нѣсколько голосовъ; здѣсь раненой Полковникъ и намъ самимъ тѣсно. —«Ну, такъ раненой Полковникъ долженъ по себѣ знать, что въ такомъ положеніи трудно искать квартиры, и какъ бы ни было вамъ тѣсно, но вы должны были бы предложить мнѣ остаться между вами, а не выгонять». На эту проповѣдь отвѣчалъ мнѣ кто-то отрывисто:—ну, пожалуй оставайтесь, вамъ негдѣ будетъ лечь.—«Это уже моя забота,» отвѣчала я, и обрадовавшись, что наконецъ вижу себя въ теплѣ, взлѣзла на печь и легла на

краю ея не только что во всемъ вооруженіи, но даже не снимая и каски. Члены мои начали оттаивать и боль утихать; одна только ушибенная нога была тяжела какъ бревно: я не могла пошевелить ею безъ боли. Изнуренная холодомъ, голодомъ, усталостію и болью, я въ одну минуту погрузилась въ глубочайшій сонъ. — На разсвѣтѣ, видно я хотѣла повернуться на другую сторону, но какъ спала на краю печи, то сабля моя отъ этого движенія свѣсилась и загремѣла: всѣ проснулись и всѣ кричали: «Кто тутъ! Кто ходитъ!» Голосъ ихъ показывалъ сильный испугъ; одинъ изъ нихъ прекратилъ ихъ тревогу, напомня товарищамъ обо мнѣ, выражаясь весьма обязательно: «это возится тотъ уланъ, вотъ что съ вечера еще чортъ принесъ къ намъ.» Послѣ этого они опять всѣ заснули, но я уже не спала; нога моя жестоко болѣла, и вмѣсто вчерашняго озноба во мнѣ былъ сильный жаръ. Я встала, и разсмотрѣвъ сквозь трещины ставня, что заря уже занималась, отворила дверь, чтобъ выдти и оставить гостепріимный кровъ, подъ которымъ провела ночь; у самаго порога стоялъ мой уланъ съ моею и своею лошадьми; терзательная боль, когда надобно было стать и опереться лѣвою ногою на стремя, выжала невольныя слезы изъ глазъ моихъ; отъѣхавъ съ полверсты, я хотѣла уже сойти съ лошади и лечь въ полѣ, отдавшись на волю судьбы: нога моя затекла и причиняла мнѣ боль невыносимую! Къ щастію уланъ мой увидѣлъ въ дали телегу; на ней лежала пустая бочка, въ которой отвозили вино въ армію; сей часъ онъ по-

скакалъ и привелъ эту телегу ко мнѣ, пустую бочку сбросили а я заняла ея мѣсто, и легла на ту солому, на которой она лежала. Уланъ повелъ моего Зеланта въ поводу, и такимъ образомъ прибыла я въ вагенбургъ, гдѣ нашла добраго пріятеля своего полковаго казначея Б. и теперь сижу въ его тепломъ шалашѣ, въ его тулупѣ; въ рукахъ у меня стаканъ горячаго чаю, нога обвязана бинтами, намоченными спиртомъ; надѣюсь что и это поможетъ за неимѣніемъ лучшихъ средствъ: К. нѣтъ здѣсь, онъ при полку.

Я совершенно оправилась! Хорошій супъ, чай и теплота возвратили членамъ моимъ силу и гибкость, все забыто какъ сонъ, хотя нога и болитъ еще: но что объ ней думать! Къ томужъ, право мнѣ кажется, что моя контузія изъ всѣхъ контузій самая легкая.

Проведя два дня въ шалашѣ Б., я спѣшила возвратиться въ полкъ; мнѣ дано отвесть туда небольшой отрядъ, состоящій изъ 24 человѣкъ уланъ для укомплектованія эскадрона.

Мы отступаемъ къ Москвѣ, и теперь уже въ 10 верстахъ отъ нее. Я просила Ш. позволить мнѣ съѣздить въ Москву, чтобъ заказать сшить теплую куртку; получа позволеніе, я отдала свою лошадь улану и отправилась на парѣ нанятыхъ въ селеніи едва дышущихъ клячь. — Я хотѣла было остановиться въ Кремлѣ, у М., искренняго друга и

сослуживца отца моего, но узнала, что онъ куда-то уѣхалъ. Пока я доспросилась о немъ, должна была заходить ко многимъ жильцамъ обширнаго дома, въ которомъ были и его комнаты; одинъ изъ этихъ набѣговъ произведенъ на горницы молодой купчихи; она, увидя меня отворяющую дверь ея, тотчасъ стала говорить: «пожалуйте, пожалуйте, батюшка господинъ офицеръ! прошу покорно, садитесь, сдѣлайте милость; вы храмлете. Конечно ранены? Не прикажите ли чаю? Катенька, подай скорѣе.» — Говоря все это, она усаживала меня на диванѣ, а Катенька, миленькая четырнадцатилѣтняя дѣвочка, во всемъ блескѣ купеческой красоты, стояла уже передо мною съ чашкою чаю. «Что, батюшка, супостатъ нашъ далеко ли? Говорятъ, онъ идетъ въ Москву.» Я отвѣчала, что его не пустятъ въ Москву. «Ахъ, дай-то Богъ! Куда мы дѣнемся тогда? Говорятъ онъ всѣхъ принуждаетъ къ своей вѣрѣ». Что мнѣ было отвѣчать имъ на такіе вопросы? Малютка тоже отозвалась своимъ тоненькимъ голосомъ: «слышно, что они всѣхъ плѣнныхъ клеймятъ противъ сердца», говоря это она указывала на свое собственное сердце.—Это легко можетъ быть, отвѣчала я; я что-то слышалъ объ этомъ. — Онѣ приступили было ко мнѣ съ распросами, но я встала говоря, что должна спѣшить къ своему мѣсту. «И такъ Господь съ вами, батюшка», говорили обѣ сестры, провожая меня по переходамъ къ лѣстницѣ.

Куртку мнѣ сшили, я надѣла ее и хотѣла сей часъ выѣхать изъ города, но это не такъ то легко

было сдѣлать: непріятель близко, и всѣ извощики оставили Москву; и тѣ изъ нихъ, которые были еще тутъ, просили съ меня пятьдесятъ рублей, чтобъ довезть до главной квартиры, но какъ у меня нѣтъ и одного, не только пятидесяти, то я отправляюсь пѣшкомъ. Прошедъ версты три по мостовой, я принуждена была лечь на землю, какъ только вышла за заставу: нога моя снова стала болѣть и пухнуть, и я не могла уже ступить на нее. Къ моему щастію, проѣзжала мимо какая-то фура, нагруженная сѣдлами, потниками, манерками, ранцами и всякимъ другимъ военнымъ дрязгомъ; при ней былъ офицеръ. Я просила его взять меня на эту фуру; сначала онъ не соглашался, говоря, что ему не льзя ничего изъ тѣхъ вещей сбросить и некуда посадить меня; но представя ему, что не только офицеръ, но и простой солдатъ дороже Государю двадцати такихъ фуръ, я убѣдила его дать мнѣ мѣсто. У главной квартиры я встала, поблагодарила офицера и пошла хромая искать Ш., чтобъ попросить у него какую нибудь лошадь; моя осталась въ полку. — Я отыскала Ш. въ квартирѣ Графа С.. Послѣ Бородинскаго дѣла мы не видались; онъ очень удивился, увидя меня, и спросилъ, для чего я не при полку? Я разсказала ему о контузіи, о боли, о Москвѣ, о курткѣ, прибавя ко всему этому, что желала бы, какъ можно скорѣе, возвратиться къ полку, и что для этаго мнѣ нужна лошадь. Ш. далъ мнѣ казачью съ тонкою, вытянутою шеею лошадь, безобразную, осѣдланную гадкимъ сѣдломъ съ огромною подушкою. На

этомъ конѣ, не имѣвшемъ и въ доброе свое время ни огня, ни быстроты, пріѣхала я въ полкъ. Горя нетерпѣніемъ сѣсть на своего бодраго и гордаго Зеланта, я узнала къ величайшей досадѣ моей, что онъ отправленъ съ заводными лошадьми верстъ за пять въ деревню.

Не успѣла я показаться въ полкъ, очередь къ откомандировкѣ была уже мнѣ готова: Ш. послалъ меня за сѣномъ для полковыхъ лошадей, и я, волею или неволею, но должна была ѣхать на лошади упрямой, лѣнивой и безобразной какъ оселъ; пустя впередъ свою команду, ѣхала я за нею, размышляя о непріятномъ положеніи своемъ: стыдъ и бѣда съ такимъ конемъ ожидаютъ меня въ первомъ дѣлѣ: на непріятеля онъ не пойдетъ, отъ непріятеля не унесетъ. . . . .—Вотъ здѣсь наши заводные! сказалъ одинъ изъ уланъ своему товарищу, указывая на ближнее селеніе; оно было въ верстѣ отъ дороги, по которой я вела свой отрядъ. Мысль, что могу достать свою лошадь, освѣтила мой умъ, успокоила и разогнала всѣ мрачные помыслы; я поручила унтеръ-офицеру вести шагомъ отрядъ къ ближнему лѣсу, а сама не поскакала уже, но потряслась какъ могла скорѣе къ селу, гдѣ надѣялась найти нашихъ заводныхъ.

Судьба ожесточилась противъ меня: я не нашла здѣсь своей лошади: здѣсь не нашего полка заводныя; уланскія далѣе еще верстахъ въ трехъ отъ селенія!

Нещастный голодный оселъ, на которомъ я сижу и терзаюсь досадою, какую только можно себѣ представить, не хочетъ идти иначе какъ шагомъ, и то съ величайшею лѣнью.—Мучительнѣе этого состоянія я еще не испытывала. Еслибъ мнѣ отдали на выборъ: быть ли еще на двухъ Бородинскихъ сраженіяхъ, или два дня только имѣть подъ собою эту верховую лошадь, сію минуту избираю первое, не колеблясь ни секунды.

Я отыскала и взяла своего Зеланта; но какъ дорого мнѣ это стоило! Рѣшась во что бы ни стало избавиться неприятнаго положенія своего, принудила я шпорами и саблею бѣдную лошадь донести меня рысью до втораго селенія и тутъ къ восхищенію моему первый предметъ, который мнѣ представился, былъ Зелантъ! Пересѣвъ на него, полетѣла я какъ стрѣла къ тому лѣсу, куда велѣла ѣхать своему отряду; я надѣялась отыскать его по слѣдамъ, но множество дорогъ, идущихъ въ право, въ лѣво, поперегъ и на всѣхъ безчисленное множество конскихъ слѣдовъ, привели меня въ недоумѣніе. Проѣхавъ версты три на удачу по дорогѣ, которая показалась мнѣ шире другихъ, пріѣхала я къ господскому дому прекрасной архитектуры. Цвѣтникъ предъ крыльцомъ, ведущимъ въ садъ, былъ весь истоптанъ лошадьми; по аллеямъ тянулись богатыя кружева и блонды: слѣды грабительства видны были вездѣ. Не встрѣчая тутъ ни одного человѣка и не зная какъ отыскать свою команду, рѣшилась я возвратиться въ полкъ; Ш., увидя меня одну, спро-

силъ: «гдѣжъ ваша команда?» Я откровенно разсказала, что, желая взять свою лошадь въ ближнемъ селеніи, велѣла отряду идти шагомъ къ лѣсу и тамъ дождаться меня, но что возвратясь я не нашла ихъ на назначенномъ мѣстѣ и теперь не знаю гдѣ они. «Какъ смѣли вы это сдѣлать»? закричалъ Ш., «какъ смѣли оставить свою команду? Ни на секунду не должны вы были отлучаться отъ нее; теперь она пропала: лѣсъ этотъ занятъ уже непріятелемъ. Ступайте, сударь! сыщите мнѣ людей, иначе я представлю на васъ Главнокомандующему, и васъ разстрѣляютъ!..» Оглушенная сею выходкою, поѣхала я опять къ проклятому лѣсу, но тамъ были уже непріятельскіе стрѣлки. — «Куда ты ѣдешь, Александровъ»? Спросилъ меня офицеръ Лейбъ-эскадрона, находившійся въ передней линіи нашихъ стрѣлковъ. Я сказала, что Ш. прогналъ меня искать моихъ фуражировъ. — «А ты ужели ихъ потерялъ?» Я разсказала. — «Это, братецъ, пустяки, фуражиры твои вѣрно прошли безопасно окольными дорогами и теперь должны быть въ селеніи занятомъ заводными лошадьми нашего арріергарда, ступай туда.» Я послѣдовала его совѣту и въ самомъ дѣлѣ нашла своихъ людей съ ихъ вьюками сѣна въ этомъ селѣ. На вопросъ: для чего не дожидались меня? оказали, что услыша скачку и пальбу въ лѣсу, думали, что это непріятель, и не желая быть взятыми въ плѣнъ, уѣхали дальше, верстъ за восемь; нашли тамъ сѣно, навьючили имъ лошадей и пріѣхали ожидать меня здѣсь. Я отвела ихъ въ полкъ, представила Ш. и поѣхала прямо къ Главнокомандующему.

Чувствуя себя жестоко оскорбленною угрозою Ш., что меня разстрѣляютъ, я не хотѣла болѣе оставаться подъ его начальствомъ и поторопилась къ Главнокомандующему съ намѣренiемъ остаться въ качествѣ его ординарца.

Прiѣхавъ въ главную квартиру, увидѣла на однихъ воротахъ написанныя мѣломъ слова: Главнокомандующему. Я встала съ лошади и вошедъ въ сѣни встрѣтила какого-то Адъютанта. «Главнокомандующiй здѣсь?» спросила я.—Здѣсь, отвѣчалъ онъ вѣжливымъ и ласковымъ тономъ; но въ туже минуту видъ и голосъ Адъютанта измѣнились, когда я сказала, что ищу квартиру Кутузова: «не знаю; здѣсь нѣтъ, спросите тамъ» сказалъ онъ отрывисто, не глядя на меня и тотчасъ ушелъ. Я пошла далѣе и опять увидѣла на воротахъ: Главнокомандующему. На этотъ разъ я была уже тамъ, гдѣ хотѣла быть: въ передней горницѣ находилось нѣсколько Адъютантовъ, я подошла къ тому, чье лице показалось мнѣ лучше другихъ; это былъ Д.: «доложите обо мнѣ Главнокомандующему, я имѣю надобность до него.» —Какую? Вы можете объявить ее чрезъ меня.—«Не могу, мнѣ надобно, чтобъ я говорилъ съ нимъ самъ и безъ свидѣтелей, не откажите мнѣ въ этомъ снисхожденiи,» прибавила я вѣжливо кланяясь Д.; онъ тотчасъ пошелъ въ комнату Кутузова и чрезъ минуту отворяя дверь сказалъ мнѣ: «пожалуйте» самъ же тотчасъ вышелъ опять въ переднюю; я вошла и не только съ должнымъ уваженiемъ, но даже съ чувствомъ благоговѣнiя поклонилась сѣдому Герою

маститому старцу, великому полководцу. «Что тебѣ надобно, другъ мой?» спросилъ Кутузовъ, смотря на меня пристально.—Я желалъ бы имѣть щастіе быть вашимъ ординарцомъ во все продолженіе кампаніи и пріѣхалъ просить Васъ объ этой милости.—«Какаяжъ причина такой необыкновенной просьбы, а еще болѣе способа какимъ предлагаете ее?» Я разсказала что заставило меня принять эту рѣшимость и увлекаясь воспоминаніемъ незаслуженнаго оскорбленія, я говорила съ чувствомъ, жаромъ и въ смѣлыхъ выраженіяхъ; между прочимъ я сказала, что родясь и выросши въ лагерѣ, я люблю военную службу со дня моего рожденія, что посвятила ей жизнь мою навсегда, что готова пролить всю кровь свою защищая пользы Государя, Котораго чту, какъ Бога, и что имѣя такой образъ мыслей и репутацію храбраго офицера, я не заслуживаю быть угрожаема смертію. . . . Я остановилась, какъ отъ полноты чувствъ, такъ и отъ нѣкотораго замѣшательства: я замѣтила, что при словѣ: «храбраго офицера» на лицѣ Главнокомандующаго показалась легкая усмѣшка. Это заставило меня покраснѣть; я угадала мысль его и чтобъ оправдаться рѣшилась сказать все: «въ Прусскую кампанію, Ваше Высокопревосходительство, всѣ мои начальники, такъ много и такъ единодушно хвалили смѣлость мою и даже самъ Буксгевденъ назвалъ ее *безпримѣрною,* что послѣ всего этого я щитаю себя въ правѣ назваться храбрымъ не опасаясь быть сочтенъ за самохвала.»—Въ Прусскую кампанію! развѣ вы служили тогда? которой вамъ годъ? Я полагалъ, что вы не

старѣе шестнадцати лѣтъ.—Я сказала, что мнѣ 23-й годъ и что въ Прусскую кампанію я служила въ Коннопольскомъ полку. «Какъ ваша фамилія» спросилъ поспѣшно Главнокомандующій. — Александровъ. — Кутузовъ всталъ и обнялъ меня говоря:» какъ я радъ, что имѣю наконецъ удовольствіе узнать васъ лично! я давно уже слышалъ объ васъ. Останьтесь у меня если вамъ угодно, мнѣ очень пріятно будетъ доставить вамъ нѣкоторое отдохновеніе отъ тягости трудовъ военныхъ; чтожъ касается до угрозы разстрѣлять васъ, прибавилъ Кутузовъ усмѣхаясь, то вы напрасно приняли ее такъ близко къ сердцу; это были пустыя слова, сказанныя въ досадѣ. Теперь подите къ дежурному Генералу Коновницыну и скажите ему что вы у меня безсмѣннымъ ординарцемъ.» Я пошла было, но онъ опять позвалъ меня: «вы хромаете? отъ чего это?» Я сказала, что въ сраженіи подъ Бородинымъ получила контузію отъ ядра.— «Контузію отъ ядра! и вы не лечитесь! сей часъ скажите доктору, чтобъ осмотрѣлъ вашу ногу.» Я отвѣчала: что контузія была очень легкая, и что нога моя почти не болитъ. Говоря это я лгала: нога моя болѣла жестоко и была вся багровая.

Теперь мы живемъ въ Красной Пахрѣ въ домѣ Салтыкова. Намъ дали какой-то дощатой шалашъ, въ которомъ всѣ мы, (то есть ординарцы) жмемся и дрожимъ отъ холода. Здѣсь я нашла, бывшаго вмѣстѣ со мною въ Кіевѣ на ординарцахъ у Милорадовича.

Лихорадка изнуряетъ меня. Я дрожу какъ осиновый листъ!... Меня посылаютъ двадцать разъ на день въ разныя мѣста; на бѣду мою, Коновницынъ вспомнилъ, что я бывъ у него на ординарцахъ оказалась отличнѣйшимъ изо всѣхъ, тогда бывшихъ при немъ. «А здравствуйте, старый знакомый,» сказалъ онъ увидя меня на крыльцѣ дома, занимаемаго Главнокомандующимъ; и съ того дня не было уже мнѣ покоя: куда только нужно было послать скорѣе, Коновницынъ кричалъ: Уланскаго ординарца ко мнѣ! и бѣдный Уланскій ординарецъ носился какъ блѣдный вампиръ отъ одного полка къ другому, а иногда и отъ одного крыла арміи къ другому.

Наконецъ Кутузовъ велѣлъ позвать меня: «ну что» сказалъ онъ, взявъ меня за руку, какъ только я вошла, «покойнѣе ли у меня нежели въ полку? Отдохнулъ ли ты? что твоя нога?» Я принуждена была сказать правду, что нога моя болитъ до нестерпимости, что отъ этого у меня всякой день лихорадка, и что я машинально только держусь на лошади, по привычкѣ, но что силы у меня нѣтъ и за пятилѣтняго ребенка. «Поѣзжай домой» сказалъ Главнокомандующій, смотря на меня съ отеческимъ состраданіемъ, «ты въ самомъ дѣлѣ похудѣлъ и ужасно блѣденъ; поѣзжай, отдохни, вылечись и пріѣзжай обратно.» При семъ предложеніи сердце мое стѣснилось;—какъ мнѣ ѣхать домой, когда ни одинъ человѣкъ теперь не оставляетъ Армію?—сказала я печально. «Чтожъ дѣлать! ты болѣнъ. Развѣ лучше будетъ когда останешься гдѣ нибудь въ лазаретѣ?

Поѣзжай! теперь мы стоимъ безъ дѣла, можетъ быть и долго еще будемъ стоять здѣсь; въ такомъ случаѣ успѣешь застать насъ на мѣстѣ». Я видѣла необходимость послѣдовать совѣту Кутузова: ни одной недѣли не могла бы я долѣе выдерживать трудовъ военной жизни.—« Позволите ли Ваше Высокопревосходительство привезть съ собою брата? Ему уже четырнадцать лѣтъ. Пусть онъ начнетъ военный путь свой подъ начальствомъ вашимъ. » — Хорошо, привези,» — сказалъ Кутузовъ, — я возьму его къ себѣ и буду ему вмѣсто отца — ».

Чрезъ два дня послѣ этого разговора Кутузовъ опять потребовалъ меня:« вотъ подорожная и деньги на прогоны », сказалъ онъ подавая то и другое «поѣзжай съ Богомъ! Если въ чемъ будешь имѣть надобность, пиши прямо ко мнѣ, я сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть. Прощай другъ мой»! Великій Полководецъ обнялъ меня съ отеческою нѣжностію.

Лихорадка и телега трясутъ меня безъ пощады. У меня подорожная курьерская и это причиною, что всѣ ямщики не слушая моихъ приказаній ѣхать тише, скачутъ сломя голову. Малиновыя лампасы и отвороты мои столько пугаютъ ихъ, что они, хотя и слышатъ какъ я говорю садясь въ повозку ступай рысью, но не вѣрятъ ушамъ своимъ, и заставя лихихъ коней рвануть разомъ съ мѣста, не прежде остановятъ ихъ, какъ у крыльца другой станціи. Но нѣтъ худа безъ добра: я теперь не засну

отъ мучительной тряски, меня безпрерывно бросаетъ въ жаръ.

Въ Калугѣ пришелъ на почту какой-то по видимому чиновникъ и выждавъ какъ никого не осталось въ комнатѣ, подступилъ ко мнѣ тихо какъ кошка и еще тише спросилъ: «не позволите ли мнѣ узнать содержаніе вашихъ депешъ?»—Моихъ депешъ! Забавно было бы еслибъ разказывали курьерамъ что написано въ тѣхъ бумагахъ съ которыми они ѣдутъ! Я не знаю содержанія моихъ депешъ. — «Иногда это бываетъ извѣстно господамъ курьерамъ; я скроменъ, отъ меня никто ничего не узнаетъ», продолжалъ шептать искуситель съ ласковою миною. — И отъ меня также. Я скроменъ какъ и вы, сказала я вставая чтобъ уйти отъ него — . . . »Одно слово, батюшка! Москва. . . . . » Остальнаго я не слыхала, сѣла въ повозку и уѣхала. Сцены эти повторялись во многихъ мѣстахъ и многими людьми, видно имъ не новое было распрашивать курьеровъ.

Казань. Я остановилась въ домѣ благороднаго собранія чтобъ пообѣдать. Лошади были уже готовы и обѣдъ мой приходилъ къ концу, какъ вошло ко мнѣ приказное существо съ тихою поступью, прищуренными глазами и хитрою физіогноміею: «Куда изволите ѣхать?» Въ С. . . —«Вы прямо изъ арміи?»—Изъ арміи — «Гдѣ она расположена»? — Не знаю — «Какъ же это?»—Можетъ быть она перешла на другое мѣсто — «А гдѣ вы оставили ее»?—На полѣ между Смоленскомъ и Москвою.—«Говорятъ Мо-

сква взята; правда ли это?»—Не правда.—«Какъ можно! Вы не хотите сказать! всѣ говорятъ что взята и это вѣрно!»—А когда вѣрно, такъ чегожъ вамъ больше?—«Стало вы соглашаетесь что слухъ этотъ справедливъ?—Не соглашаюсь! Прощайте, мнѣ некогда ни разказывать, ни слушать вздору о Москвѣ:—Я хотѣла было ѣхать. «Не угодно ли вамъ побывать у Губернатора? онъ просилъ васъ къ себѣ» сказалъ хитрецъ, совсемъ уже другимъ тономъ. —Вамъ надобно было сказать мнѣ это сначала, не забавляясь распросами, а теперь я вамъ не вѣрю и къ томужъ я курьеръ и заѣзжать ни къ кому не обязанъ.—Чиновникъ опрометью бросился отъ меня и чрезъ двѣ минуты опять явился: «Его Превосходительство убѣдительно проситъ васъ пожаловать къ нему: онъ прислалъ за вами свой экипажъ». Я тотчасъ поѣхала къ Губернатору. Почтенный М. началъ разговоръ свой благодарностію за мое благоразуміе въ отношеніи къ нескромнымъ распросамъ: «Мнѣ очень пріятно было слышать, говорилъ онъ, отъ своего чиновника, съ какою осторожностію вы отвѣчали ему; я много обязанъ вамъ за это. Здѣсь надѣлалъ было мнѣ хлопотъ одинъ негодный, вырвавшійся изъ арміи; столько наговорилъ вздору и такъ растревожилъ умы жителей, что я принужденъ былъ посадить его подъ караулъ. Теперь прошу васъ быть со мною откровеннымъ: Москва взята?» Я медлила отвѣтомъ: Губернатора смѣшно было бы обманывать, но тутъ стоялъ еще какой-то чиновникъ и мнѣ не хотѣлось при немъ отвѣчать на такой важной вопросъ. Губернаторъ

угадалъ мысль мою: «Это мой искренній другъ, это второй я! прошу васъ не скрывать отъ меня истины, меня удостоиваетъ довѣренностію и Самъ Государь; сверьхъ того мнѣ надобно знать о участи Москвы и для того, чтобъ взять свои мѣры въ разсужденіи города: буйные Татары собираются толпами и выжидаютъ случая надѣлать неистовствъ; я долженъ это упредить и такъ: Москва точно взята»?—Могу васъ увѣрить Ваше Превосходительство что не взята, но отдана добровольно и это послѣдній тріумфъ непріятеля нашего въ землѣ Русской, теперь гибель его неизбѣжна.—«На чемъ же вы основываете ваши догадки»? спросилъ Губернаторъ, на лицѣ котораго, при словахъ: *Москва отдана*, изобразилось прискорбіе и испугъ.»—Это не догадки, Ваше Превосходительство, но совершенная увѣренность: за гибель враговъ нашихъ порукою намъ спокойствіе и веселый видъ всѣхъ нашихъ Генераловъ и самаго Главнокомандующаго. Не натурально, чтобъ допустя непріятеля въ сердце Россіи, и отдавъ ему древнюю столицу нашу, могли они сохранять спокойствіе духа, не бывъ увѣренными въ скорой и неизбѣжной погибели непріятеля. Сообразите все это, Ваше Превосходительство, и вы сами согласитесь со мною.—Губернаторъ долго еще разговаривалъ со мною, расправшивая о дѣйствіяхъ и теперешнемъ положеніи арміи, и наконецъ прощаясь наговорилъ мнѣ много лестнаго и въ заключеніе сказалъ что Россія не дошла бы до крайности отдать Москву, еслибъ въ арміи были все такіе офицеры какъ я. Подобная похвала и отъ такого человѣка какъ М.,

вскружила бы голову хоть-кому, а мнѣ и по-давно. Мнѣ, которую ожидаетъ тьма толковъ, заключеній, предположеній и клеветъ, какъ только полъ мой откроется! Ахъ, какъ необходимо будетъ мнѣ тогда свидѣтельство людей подобныхъ М., Е. и Коновницыну! . . .

Наконецъ я дома! отецъ принялъ меня со слезами! Я сказала что пріѣхала къ нему отогрѣться. — Батюшка плакалъ и смѣялся, разсматривая шинель мою не имѣющую никакого уже цвѣта, прострѣленную, подозженную и прозженную до дыръ. Я отдала ее Натальѣ, которая говоритъ, что сошьетъ себѣ капотъ изъ нее.

Расказавъ отцу о добромъ расположеніи ко мнѣ Главнокомандующаго, я убѣдила его отпустить со мною брата; онъ согласился на эту жестокую для него разлуку, но только съ условіемъ дождаться весны; сколько я ни увѣряла что для меня это не возможно, батюшка ничего слышать не хотѣлъ. «Ты можешь ѣхать» говорилъ онъ, «какъ только выздоровѣешь, но В. не отпущу зимой; въ такія лѣта! Въ такое смутное время! нѣтъ, нѣтъ! ступай одна, когда хочешь; его время не ушло; ему нѣтъ еще 14 лѣтъ.» — Что мнѣ дѣлать? предоставляю времени ознакомить батюшку съ мыслію разстаться съ нѣжно любимымъ сыномъ, не дожидаюсь и пишу къ Кутузову, что желая нетерпѣливо возвратиться подъ славныя знамена его, я не надѣюсь имѣть ща-

стіе стать подъ ними вмѣстѣ съ братомъ своимъ, потому, что старый отецъ не хочетъ отпустить отъ себя незрѣлаго отрока на поле кровавыхъ битвъ, въ такое суровое время года, и проситъ меня, если можно, дождаться теплаго времени, и что я теперь совсемъ не знаю что мнѣ дѣлать.

Я получила отвѣтъ Кутузова, онъ пишетъ что я имѣю полное право исполнить волю отца; что будучи отправлена Начальникомъ арміи, я только ему одному обязана отчетомъ въ продолжительности моего отсутствія, что онъ позволяетъ мнѣ дождаться весны дома и что я ничего чрезъ это не потеряю въ мнѣніи людей, потому, что опасности и труды я дѣлила съ моими товарищами до конца и что неустрашимости моей самъ Главнокомандующій очевидный свидѣтель. — Письмо это было писано рукою X., зятя Кутузова; руку его батюшка хорошо зналъ, потому что X. жилъ нѣсколько времени въ В..... и отецъ имѣлъ случай переписываться съ нимъ. Я показала письмо батюшкѣ и старый отецъ мой такъ тронутъ былъ милостями и вниманіемъ ко мнѣ знаменитаго Полководца, что не могъ не заплакать. Я хотѣла было сохранить это письмо памятникомъ добраго расположенія ко мнѣ славнѣйшаго изъ героевъ Россіи, но батюшка взявъ къ себѣ эту бумагу, заставлялъ меня двадцать разъ въ день краснѣть, показывая ее всѣмъ и давая каждому читать. Я принуждена была унесть это письмо тихонько и сжечь; когда узналъ отецъ о моемъ поступкѣ, то очень оскорбился и строго выгова-

ривалъ мнѣ, укоряя въ непростительномъ равнодушіи къ такому лестному вниманію перваго человѣка въ государствѣ. Съ почтительнымъ молчаніемъ выслушала я батюшкины упреки, но по крайней мѣрѣ довольна была что неокончаемое чтеніе письма Кутузова прекратилось.

Здѣсь живутъ пять плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ; трое изъ нихъ очень образованные люди; увѣренность ихъ въ благоразуміи Наполеона дѣлаетъ честь собственному ихъ благоразумію: они указываютъ на картѣ Смоленскъ и говорятъ мнѣ: «Monsieur Александръ, Фрасусъ тутъ.» Я не имѣю духа вывесть ихъ изъ щастливаго заблужденія; на что мнѣ говорить имъ что безразсудные Французы въ западнѣ?

Наконецъ послѣ множества отлагательствъ, батюшка рѣшился отпустить брата, да и пора! Снѣгъ весь уже стаялъ, я горю нетерпѣніемъ возвратиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Получа свободу готовиться къ отъѣзду, я принялась за это съ такою дѣятельностію, что въ два дня все было кончено. Отецъ далъ намъ легкую двумѣстную коляску и своего человѣка до Казани. А тамъ мы поѣдемъ уже одни: отцу очень не хотѣлось отпустить брата безъ слуги, но я представила ему что это могло бы имѣть очень непріятныя послѣдствія, потому что лакея ни что не удержало бы говорить все что ему извѣстно, и такъ рѣшено что мы ѣдемъ одни.

1813 года 1 Мая въ Понедѣльникъ на разсвѣтѣ оставили мы домъ отцовскій! Совѣсть укоряетъ меня что я не уступила просьбѣ батюшки не ѣхать въ этотъ день. Онъ имѣетъ предразсудокъ щитать Понедѣльникъ нещастливымъ, но мнѣ надобно было уважить его, а особливо въ этомъ случаѣ. Отецъ отпускалъ любимаго сына и разставался съ нимъ какъ съ жизнію! Ахъ, я неправа, очень неправа! сердце мое непрестаетъ укорять меня. Я воображаю что батюшка будетъ грустить и думать гораздо болѣе теперь, нежели когдабъ мы, согласно волѣ его выѣхали днемъ позже. Человѣкъ не исправимъ: сколько разъ уже раскаявалась я поступивъ упорно потому только, что щитала себя въ правѣ такъ поступить! Никогда мы небываемъ такъ несправедливы какъ тогда, когда щитаемъ себя справедливыми. И какъ могла, какъ смѣла я, противоставить свою волю волѣ отца моего, я, которая щитаю что отецъ долженъ быть чтимъ дѣтьми своими какъ Божество? Какой демонъ наслалъ затмѣніе на умъ мой?....

За три станціи не доѣзжая Казани, коляску нашу изломали въ куски: насъ сбросило съ косогора въ широкой ровъ, коляска наша разтрещилась, но мы къ щастію остались оба невредимы. Теперь мы поѣдемъ въ телегѣ. Какъ странна участь моя! Сколько лѣтъ уже разъѣзжаю я именно на томъ родѣ повозки которой не терплю!

Москва. М. сказалъ намъ горестную вѣсть: Кутузовъ умеръ. — Теперь я въ самомъ затрудни-

тельномъ положеніи: братъ мой записанъ въ горную службу и въ ней числится, а я увезла его не взявъ никакого вида отъ его Начальства. Какъ мнѣ теперь отдать его въ военную службу? При жизни Кутузова необдуманность эта не имѣла бы никакихъ послѣдствій, но теперь я буду имѣть тьму хлопотъ. М. совѣтуетъ отослать В. домой, но съ первыхъ словъ о семъ, братъ рѣшительно сказалъ что онъ ни для чего не хочетъ возвратиться въ домъ и кромѣ военной службы ни въ какой другой не будетъ.

Въ Смоленскѣ ходили мы по разрушеннымъ стѣнамъ крѣпости; я узнала то мѣсто близь кирпичныхъ сараевъ, гдѣ мы такъ невыгодно были помѣщены и такъ безпорядочно ретировались. Я указала его брату говоря: «вотъ здѣсь, В., жизнь моя была въ опасности» — бѣгство Французовъ оставило ужасные слѣды: тѣла ихъ гніютъ въ глубинѣ лѣсовъ и заражаютъ воздухъ. Нещастные! никогда еще ни чья самонадѣянность и кичливость не были такъ жестоко наказаны какъ ихъ! Ужасы разказываютъ объ ихъ плачевной ретирадѣ.

Курьерскую подорожную у меня взяли и дали другую только до Слонима, гдѣ всѣ офицеры, почему нибудь отставшіе отъ своихъ полковъ, остаются уже подъ Начальствомъ К., и меня ожидаетъ таже участь. На дорогѣ съѣхались мы съ гусарскимъ офицеромъ Н., весьма вѣжливымъ и обязательнымъ, но не много страннымъ. Мой повѣса братъ, находитъ удовольствіе сердить его на каждой станціи.

Слонимъ. — Опять я здѣсь; но какъ все измѣнилось! я не могла даже отыскать прежней квартиры у стараго гвардейца. К. принялъ меня съ самымъ строгимъ начальническимъ видомъ: «что вы такъ долго пробыли дома»? спросилъ онъ, я отвѣчала что за болѣзнію.« Имѣете вы свидѣтельство отъ лекаря?» — Не имѣю. — «Почему?» — Не находилъ надобности брать его. — Этотъ странный отвѣтъ разсердилъ К. до крайности. «Вы сударь, повѣса» .... Я ушла не давъ ему кончить этаго обязательнаго слова. — И такъ... Чтожъ теперь дѣлать? Имѣя на рукахъ несовершеннолѣтняго брата, котораго не льзя отдать въ полкъ потому, что онъ числится уже въ горной службѣ, куда я дѣнусь? такъ думала я закрывъ лице руками и облокотясь на большой жидовской столъ. Тихой ударъ по плечу заставилъ меня взглянуть на свѣтъ Божій. « Что вы такъ задумались, Александровъ? вотъ вамъ повелѣніе отъ К.; вамъ должно ѣхать въ Лаишинъ къ Ротмистру Б., и принять отъ него лошадей, которыхъ вы будете пасти на лугахъ зеленыхъ, на муравѣ шелковой»! Я совсѣмъ не имѣла охоты шутить: что я буду дѣлать съ братомъ? куда я дѣну его? взять съ собою въ полкъ, представить ему картину жизни уланской, столь не зрѣлому юношѣ? сохрани Боже! но чтожъ я буду дѣлать?... Ахъ, для чего я не оставила его дома? мое умничанье разтерзало сердце отца, разлукою съ нѣжно любящимъ сыномъ и вмѣсто пользы принесло мнѣ хлопоты и досаду!... Печаль и безпокойство столько измѣнили видъ мой, что Н., нашъ дорожный товарищъ, былъ тронутъ этимъ:

»Оставьте у меня вашего брата, Александровъ, я буду ему тѣмъ же, чѣмъ были вы и точно туже дружбу и тѣже попеченія увидитъ онъ отъ меня, какъ бы отъ самихъ васъ.» Предложеніе благороднаго Н., сняло тяжесть съ сердца моего, я поблагодарила его отъ всей души и отдала ему брата, прося послѣдняго, не терять времени, писать къ отцу и требовать увольненія изъ горной службы. Я отдала ему всѣ деньги, простилась и уѣхала въ Лаишинъ.

Ротмистръ Б., Р., Б. и я, имѣемъ порученіе откармливать усталыхъ, раненыхъ и исхудавшихъ лошадей всѣхъ уланскихъ полковъ; на мою часть досталось 150 лошадей и 40 человѣкъ уланъ для присмотра за ними; селеніе въ которомъ квартирую въ 15 верстахъ отъ Лаишина окружено лѣсами и озерами. Цѣлые дни провожу я разъѣзжая верьхомъ или прогуливаясь пѣшкомъ въ темныхъ лѣсахъ и купаясь въ чистыхъ и свѣтлыхъ, какъ хрусталь озерахъ.

Я занимаю обширный сарай, это моя зала, полъ ея усыпанъ пескомъ, стѣны украшены цвѣточными гирляндами, букетами и вѣнками; въ срединѣ всего этого поставлено пышное ложе, во всемъ смыслѣ этого слова, пышное ложе: на четырехъ низенькихъ отрубкахъ положены три широкія доски, на нихъ сѣно почти изъ однихъ цвѣтовъ и закрыто нѣкоторымъ родомъ бархатнаго ковра, съ яркими блестящими цвѣтами; большая сафьянная подушка чернаго цвѣта съ пунцовыми украшеніями

довершаетъ великолѣпіе моей постели, служащей мнѣ также диваномъ и креслами; я на ней сплю, лежу, сижу, читаю, пишу, мечтаю, обѣдаю, ужинаю и засыпаю. Теперь Іюль; въ теченіе длиннаго лѣтняго дня, я ни на одну минуту не соскучиваюсь, встаю въ три часа, то есть просыпаюсь и тогда же уланъ приноситъ мнѣ кофій, котораго и выпиваю стаканъ съ чернымъ хлѣбомъ и сливками. Позавтракавъ такимъ образомъ, иду осматривать свою паству, размѣщенную по конюшнямъ, при мнѣ ведутъ ихъ на водопой, по веселымъ и бодрымъ прыжкамъ ихъ, вижу я что уланы мои слѣдуютъ примѣру своего Начальника: овса не крадутъ, не продаютъ, но отдаютъ весь этимъ прекраснымъ и послушнымъ животнымъ; вижу какъ формы ихъ, прежде искаженныя худобою, принимаютъ свою красивость, полнѣютъ, шерсть прилегаетъ, лоснится, глаза горятъ, уши, едва было не повисшія, начинаютъ быстро двигаться и уставляться впередъ; погладивъ и поласкавъ красивѣйшихъ изъ нихъ, приказываю осѣдлать ту, которая веселѣе прыгаетъ и ѣду гулять, куда завлечетъ меня любопытство, или прекрасной видъ; въ двѣнадцать часовъ возвращаюсь въ свою сплетенную изъ хвороста залу: тамъ готова уже мнѣ миска очень вкусныхъ Малороссійскихъ щей или борщу и не большой кусокъ чернаго хлѣба; окончивъ обѣдъ, послѣ котораго я всегда немножко голодна, иду опять гулять или по полямъ или надъ рѣкою; возвращаюсь домой часа на два, чтобъ написать нѣсколько строкъ, полежать, помечтать, настроить воздушныхъ

замковъ, опять разломать ихъ, просмотрѣть на-скоро свои записки, не поправляя въ нихъ ничего, да и куда мнѣ поправлять, и для чего? ихъ будетъ читать своя семья, а для своихъ все хорошо; передъ вечеромъ иду опять гулять, купаться, и наконецъ возвращаюсь присутствовать при вечернемъ водопоѣ; послѣ всего этого, день мой, заключается сценою, которая непремѣнно каждый вечеръ возобновляется: теперь рабочая пора, и такъ при наступленіи ночи всѣ молодицы и дѣвицы съ протяжнымъ пѣніемъ (отвратительнѣе котораго я ничего не слыхала) возвращаются съ полей и густою толпою идутъ къ деревнѣ; у входа ея ожидаютъ ихъ мои уланы тоже толпою стоящіе; соединясь обѣ толпы смѣшиваются; пѣніе умолкаетъ, слышенъ говоръ, хохотъ, визгъ и брань (послѣдняя всегда отъ мужей), съ такимъ гамомъ всѣ они вбѣгаютъ въ деревню, и наконецъ идутъ по домамъ; иду и я лечь на пышное, мягкое, душистое ложе свое и въ ту же минуту засыпаю; но завтра тотъ же порядокъ, тѣже сцены. Спокойствіе, радость, веселыя мечты, здоровье, свѣжій румянецъ; все это не разлучно со мною, при теперешнемъ родѣ моей жизни, и я ни на одну минуту не чувствовала еще скуки. Природа, поселивъ въ душѣ моей любовь къ свободѣ и къ своимъ красотамъ, дала мнѣ неисчерпаемый источникъ радостей; какъ только открываю глаза поутру, тотчасъ чувство удовольствія и щастія пробуждается во всемъ моемъ существованіи; мнѣ совсѣмъ не возможно представить себѣ что нибудь печальное: все въ воображеніи моемъ блеститъ и горитъ

яркими лучами. О Государь! обожаемый Отецъ нашъ! нѣтъ дня, въ который бы я мысленно не обнимала колѣнъ Твоихъ; Тебѣ обязана я щастіемъ, которому нѣтъ равнаго на землѣ: щастіемъ быть совершенно свободною; Твоему снисхожденію, Твоей Ангельской добротѣ, но всего болѣе Твоему уму и великому духу! Помыслы мои совершенно безпорочны; ничто никогда не занимаетъ ихъ, кромѣ прекрасной Природы и обязанностей службы. Изрѣдка увлекаюсь я мечтами о возвращеніи въ домъ, о высокомъ степени, о блистательной наградѣ, о небесномъ щастіи покоить старость добраго отца, доставя ему довольствіе и изобиліе во всемъ! Вотъ одно время, въ которое я плачу. . . . Отецъ мой! мой снисходительный великодушный отецъ! подаритъ мнѣ милосердый Богъ эту неизрѣченную радость быть утѣшеніемъ и подпорою твоей старости.

Замѣчаю я, что носится какой-то глухой, невнятный слухъ о моемъ существованіи въ арміи. Всѣ говорятъ объ этомъ, но никто ничего не знаетъ; всѣ считаютъ возможнымъ, но никто не вѣритъ; мнѣ не одинъ разъ уже разсказывали собственную мою исторію со всѣми возможными искаженіями: одинъ описывалъ меня красавицею, другой уродомъ, третій старухою, четвертый давалъ мнѣ гигантскій ростъ и звѣрскую наружность, и такъ далѣе. Судя по симъ описаніямъ, я могла бы быть увѣренною, что никогда ни чьи подозрѣнія не остановятся на мнѣ, еслибъ одно обстоятельство не угрожало обра-

тить наконецъ на меня замѣчанія моихъ товарищей: мнѣ должно носить усы, а ихъ нѣтъ, и разумѣется, не будетъ; Н., С. и Л. часто уже смѣются мнѣ говоря: «А что, братъ, когда мы дождемся твоихъ усовъ? Ужъ не Лапландецъ ли ты?» Разумѣется, это шутка; они не полагаютъ мнѣ болѣе 18-ти лѣтъ, но иногда примѣтная вѣжливость въ ихъ обращеніи и скромность въ словахъ даютъ мнѣ замѣтить, что если они не совсѣмъ вѣрятъ, что я никогда не буду имѣть усовъ, по крайней мѣрѣ сильно подозрѣваютъ, что это можетъ быть. Впрочемъ сослуживцы мои очень дружески расположены ко мнѣ и весьма хорошо мыслятъ; я ничего не потеряю въ ихъ мнѣніи: они были свидѣтелями и товарищами ратной жизни моей.

Мнѣ приказано сдать всѣхъ лошадей и людей старшему въ командѣ моей унтеръ-офицеру, а самой отправиться къ эскадрону нашего полка въ командѣ штабсъ-ротмистра Р. У насъ ихъ два. Старшій какой-то чудакъ, все знаетъ, все видѣлъ, вездѣ былъ, все сдѣлаетъ, но службу не любитъ и мало ею занимается; его стихія при штабѣ. Но братъ его — неустрашимый, опытный, правдивый офицеръ; всею душею преданъ и лагерному шуму, и острой саблѣ, и доброму коню. Я очень обрадовалась, что буду у него въ эскадронѣ: терпѣть не могу ничтожныхъ эскадронныхъ начальниковъ; съ ними въ военное время бѣда, а въ мирное — и смѣхъ и горе.

Пріѣхавъ къ Р., я застала эскадронъ на лошадяхъ, готовый къ выступленію въ походъ; этого я совсѣмъ не ожидала, и очень была разстроена такимъ быстрымъ переходомъ отъ совершеннаго спокойствія къ величайшей дѣятельности и хлопотамъ. »Здравствуй, любезный Александровъ! сказалъ Р.; я давно тебя ожидаю; есть ли у тебя лошадь?»— Ни лошади, ни сѣдла, ротмистръ! что я буду дѣлать?—«Тебѣ надобно остаться здѣсь на сутки и поискать купить сѣдло; лошадь возми изъ казенныхъ; только на дневкѣ постарайся догнать эскадронъ.» — Послѣ этого онъ пошелъ съ эскадрономъ, а я отправилась къ нашему поручику С.; нашла тамъ многихъ офицеровъ своего полка, и одинъ изъ нихъ продалъ мнѣ дрянной Французскій арчакъ за 150 руб.; хотя я и видѣла, что эта цѣна была безбожная, но чтожъ мнѣ было дѣлать? Еслибъ онъ хотѣлъ взять пять сотъ рублей за свое сѣдло, и то должнабъ была заплатить.

На другой день, вмѣстѣ съ зарею я встала и тотчасъ поѣхала по слѣдамъ своего эскадрона. Около пяти часовъ по полудни пріѣхала я въ то селеніе, гдѣ ему назначена была дневка; первый предметъ, представившійся мнѣ, былъ вахмистръ въ одной рубахѣ, привязанный у крыльца; сперва я этого не разсмотрѣла и хотѣла было отдать ему свою лошадь, но увидя наконецъ, что онъ привязанъ, привязала также и свою лошадь. — За что тебя привязали? спросила я бѣднаго узника.—«Вѣдь вы видите что за руки» отвѣчалъ онъ грубо.

———

Въ Брестѣ-Литовскомъ, прежде выступленія за границу, должно было намъ выдержать инспекторскій смотръ. Цѣлые два часа проливной дождь обливалъ насъ съ головы до ногъ. Наконецъ промокшіе до костей перешли мы за рубежъ Россіи; солнце вышло изъ облаковъ и ярко заблистало; лучи его и теплый лѣтній вѣтеръ скоро высушили наши мундиры.

Отрядъ нашъ составленъ изъ нѣсколькихъ эскадроновъ разныхъ Уланскихъ полковъ; командиромъ у насъ полковникъ С. Къ намъ присоединилось еще нѣсколько эскадроновъ Конно-Егерскихъ, которыми начальствуетъ С., тоже полковникъ, и, кажется, старше нашего.

Мы идемъ къ Модлину и будемъ находиться подъ начальствомъ К. Вчера цѣлый день шелъ дождь и дулъ холодный вѣтръ. Намъ должно переправляться чрезъ рѣку, хотя не широкую, но какъ паромъ не поднимаетъ болѣе десяти лошадей, то переправа наша, будетъ очень продолжительна. Всѣ наши уланы не похожи стали на людей: такъ лица ихъ посинѣли и почернѣли отъ холода! Хуже зимняго мороза этотъ холодный вѣтръ при безпрерывномъ мелкомъ дождѣ. Мнѣ вздумалось идти погрѣться въ домикъ на горѣ, надъ самою рѣкою; вскарабкавшись по крутой, скользкой тропинкѣ и вошедъ въ залу, въ которой огонь, разведенный на каминѣ, разливалъ бла-

готворную теплоту, я была встрѣчена грознымъ: «за чѣмъ вы пришли?» Это спрашивалъ полковникъ С., который расположился ожидать здѣсь, пока отрядъ его весь переправится. Я отвѣчала, что какъ эскадронъ Литовскій еще не начиналъ переправляться, и что его очередь будетъ не скоро: то я пришелъ немного согрѣться.—«Вамъ надобно быть при своемъ мѣстѣ»—сказалъ сухо полковникъ—»ступайте сей часъ». Я пошла, и мысленно отъ всей души бранила полковника, выгнавшаго меня изъ теплой, сухой залы на холодъ, мокроту и темную ночь! Пришедъ къ берегу, я увидѣла, что эскадронъ готовится къ переправѣ. Я была дежурнымъ и должна была находиться неотлучно какъ при переправѣ эскадрона, такъ и на походѣ; поставя на паромъ, сколько могло умѣститься, людей съ лошадьми, я ушла въ маленькую каютку на палубѣ, гдѣ въ небольшой чугунной печкѣ горѣлъ торфъ и Нѣмка варила кофе для желающихъ. Мягкая постель ея стояла близъ самой печки; я знала, что переправа нашего эскадрона продолжится часа полтора, и для того велѣла смотрѣть за нею дежурному унтеръ-офицеру, котораго исправность мнѣ была извѣстна, и, когда все кончится, увѣдомить меня. Распорядившись такъ благоразумно, усѣлась я на Нѣмкину постель и велѣла подать себѣ кофею, котораго выпивъ двѣ чашки, согрѣлась. Въ каютѣ было не только очень, но даже слишкомъ жарко; я однакожь не имѣла никакой охоты выдти на палубу; дождь и вѣтеръ продолжались; въ ожиданіи, пока весь эскадронъ переправится и мнѣ скажутъ объ этомъ, я погрузилась въ мягкія,

высокія подушки, и уже не помню и не знаю какъ заснула глубочайшимъ сномъ. Когда я проснулась, то не слышно уже было никакого шума ни отъ вѣтра, ни отъ дождя, ни отъ людей. Все было тихо; паромъ не шевелился, и въ каютѣ не было никого. Удивясь этому, я проворно встала, и отворя дверь, увидѣла, что паромъ стоитъ у берега, что вся окрестность пуста, нигдѣ не видно ни одного человѣка, и что наступаетъ день. Чтожь это значитъ? думала я; не уже ли обо мнѣ забыли? Взошедъ на гору, я увидѣла улана съ моей лошадью. «Гдѣ же эскадронъ?»—Давно ушелъ.—«Чтожь не разбудили меня?» — Не знаю. — «Кто повелъ эскадронъ?»—Самъ ротмистръ. . . Я сѣла на лошадь. «Какой эскадронъ переправился послѣдній?» — Оренбургскій Уланскій.—«Давно?»— Болѣе двухъ часовъ.—«Чтожь ты не сказалъ мнѣ, когда нашъ эскадронъ пошелъ?»—Ни кто не зналъ, гдѣ вы.—«А дежурный унтеръ-офицеръ?»—Онъ велѣлъ мнѣ только взять вашу лошадь и ждать здѣсь на берегу.—«Далеко наши квартиры?»—Верстъ пятнадцать. . . . Я поѣхала легкою рысью, будучи очень недовольна собою, своимъ уланомъ, дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, вѣтромъ, дождемъ и полковникомъ, выгнавшимъ меня такъ безжалостно. Утро сдѣлалось прекрасное: вѣтръ и дождь перестали, солнце взошло, и наконецъ я увидѣла близъ густаго лѣса квартиры нашего эскадрона. Пріѣхавъ къ своимъ товарищамъ, я нашла ихъ покойными, довольными (то есть сытыми); они хорошо позавтракали и готовились къ походу. И такъ мнѣ оставалось, голодной, не сходя съ лошади, примкнуть къ эскадрону и идти до новыхъ квартиръ.

Мы пришли къ Модлину. Завтра эскадронъ нашъ идетъ на пикетъ. Р. размѣстилъ всѣхъ насъ на разстояніи двухъ верстъ; я въ срединѣ и главный командиръ этого пикета; К. и Р. по флангамъ должны присылать ко мнѣ всякое утро съ извѣщеніемъ о всемъ, что у нихъ случается, а я посылаю уже къ ротмистру. Теперь я живу въ маленькой пещерѣ или землянкѣ; къ ночи половина людей моихъ въ готовности при осѣдланныхъ лошадяхъ, а другая покоится.

Вчера Р. прислалъ мнѣ бутылку превосходныхъ сливокъ въ награду за маленькую сшибку съ непріятелемъ и за четырехъ плѣнныхъ.

Видно, въ Модлинѣ большой запасъ ядеръ и пороху; стоитъ только показаться кому нибудь изъ нашихъ въ полѣ, тотчасъ стрѣляютъ по нихъ изъ пушекъ, а иногда дѣлаютъ эту честь и для одного человѣка, что̀ кажется мнѣ чрезвычайно смѣшно: возможно ли въ одного человѣка потрафить ядромъ?.. Мы оставили Модлинъ и идемъ присоединиться къ своимъ полкамъ; нашъ стоитъ подъ Гамбургомъ. Какъ живописенъ видъ Горъ Богемскихъ! Я всегда взъѣзжаю на самую высокую изъ нихъ, и смотрю, какъ эскадроны наши тянутся по узкой дорогѣ пестрою извивистою полосою.....

Опять настала холодная, сырая погода; мы окружены густымъ туманомъ, и въ этомъ непроницае-

момъ облакѣ совершаемъ путь свой чрезъ хребетъ Богемскихъ Горъ. Сколько прекраснѣйшихъ видовъ закрыто этою волнующеюся сѣрою пеленою! Къ довершенію непріятности у меня жестоко болятъ зубы.

Прага. Здѣсь стояли мы до самой ночи; начальство города находило какое - то затрудненіе позволить корпусу нашему пройти чрезъ городъ; наконецъ позволили, и мы прошли поспѣшно, не останавливаясь ни на минуту; за этимъ строго смотрѣли. Однакожъ И., Р. и я остались въ трактирѣ поужинать на скорую руку, и послѣ пустились догонять эскадронъ вскачь, гремя по каменной мостовой. Нѣмцы съ испуга сторонились, и въ слѣдъ намъ раздавалось безпрерывное: *шверноть.* Зима здѣсь необыкновенно холодна; Нѣмцы приписываютъ это нашествію Русскихъ, и пожимаясь передъ каминомъ, говорятъ, что еслибъ они могли предузнать прибытіе незваныхъ гостей, то заготовили бы больше торфу.

.... Вчера было неудачное покушеніе потревожить спокойствіе Гамбурга. Съ полночи выступили мы вмѣстѣ съ Конно-Егерскимъ полкомъ къ стѣнамъ этой крѣпости и расположились ожидать разсвѣта, для того чтобъ громить ее пушками. Меня со взводомъ отрядили прикрывать два осадныя орудія. Разсвѣло; начали мы бросать въ крѣпость бомбы и бросали часа два безпрерывно, но удостоиться отвѣта не могли: Гамбургскій гарнизонъ какъ будто

вымеръ; намъ не отплатили ни однимъ выстрѣломъ. Въ ожиданіи разсвѣта, я легла близъ орудія на мокрый песокъ, и какъ теперь весна, то думаю, что отъ сырыхъ испареній земли простудила голову и была цѣлую недѣлю такъ жестоко больна, что меня не льзя было узнать, какъ будто послѣ трехлѣтняго безпрерывнаго страданія.

Ничего нѣтъ смѣшнѣе нашихъ объѣздовъ по пикетамъ. Пароли, отзывы, лозунги такъ искажаются нашими солдатами, особливо пѣхотными рекрутами, что и нарочно не льзя выдумать такихъ нелѣпыхъ названій; сверхъ этого рекрутъ спрашиваетъ пароль такимъ образомъ: *кто идетъ? говори! убью!* (Но это пустая угроза: онъ боится прицѣлиться, чтобъ ружье, сверхъ ожиданія, не выстрѣлило). Послѣ этого, не дождавшись отвѣта, кричитъ во весь голосъ: *что пароль? пароль городъ****—и скажетъ какую нибудь нелѣпость; спрашиваетъ и отвѣчаетъ самъ же, а подъѣхавшему офицеру остается только удерживаться отъ смѣха; впрочемъ во всемъ есть своя хорошая сторона: еслибъ безтолковый солдатъ, котораго никакъ не льзя вразумить, что онъ долженъ спрашивать, а не сказывать пароль,—выговаривалъ его какъ должно, то непріятельскій пикетъ, будучи очень близко отъ нашего, могъ бы его слышать и воспользоваться имъ къ невыгодѣ нашей; но какъ онъ слышитъ то, чего ни понять, ни выговорить не льзя, то остается все спокойно по своимъ мѣстамъ.

Вчерашней ночью полковникъ нашъ едва было не сломилъ себѣ головы, и хотя происшествіе это само по себѣ нисколько не смѣшно, но сдѣлалось однакожъ столь забавнымъ случаемъ, что и самъ полковникъ разсказывалъ это со смѣхомъ. Ему хотѣлось повѣрить исправность своихъ пикетовъ, и онъ поѣхалъ осмотрѣть ихъ одинъ. Ѣхавъ нѣсколько времени и не видя часовыхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ должно было быть, полковникъ сильно досадовалъ на неисправность пикетнаго офицера; онъ думалъ, что часовыхъ совсѣмъ не поставили, но былъ выведенъ изъ заблужденія очень смѣшнымъ образомъ, отъ котораго едва было не погибъ. Часовые были всѣ на мѣстахъ; но какъ ночь была темна, какъ черное сукно: то они, слыша проѣзжающаго человѣка, вмѣсто оклика таили дыханіе; одинъ изъ нихъ, на бѣду нашего полковника, заснулъ, сидя у пня, и отъ фырканья лошади проснулся, вскачилъ опрометью и дико закричалъ отъ испуга: *что пароль? лозунгъ: Гаврило!* то есть: Архангелъ Гавріилъ. Лошадь кинулась въ сторону и упала въ яму вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. По милости Бога, полковникъ отдѣлался легкимъ ушибомъ.

Извѣстіе о взятіи Парижа заставило Даву сдаться. Французы вышли изъ Гамбурга, и военныя дѣйствія прекратились; мы теперь мирные гости Датскаго Короля. Пользуясь симъ обстоятельствомъ, я хочу объѣхать прекрасную Голштинію, одна, въ кабріолетѣ, въ который заложу свою верховую лошадь.

И. вызвался быть моимъ товарищемъ. Мы взяли отпускъ на недѣлю и отправились прежде въ Пепибергъ, желая пройти нѣсколько пѣшкомъ по прекрасной тѣнистой аллеѣ, которая ведетъ отъ Ютерзейна къ Пепибергу. Встали мы оба съ своего кабріолета; я обвернула возжи около мѣдной шишечки спереди кабріолета и, въ надеждѣ на смиреніе стараго коня, пустила его идти по дорогѣ одного; мы не замѣтили, что лошадь, чувствуя легость экипажа, стала прибавлять шагу; но наконецъ я увидѣла, что она далеко ушла впередъ; я побѣжала, чтобъ остановить ее, но этимъ сдѣлала то, что лошадь также побѣжала, и все шибче, шибче, вскачь, и наконецъ во весь духъ. И., собравъ всѣ силы, догналъ было ее и схватилъ за оглоблю; но лошадь сшибла его на землю, переѣхала колесомъ ему по груди и поскакала во весь опоръ къ Пепибергу. И. вскочилъ и потирая грудь рукою, побѣжалъ однакожь вслѣдъ за исчезающею уже изъ вида лошадью, я думаю, для того, что спереди на кабріолетѣ лежалъ нашъ чемоданъ, гдѣ находились наши мундирныя серебряныя вещи и 500 рублей золотомъ; всего этого ни мнѣ, ни ему потерять не хотѣлось. Однакожь и бѣжать до самаго Пепиберга не было возможности; не смотря на это, И. и лошадь скрылись у меня изъ глазъ; я тоже пошла самымъ скорымъ шагомъ, и нашла моего товарища и коня у самаго въѣзда въ Пепибергъ. Они были окружены толпою Нѣмцевъ; но чемодана уже не было. «Что теперь дѣлать»? спрашивалъ меня И. — Здѣсь есть ихъ начальство; ты хорошо говоришь по Нѣмецки: поди

къ нимъ и разскажи, какія именно вещи были у насъ въ чемоданѣ, такъ вѣрно розыщутъ.—И. пошелъ; а я, сѣвъ на кабріолетъ, поѣхала занять квартиру, гдѣ отдавъ Нѣмцу - работнику лошадь свою въ смотрѣніе, пошла къ начальнику этого города. Тамъ былъ уже И.; Нѣмцу что-то не хотѣлось розыскивать нашей пропажи; онъ говорилъ, что это дѣло невозможное: лошадь ваша бѣжала чрезъ лѣсъ одна; какъ можно угадать, что сдѣлалось съ вашими пожитками? И., въ досадѣ на такое хладнокровіе къ нашему невзгодью, сказалъ, что еслибъ это случилось въ Петербургѣ, то чрезъ сутки пропажа была бы найдена, хотя бы нѣсколько тысячь людей было тутъ замѣшано, и что нѣтъ въ свѣтѣ полиціи, которая могла бы сравниться съ Русскою въ дѣятельности, проницательности и остроуміи средствъ, употребляемыхъ ею для розысканія и открытія самыхъ тонкихъ мошенничествъ. Эти слова свели съ ума и вывели изъ себя хладнокровнаго Нѣмца; съ покраснѣвшимъ лицемъ, сверкающими глазами и кипящею досадою вышелъ онъ поспѣшно изъ комнаты. Не видя надобности дожидаться его возврата, мы ушли на свою квартиру; ѣхать далѣе намъ не было средствъ: у насъ пропали всѣ деньги, вещи и даже мундиры; мы оба остались въ однихъ только сюртукахъ; этотъ день мы не пили чаю, не ужинали, и на утро ожидала насъ печальная участь: не пить кофею, не завтракать, и ѣхать 30 верстъ обратно съ пустымъ желудкомъ. У меня оставалось два марка; но ихъ надобно было употребить для лошади. И. находилъ это несправедливымъ, и сильно воз-

ставалъ противъ моего, какъ онъ называлъ, пристрастія къ упрямому животному: «Щастлива эта негодная скотина, что деньги у тебя въ карманѣ; а еслибъ онѣ были у меня, такъ ужь извини, Александровъ, пришлось бы твоему ослу поститься до самаго Югерзейна.»—А теперь попостимся мы, любезный товарищъ, отвѣчала я; да и о чемъ ты хлопочешь? вообрази, что ты на бивакахъ, на походѣ, что теперь военное время, двѣнадцатый годъ, что сухари наши и провизію бросили въ воду, что казаки отняли у деньщиковъ нашихъ вино, жаркое и хлѣбъ, или что плуты эти сами съѣли все, и сказали на казаковъ; однимъ словомъ, вообрази себя въ одномъ изъ этихъ положеній, и ты утѣшишься.— «Благодарю! утѣшайся ты одинъ всѣмъ этимъ,»—сказалъ сердито голодный И., и спрятался въ шкафъ: я не знаю, какъ иначе назвать постели затѣйливыхъ Нѣмцевъ; это точно шкафы: растворя обѣ половинки дверецъ, найдешь тамъ четвероугольный ларь, наполненный перинами и подушками, безъ одѣяла; если угодно тутъ спать, то стоитъ только залѣсть въ средину всего этого, и дѣло кончено.— Видя что И. ушелъ въ шкафъ, съ тѣмъ чтобъ до утра не выходить, я пошла убѣждать хозяйку засвѣтить для меня даромъ свѣчку; она исполнила мою просьбу, погладивъ меня по щекѣ и назвавъ добрымъ молодымъ человѣкомъ, не знаю за что; я написала страницы двѣ, и наконецъ тоже легла спать на полу, вытащивъ изъ другаго шкафа всѣ перины и подушки, сколько ихъ тамъ было. Въ три часа утра я гладила и цѣловала добраго коня своего, кото-

рый, не обращая на это вниманія, ѣлъ овесъ, купленный на послѣдніе мои два марка; И. спалъ; работникъ мазалъ колеса нашего кабріолета, и хозяйка спрашивала меня изъ окна: «Геръ офицеръ, волензи кофе?» Всѣ эти дѣйствія были прерваны поспѣшнымъ приходомъ гнѣвнаго градоначальника. «Гдѣ вашъ товарищъ?» спросилъ онъ отрывисто; въ рукахъ у него былъ нашъ чемоданъ. Обрадовавшись, увидя опять погибшее-было наше сокровище, я побѣжала будить моего камрада. «Вставай И.»—кричала я, идя къ дверцамъ его шкафа, чтобъ ихъ растворить—«вставай: нашъ чемоданъ принесли.» — Отвяжись, ради Бога; что́ ты распутился — ворчалъ И. невнятно — не мѣшай мнѣ спать. «Я не шучу, Василій! вотъ здѣсь начальникъ Пепиберга, вмѣстѣ съ нашимъ чемоданомъ.» — Ну, такъ возми у него. — «Да это не такъ легко сдѣлать; онъ видно хочетъ именно тебѣ его отдать и, какъ догадываюсь, вмѣстѣ съ какимъ нибудь пышнымъ возраженіемъ на вчерашнее твое сомнѣніе въ исправности ихъ полиціи.» — Ну, такъ попроси же, братъ, его хоть въ хозяйскую горницу, пока я встану. — Чрезъ пять минутъ И. вошелъ къ намъ. Градоначальникъ, до того все молчавшій, стремительно всталъ съ своего мѣста и подошедъ къ И.: «Вотъ ваши вещи, всѣ до одной, и всѣ деньги, тою самою монетою, какою были. Не думайте, чтобъ полиція наша уступала въ чемъ нибудь вашей Петербургской. Вотъ ваши вещи и вотъ воръ» — сказалъ онъ съ торжествомъ, указывая въ окно на стоящаго на дворѣ молодаго человѣка лѣтъ 18; — «онъ вчера увидѣлъ вашу

лошадь близъ Пепиберга, схватилъ съ кабріолета чемоданъ, бросилъ его въ ровъ за кусты, а лошадь отвелъ въ городъ. Теперь довольны ли вы? Вора сей часъ повѣсятъ, если вамъ угодно?» При семъ ужасномъ вопросѣ, сдѣланномъ со всею Нѣмецкою важностію, И. поблѣднѣлъ; я затрепетала, и мое желаніе смѣяться надъ забавнымъ гнѣвомъ Пепиберггца обратилось въ болѣзненное чувство страха и жалости. «Ахъ, что вы говорите» — воскликнули мы оба вдругъ — «какъ можно этого хотѣть? нѣтъ, нѣтъ! ради Бога, отпустите его..... Я вижу, что ошибался на счетъ вашей полиціи, простите это моему незнанію» — прибавилъ И. самымъ вѣжливымъ тономъ. Успокоенный Нѣмецъ отпустилъ нещастнаго мальчика, который, стоя предъ нашимъ окномъ, трепеталъ всѣмъ тѣломъ и былъ блѣденъ, какъ полотно; услыша, что его прощаютъ, онъ всплеснулъ руками съ такимъ выраженіемъ радости и такъ покорно сталъ на колѣни предъ нашимъ окномъ, что я была тронута до глубины души, и даже самъ Пепибергскій начальникъ тяжело вздохнулъ; наконецъ онъ пожелалъ намъ веселаго путешествія по Голштиніи, и ушелъ.

Теперь мы уже смѣло потребовали кофею, сливокъ, сухарей и холодной дичи на дорогу. «Ахъ, какой щастливый характеръ имѣешь ты, Александровъ» говорилъ мнѣ И., когда мы сѣли опять въ свой кабріолетъ; «ты совсѣмъ не грустилъ о пропажѣ своего имущества.» — Къ чему это великое слово *имущество*, И.? Развѣ мундиръ, подсу

мокъ и сорокъ червонцевъ имущество? — «Однакожъ у тебя болѣе ничего нѣтъ.» — Нѣтъ, такъ будетъ; но твоя печаль была мнѣ очень смѣшна. — «Почему?» — Потому, что тебѣ не привыкать быть безъ денегъ: какъ только заведется какой червонецъ, ты сей часъ ставишь на карту и проигрываешь. — «Я иногда и выигрываю» — Никогда! Покрайности я ни разу еще не видалъ тебя въ выигрышѣ: ты игрокъ столько же неискусный, сколько я нещастливый. — «Неправда! Ты не можешь судить о моемъ искусствѣ; ты не имѣешь никакого понятія объ игрѣ» сказалъ И. съ досадою, и послѣ всю дорогу молчалъ.

За обѣдомъ мы помирились. Въ Ицечое мы ночевали и на другой день поѣхали къ Глюкштату. Печальный видъ Эльбы, которая здѣсь течетъ вровень съ болотистыми берегами, стаи вороновъ съ своимъ зловѣщимъ крикомъ нагнали намъ скуку и грусть; мы поспѣшили уѣхать оттуда, и свернувъ съ большой дороги, поѣхали проселочными. — Въ одномъ новомъ постояломъ домѣ, какъ намъ казалось, мы были пріятно удивлены вѣжливымъ пріемомъ и хорошимъ угощеніемъ. Наружность этого дома ничего не обѣщала болѣе, какъ только картофель для обѣда и солому для постели, и мы, вошедъ туда спросили себѣ обѣдать, какъ обыкновенно спрашиваютъ въ трактирахъ, не обращая никакого вниманія на хозяина. Но тонкая скатерть, фарфоровая посуда, серебряныя ложки и солонки и хрустальные стаканы возбудили наше вниманіе и вмѣстѣ удив-

леніе; этимъ не кончилось: поставя на столъ кушанье, хозяинъ просилъ насъ садиться и сѣлъ самъ вмѣстѣ съ нами. И., который не терпѣлъ никакой фамиліарности, спросилъ меня: «что это значитъ? за чѣмъ этотъ мужикъ сѣлъ съ нами?»—Ради Бога, молчи, отвѣчала я; можетъ быть, это будетъ что нибудь изъ Тысячи и Одной Ночи: кто знаетъ, во что можетъ превратиться нашъ хозяинъ?—Въ продолженіе этого разговора пришелъ хозяйскій братъ, и тоже сѣлъ за столъ; я не смѣла зачать говорить: недовольный видъ И. и безпечная веселость обоихъ крестьянъ до крайности смѣшили меня; чтобъ не обидѣть добродушныхъ хозяевъ неумѣстнымъ смѣхомъ, я старалась не смотрѣть на И. Послѣ обѣда намъ подали кофе въ серебряномъ кофейникѣ, на прекрасномъ подносѣ, сливки въ серебряномъ горшечкѣ превосходной работы, и ложечку, фасона суповой разливальной ложки, тоже серебряную, ярко вызолоченную внутри. Все это поставили на столъ; оба хозяина просили насъ наливать для себя кофе по своему вкусу, и сѣли пить его съ нами вмѣстѣ. «Что это значитъ?» — повторялъ И.—«простой трактиръ, голыя стѣны, деревянные стулья, просто одѣтые люди—и прекрасной обѣдъ, превосходный кофе, фарфоръ, серебро, позолота, видъ какого-то богатства, вкуса и вмѣстѣ деревенской простоты! Какъ ты думаешь, Александровъ, что бы это такое значило?»—Не знаю ничего, но думаю только что намъ не льзя будетъ здѣсь платить.—«Почему? А я такъ думаю напротивъ, что здѣсь мы заплатимъ вдесятеро дороже противъ другихъ мѣстъ».

Мы ушли прогуливаться по прекраснѣйшимъ окрестностямъ, какія только могли быть на столь ровной и плоской сторонѣ, какова Голштинія. Возвратясь, я просила И. распоряжаться во всемъ самому, требовать и расплачиваться, сказавъ, что на меня находитъ страхъ, и я ожидаю какого нибудь чуднаго явленія. Намъ подали чай съ тою же ласкою, добродушіемъ, богатствомъ прибора и вкусомъ. Наконецъ надобно было ѣхать; лошадь наша была прекрасно вычищена, кабріолетъ вымытъ, и братъ хозяйскій держалъ подъ узцы коня нашего у крыльца. Я увидѣла что И. вертитъ въ рукахъ два марка. «Что ты хочешь дѣлать? Не уже ли за столько усердія, ласки и угощенія всѣми благами земными ты хочешь заплатить двумя марками? Сдѣлай милость не плати ничего; повѣрь, что они не возмутъ.« —А вотъ увидимъ, отвѣчалъ И.; — и съ этимъ словомъ подалъ хозяину два марка, спрашивая довольно ли этого? «Мы ничего не продаемъ; здѣсь не трактиръ» отвѣчалъ хозяинъ покойно. И. нѣсколько смѣшался; онъ спряталъ свои марки и сказалъ, смягчая голосъ: «Но вы такъ много издержали для насъ.» — Для васъ? Нѣтъ, я очень радъ, что вы заѣхали ко мнѣ; но раздѣлилъ съ вами только то, что всегда самъ употребляю съ своимъ семействомъ. — «Мы приняли васъ за крестьянъ» — сказалъ И., подстрѣкаемый любопытствомъ и ожиданіемъ какого нибудь необыкновеннаго открытія; но онъ тотчасъ спустился съ облаковъ. — Вы и не ошиблись: мы крестьяне. — Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ, узнали мы, что эти добрые люди получили наслѣд-

ство отъ дальняго родственника своего, богатаго Ямбурскаго купца, что не болѣе полугода тому какъ они выстроили себѣ этотъ домъ, что подобныя нашей ошибки имъ часто случается видѣть, и что мы не первые сочли домъ ихъ за трактиръ. «И вы всѣхъ такъ радушно угощаете, не выводя изъ заблужденія?»—Нѣтъ, васъ первыхъ.—«За что же?»— Вы Русскіе офицеры; Король нашъ велѣлъ намъ съ Русскими обходиться хорошо.—«Однакожъ, добрые люди, Русскимъ офицерамъ пріятно было бы, если бъ вы не оставляли ихъ такъ долго въ тѣхъ мысляхъ, что они въ трактирѣ; мы все требовали такъ повелительно, какъ требуютъ только тамъ, гдѣ должно заплатить.»—Вы могли угадать, что не за что платить, потому что мы обѣдали вмѣстѣ съ вами.— При сихъ словахъ И. покраснѣлъ, и мы оба не говорили уже болѣе, но поклонились доброму хозяину нашему, и уѣхали.

Настала глубокая осень. Темныя ночи, грязь, мелкій дождь и холодный вѣтръ заставляютъ насъ собираться предъ каминомъ то у того, то у другаго изъ нашихъ полковыхъ товарищей. Нѣкоторые изъ нихъ превосходные музыканты; при очаровательныхъ звукахъ ихъ флейтѣ и гитаръ вечера наши пролетаютъ быстро и весело.

Нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы радостно оставлялъ Голштинію; всѣ мы съ глубочайшимъ сожалѣніемъ говоримъ «прости» этой прекрасной сторонѣ

и ея добродушнымъ жителямъ.—Велѣно идти въ Россію. —Голштинія, гостепріимный край, прекрасная страна! никогда не забуду я твоихъ садовъ, цвѣтниковъ, твоихъ свѣтлыхъ, прохладныхъ залъ, честности и добродушія твоихъ жителей! Ахъ, время проведенное мною въ семъ цвѣтущемъ саду, было одно изъ щастливѣйшихъ въ моей жизни!... Я пришла къ Л. сказать, что полкъ готовъ къ выступленію. Полковникъ стоялъ въ задумчивости передъ зеркаломъ и причесывалъ волосы, кажется, не замѣчая этого. «Скажите, чтобъ полкъ шелъ; я останусь здѣсь на полчаса» — сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ. — О чемъ вы вздохнули, полковникъ? развѣ вы не охотно возвращаетесь на родину? спросила я.—Вмѣсто отвѣта, полковникъ еще вздохнулъ. Выходя отъ него, я увидѣла меньшую Баронессу, одну изъ хозяекъ нашего полковника, прекрасную дѣвицу лѣтъ 24-хъ, всю расплаканную. Теперь я понимаю, отъ чего полковнику не хочется идти отсюда! Да, въ такомъ случаѣ родина — Богъ съ ней!...

ПЕРСИДСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Въ одинъ тихій, прекрасный вечеръ роскошнаго Востока, когда солнце, уже беззнойное, тихо̀ догорало на Западѣ, обливая багровымъ румянцемъ вершины зданій, повелитель Ирана, Шахъ Тахмазъ, сидѣлъ, погрузившись въ бархатныя подушки. По временамъ онъ угрюмо посматривалъ на своихъ царедворцевъ, не говоря ни слова, между тѣмъ какъ они чинно сидѣли полукружіемъ на полу, поджавъ ноги и ожидая привѣтливаго взгляда отъ свѣтлыхъ очей своего повелителя.

Властелинъ Ирана, казалось, забылъ все на свѣтѣ и, вполнѣ предаваясь восточному кейфу, курилъ табакъ изъ драгоцѣннаго кальяна, поглаживая въ промежуткахъ черные усы свои. Напрасно въ это время вздумалъ бы кто нибудь заговорить съ Шахомъ: неумолимый гнѣвъ «царя царей» опалилъ бы дерзкаго, и ни заслуги, ни прежняя благосклонность не спасли бы его. Самъ визирь заблагоразсудилъ лучше молчать, и только безпрестанно зажималъ

ротъ, чтобы вѣчнымъ кашлемъ своимъ не нарушить покоя грознаго владыки. Ему однакожь было досаднѣе всѣхъ, что «бездна щастія и мудрости» не обращаетъ на вѣрнаго раба своего лучезарнаго вниманія: потому что подъ веселый часъ Шахъ иногда позволялъ старику покашлять даже въ покояхъ своего «земнаго рая».

Придворный шутъ Шаха, Дальхинъ, также ломалъ голову, какъ бы развеселить Шаха; но напрасно: онъ не могъ добиться, какой вѣтеръ нагналъ тучи на блистательное чело «средоточія вселенной», и вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ былъ уступить честь всякому другому вызвать изъ этой тучи молнію.

Однимъ словомъ, положеніе царедворцевъ было самое несносное, и между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ молился Аллаху, да избавитъ его отъ гнѣва «тѣни своей на землѣ» и проклиналъ свое настоящее дѣйствительно неловкое положеніе, — одинъ Шахъ сидѣлъ спокойно, пуская по временамъ облака дыма, и въ самомъ дѣлѣ являясь тогда какою-то неопределенною «тѣнью» рабамъ своимъ. Наконецъ шутъ, улучивъ удобную минуту, рѣшился прервать молчаніе. «Подлѣйшій изъ рабовъ праха туфлей вашихъ проситъ позволенія сказать слово!» — Говори, — грозно отвѣчалъ повелитель Ирана, — но берегись не развесилить Шаха, собачій сынъ; иначе языкъ твой навсегда перестанетъ болтать глупости!

«Шахинъ-Шахъ» — смиренно проговорилъ шутъ — «позволь старому визирю, вѣрному рабу твоему, покашлять, или вели отрубить нещастному голову, пока онъ кашлемъ своимъ не раздражилъ еще всеслышащаго слуха своего владыки, и тѣмъ не навлекъ на себя еще большаго преступленія.»

Тутъ Шахъ улыбнулся, посмотрѣвъ на стараго визиря, между тѣмъ какъ старикъ съ недовѣрчивостью уныло поглаживалъ свою крашеную бороду, думая, можетъ быть, что ему скоро придется проститься съ нею.

«Кашляй, вѣрный слуга мой» — милостиво сказалъ Шахъ; и благодарственная рѣчь визиря, начиненная всѣми цвѣтами восточнаго краснорѣчія, вмѣсто того чтобы пріятно пощекотать блистательные нервы «свѣтила міра», засѣла въ узкомъ горлѣ старика, и потомъ разлилась кашлемъ по всей комнатѣ, разсмѣшивъ всѣхъ и даже самого молчаливаго Шаха.

Въ это время вошелъ ходжа и, поклонившись до земли, доложилъ, что въ гаремѣ ожидаетъ Шаха черноокая Гюль-Джагаль (роза міра) у ложа упоенія.»

«А откуда привезена она?» спросилъ Шахъ у министра гарема.

Тутъ визирь тотчасъ смекнулъ, что эта невольница взята изъ его дома и безъ его вѣдома, и, испытавъ уже не въ первый разъ, что «солнце міра»

частенько пользуется звѣздами его гарема, спѣшилъ скорѣе выпутаться изъ бѣды.

«Подлѣйшій изъ рабовъ Вашего Высокомочія, визирь вашъ» — сказалъ старикъ, предупреждая отвѣтъ ходжи — «купилъ ее вчера у одного Турка за 200 тюменовъ, и сегодня прислалъ ее въ свѣтлый гаремъ Шаха, увѣренный, что подобной земной гуріи приличнѣе быть у «царя царей», нежели у подлѣйшаго изъ рабовъ его.»

«Благодарю, мирза, за вѣрность» — благосклонно, отвѣчалъ Шахъ — «кажется, я беру у тебя эту уже десятую; но награждая заслуги, всегда возвращалъ ихъ тебѣ: Гюль-Джагаль будетъ также опять у тебя».

Визирь ударилъ челомъ, и скоро всѣ разошлись по домамъ, оставя Шаха только съ министромъ гарема.

Шахъ шелъ медленно въ женское отдѣленіе своего дворца въ сопровожденіи ходжи; но вдругъ остановившись, велѣлъ позвать къ себѣ шута, который уже успѣлъ уйти, видя, что Шаху предстоитъ новое и можетъ быть лучшее развлеченіе. И такъ шутъ опять былъ представленъ предъ свѣтлыя очи Шаха, ожидая и не зная, что угодно будетъ «царю царей» приказать ему.

»Послушай, Дальхинъ»—сказалъ Шахъ—« къ завтрему ты долженъ представить списокъ всѣхъ придвор-

ныхъ нашихъ чиновниковъ, и противъ каждаго написать приличную остроту; но берегись, если хоть одна изъ нихъ будетъ недостойна нашего высокаго вниманія.»

Бѣдный шутъ, ударивъ челомъ, отправился во-свояси, ломая голову, какъ тутъ поступить, и кляня судьбу и Шаха и всѣхъ глупыхъ чиновниковъ блистательнаго «царя царей».

Несчастный острякъ цѣлую ночь потѣлъ надъ составленіемъ эпиграммъ, но не тутъ-то было. Наконецъ предъ нимъ блеснула щастливая мысль назвать самого Шаха дуракомъ — и бѣднякъ готовъ былъ сначала ухватиться за нее зубами; но эта мысль была какъ молнія: она блеснула сперва ярко и пріятно, а потомъ, когда несчастный рѣшился изложить ее, она, казалось, спалила перо и обожгла пальцы самого сочинителя.

«Какъ! назвать Шаха дуракомъ?... Наплевалъ же я на бороду отца моего!.. Осмѣлиться замазать свѣтъ міра горстію грязи?... Аллахъ, Аллахъ! это что за выдумка? Подобную дерзость только Иблисъ можетъ шепнуть въ ухо правовѣрнаго! Да, это можетъ сдѣлать только сумасшедшій или собака-гяуръ, а неправовѣрный рабъ «царя царей». — Тутъ шутъ, казалось, проникъ всю глубину золъ, которыя онъ чуть было не навлекъ на себя, и бѣднякъ началъ молиться: „Прости меня, Аллахъ, за такой грѣхъ! Да и какъ могло перо мое написать подоб-

ную дерзость на «тѣнь Аллы на землѣ?»— Нѣтъ, нѣтъ, я болѣе недостоинъ называться шутомъ Шаха, и перо мое не должно болѣе омокаться въ чернила, которыми пишутся буквы Корана. Пусть погибнетъ оно навсегда и подобно джаганъ-калему, которымъ Аллахъ съ одного почерка начерталъ міръ и потомъ бросилъ въ океанъ забвенія, я брошу его, и пальцы мои не дотронутся уже до него никогда.»

Проговоривъ это, шутъ задумался снова: «Лучше острить на счетъ другихъ и смѣшить Шаха: визирь, какъ старая лисица, хитрится добывать красавицъ; но увидѣвъ льва, уступаетъ безъ боя добычу....Нѣтъ, и это худая острота; этимъ не разсмѣшишь Шаха, а только раздражишь визиря, и также будешь безъ языка... Конецъ концевъ, да чѣмъ же Шахъ не дуракъ?... Стоитъ только прикрыть дерзость бархатомъ приличія, и ѣдкость остроты задернуть дымкою ненамѣренной шутки, и тогда «пучина мудрости» увидитъ не хотя глупость свою, а я все таки буду съ барышомъ.»

Такъ разсуждалъ шутъ, и на другое утро явился въ назначенное время къ Шаху.

Съ обычною важностью восточныхъ Царей сидѣлъ Шахъ, обложенный со всѣхъ сторонъ подушками, и благовонный дымъ богатаго кальяна впутывался въ длинные усы и бороду «царя царей». На привѣты и доклады своихъ царедворцевъ онъ чуть кивалъ головою; но увидѣвъ Дельхина, потребовалъ у него

списокъ заказанныхъ наканунѣ остротъ. Ставъ на колѣна, какъ верблюдъ, ожидающій груза, шутъ подалъ списокъ Шаху, и «царь царей», развернувъ листъ, и увидѣвъ имя свое, написанное золотыми буквами съ прибавленіемъ «дуракъ», грозно спросилъ: «чѣмъ оправдаетъ рабъ свою неумѣстную шутку?» Шутъ, упавши къ ногамъ Шаха, сказалъ смиренно: «благоразумно ли дать сумму на нѣсколько милліоновъ бродягѣ-Индѣйцу, взятому въ плѣнъ, и потомъ отпустить его въ далекое отечество?» — А если онъ возвратится, исполнивъ мои порученія, тогда что скажетъ тварь? — сказалъ грозно Шахъ.

«Тогда, «средоточіе земли и свѣтлая заря міра», я выскоблю имя ваше, и на мѣсто его черными чернилами напишу, что Индѣецъ Ажурамъ, рабъ вашъ, глупѣе самаго послѣдняго осла!»

Шахъ расхохотался, потрепавъ по спинѣ лежащего передъ нимъ шута и назначивъ ему награду за остроту; а толпа придворныхъ послѣдовала примѣру Шаху, и громкій хохотъ всѣхъ огласилъ своды дворца.

Султанъ Казы-Гирей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ

БИТВѢ ПРИ ТИВЕРІАДѢ.

Пять лѣтъ тому, въ уединеніи полковой жизни, написалъ я, по твоему внушенію, «Битву при Тиверіадѣ». Въ первомъ цвѣтѣ молодости сошлись мы съ тобою на Югѣ нашего Отечества. Одиночество заставило насъ понять другъ друга; прекрасная природа Малороссіи развернула пылкое воображеніе, напитанное лѣтописями минувшихъ вѣковъ. Но изъ всѣхъ событій протекшаго ближе говорили сердцу крестовыя битвы юной Европы. Романтическіе подвиги рыцарей, слѣпо жертвовавшихъ любви и славѣ, стремившихся въ Палестину, чтобы воскресить тамъ призракъ Іерусалима,—сильно волновали грудь нашу въ томъ возрастѣ, когда жизнь облекаетъ еще всѣ предметы поэтическимъ покровомъ.

Ты хотѣлъ видѣть предъ собою картину сего времени, и выбралъ самъ минуту битвы, разрушившей всѣ надежды крестоносцевъ. Быть можетъ, тайная мысль о скоротечности первыхъ, очаровательныхъ

впечатлѣній молодости заставила тебя желать, чтобы блестящія краски рыцарства оттѣнены были грустію, или ты думалъ, что характеръ его лучше выразится въ борьбѣ съ нещастіемъ, когда остановилъ свой выборъ на столь печальной катастрофѣ. — Я исполнилъ твою волю, начертавъ въ обширной рамѣ историческія сцены послѣднихъ дней рыцарскаго королевства; во глубинѣ же сей разнообразной картины поставилъ я одну мрачную судьбу Іерусалима.

Съ тѣхъ поръ мы были оба участниками похода, который можно назвать крестовымъ, и тебѣ удалось обнажить саблю на Невѣрныхъ. Но когда исполнились частію и въ событіяхъ прозаическихъ мечты наши о крестовыхъ битвахъ, я хотѣлъ удовлетворить другому пылкому влеченію сердца, и посѣтить священныя мѣста, возбудившія благочестивое рвеніе рыцарей; и часто мой поклоннический посохъ стучалъ по ихъ могиламъ, которыя они изрыли себѣ богатырскимъ мечемъ въ Св. Землѣ.

Когда же, возвратясь въ Отечество, хотѣлъ я черезъ нѣсколько лѣтъ повѣрить свои раннія впечатлѣнія, мнѣ жаль было разстаться съ моими рыцарями, какъ съ первыми созданіями юнаго воображенія. Слишкомъ много воспоминаній соединилось съ ними, слишкомъ много собственныхъ чувствъ излилось въ ихъ рѣчахъ и порывахъ; и чѣмъ менѣе находилъ я очарованія въ предметахъ, нѣкогда

меня ослѣплявшихъ, тѣмъ ближе лежало сердце къ сему произведенію моей молодости.

Прежде, нежели приступимъ къ чтенію «Битвы при Тиверіадѣ», тебѣ необходимо должно бросить быстрый взглядъ на происшествія того времени, чтобы познакомиться съ лицами и ходомъ драмы.

Когда въ исходѣ XI вѣка крестоносцы довершили великіе подвиги своего перваго похода взятіемъ Іерусалима, Готфредъ былъ избранъ Королемъ его. Но сей благочестивый витязь, совершивъ обѣтъ у Св. Гроба, никогда не хотѣлъ вѣнчаться короною на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ страдалъ Спаситель: онъ только возложилъ на себя терновый вѣнецъ Его, и еще два года соединялъ на престолѣ смиреніе поклонника съ величіемъ царскимъ.

Вмѣстѣ съ образованіемъ Королевства Іерусалимскаго, возникли три независимыя области въ Сиріи. Сподвижники Готфреда, истощивъ на Западѣ свои силы, не довольствовались исполненіемъ даннаго ими обѣта, и стали какъ бы на стражѣ великой могилы въ новыхъ своихъ владѣніяхъ. Первый Балдуинъ, братъ Готфреда, утвердился на берегахъ Евфрата, въ дальней Эдессѣ, и вслѣдъ за нимъ хитрый князь Тарента, Боэмундъ, овладѣлъ Антіохіею, стоившею столько крови крестоносцамъ; и престарѣлый графъ Раймундъ предпочелъ своей Тулузѣ Триполійское поморіе. Прочіе великіе бароны признали себя васаллами Короля Іерусалимскаго, по-

лучивъ отъ него въ удѣлъ всѣ знаменитые города и замки Палестины.

Слишкомъ рано скончался Готфредъ, утвердившій своими законами сію новую для Востока феодальную систему. Кости его успокоились подъ освобожденною имъ Голгоѳою; а богатырскій мечь и шпоры донынѣ остались знаменіемъ рыцарства въ Св. Землѣ, посвящая позднихъ поклонниковъ въ братство Св. Гроба, которое возникло въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ двумя другими духовными Орденами: Страннопріимныхъ и Храмовниковъ. Но всѣ три, движимые воинственнымъ духомъ времени, скоро оставили мирное первобытное свое назначеніе, и сдѣлались въ битвахъ твердымъ оплотомъ Св. Града, переживъ на Востокѣ владычество и славу крестоносцевъ!

Отважный братъ Готфреда, Балдуинъ, призванный изъ Эдессы, принялъ бразды правленія посреди безпрестанныхъ войнъ, воздвигаемыхъ на него сосѣдними шейхами и Калифами Египетскими. Съ помощію пришельцевъ Запада завоевалъ онъ Акру и распространилъ свои предѣлы, утверждая мечемъ царство, основанное въ краю чуждомъ. Но онъ первый обратилъ взоры на роскошный Египетъ, манившій къ себѣ бѣдныхъ Королей Іерусалимскихъ и воинственныхъ поклонниковъ, корыстолюбіе которыхъ не могла удовлетворить Палестина, и первый проложилъ имъ пагубный путь чрезъ пустыню, гдѣ самъ нашелъ себѣ могилу. Еще однажды,

чрезъ столько вѣковъ, состязались дивныя судьбы Палестины и Египта! Казалось, строгое запрещеніе, данное Израилю: не обращать взоровъ на Египетъ, откликнулось крестоносцамъ, и отъ него пришла кончина ихъ царству.

Въ другой разъ Эдесса дала своихъ графовъ на престолъ Іерусалимскій въ лицѣ Балдуина Бургскаго, родственника умершаго Короля; поспѣшая на помощь къ Антіохіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Сарацинами. Одно только блестящее завоеваніе Тира оружіемъ Дожа Венеціи могло нѣсколько поднять духъ Христіанъ во время заточенія ихъ государя.— Возвратясь изъ плѣна, онъ видѣлъ слабость собственной и сосѣднихъ державъ на Востокѣ, и хотѣлъ упрочить благосостояніе Іерусалима бракомъ дочери Мелизенды съ престарѣлымъ графомъ Анжуйскимъ, Фулькомъ, родственникомъ Королей Франціи; но краткое царствованіе Фулька протекло на полѣ битвы; и по смерти его, правительница Мелизенда осталась съ двумя малолѣтными дѣтьми, посреди внутреннихъ раздоровъ сильныхъ васалловъ королевства и возрастающаго могущества Мусульманъ.

Князья ихъ, племени Турецкаго, властвовали въ Алепѣ и Дамаскѣ, втѣсняясь въ сердце Христіанскихъ областей и прерывая сообщенія ихъ крестоносныхъ владѣтелей. Триполи, крѣпкій мѣстнымъ положеніемъ, на серединѣ поморія Сиріи, болѣе другихъ процвѣталъ подъ управленіемъ своихъ Раймундовъ, когда Антіохія, безпрестанно враждующая

съ Алепомъ, уже искала себѣ опоры въ Императорахъ Греческихъ, а Эдесса, поставленная на грани Христіанства и какъ бы совершенно имъ забытая, держалась только мужествомъ своего графа Іосселина Куртенайскаго. Но сей рыцарь, посѣдѣвшій въ битвахъ, современникъ Готфреда, окончилъ грозное для Сарацинъ поприще жизни,—и Эдесса пала при его юномъ сынѣ Іосселинѣ, недостойномъ великаго отца. Сильный Султанъ Нурредииъ, преемникъ Зенги, основавшаго власть свою на безсиліи Калифата Багдадскаго, по долгой осадѣ взялъ приступомъ Эдессу; молодой графъ ея исчезъ въ темницахъ Алепа, и крестоносцы, овладѣвшіе Сиріей во время ея междоусобій, уже не могли безъ помощи Запада противостать единодержавію Нурредина.

Тогда подвигнулся Западъ проповѣдью св. Бернарда. Императоръ Конрадъ и Король Людовикъ VII приняли отъ руки его крестъ, и вслѣдъ за ними весь цвѣтъ Европы устремился въ Палестину. Но между рыцарями не было настоящаго вождя, а Христіанскіе князья Сиріи, движимые раздоромъ, старались каждый привлечь къ себѣ воинственныхъ пришельцевъ, и Раймундъ Антіохійскій долго отклонялъ Короля Франціи отъ Іерусалима. — Тщетною осадою Дамаска кончился второй походъ сей, истощившій Европу и охладившій на время страсть ея къ крестовымъ битвамъ. Цари, искавшіе побѣдъ, посѣтили поклонниками св. мѣста и предали Іерусалимъ его судьбѣ.

Къ щастію Св. Града, въ обстоятельствахъ столь тяжкихъ возмужалъ сынъ Мелизенды, Балдуинъ III, и въ юные годы явилъ въ себѣ образецъ рыцарей прежнихъ лѣтъ. Вмѣстѣ съ нимъ поднялись на время падшія надежды Св. Земли; побѣдоносное оружіе Христіанъ распространилось опять въ концы Сиріи, и самый Аскалонъ, сей твердый оплотъ Египта, палъ къ ногамъ завоевателя. Пользуясь уваженіемъ своихъ васалловъ и сосѣдей, онъ одинъ могъ противоборствовать Нурредину; но ядъ Мусульманскій преждевременно пресѣкъ жизнь Балдуина. Наслѣдникъ его, Алмерикъ, ослѣпленный побѣдами брата, предался вполнѣ духу завоеваній, и по примѣру перваго Балдуина, обративъ взоры на Египетъ, истощилъ въ трехъ нещастныхъ походахъ силы государства и навсегда низвергнулъ благосостояніе, возникшее при его предмѣстникѣ. Ранняя смерть положила конецъ его замысламъ, и царство съ того времени уже не возставало.

Частная вражда двухъ визирей послѣдняго Калифа Фатимитовъ, попеременно призывая въ Египетъ оружіе Франковъ и Сарациновъ, возбудило между ними ту жестокую борьбу, которая кончилась только паденіемъ первыхъ. Султанъ Нурrединъ, видя слабость Египта, не оставилъ случая овладѣть имъ во имя ничтожныхъ Калифовъ Багдада; и юный Саладинъ, уже ознаменовавшій въ битвахъ свой необычайный геній, получивъ правленіе Египта, пресѣкъ и самый родъ Фатимитовъ, столь долго враждебный владыкамъ Багдада. Но онъ самъ слиш-

комъ чувствовалъ преимущество своего генія, чтобы уступить кому либо плоды собственныхъ успѣховъ, и слабый сынъ Нурредина принужденъ былъ отдать ему Алепъ и Дамаскъ. Такимъ образомъ Сирія и Египетъ составили одну державу, грозную для королевства Христіанскаго, которое только держалось до совершенія сихъ великихъ переворотовъ.

Послѣдніе годы его были однимъ только долгимъ изнеможеніемъ умирающаго. Болѣзненный Балдуинъ IV принялъ потрясенный престолъ отца своего, Алмерика, и, гнетомый тяжкимъ недугомъ, отдалъ бразды правленія мужественному графу Триполійскому, Раймунду, сохранивъ для себя одинъ только призракъ королевской власти. Но сколь ни былъ щастливъ выборъ правителя, онъ возбудилъ негодованіе васалловъ королевства, которые не хотѣли повиноваться чуждому имъ графу, и сія ненависть была причиною обвиненія его въ тайномъ союзѣ съ Саладиномъ. Сильнѣйшими врагами возстали на Раймунда католическій патріархъ Ираклій, великій магистръ Храмовниковъ и Сивилла, гордая дочь Альмерика. По смерти перваго супруга своего, герцога Монфератскаго, она вступила въ бракъ съ слабымъ Лузиньяномъ, графомъ Яффскимъ, и когда Балдуинъ, признавшій Королемъ ея малолѣтнаго сына, Балдуина V, скончался въ одно время съ отрокомъ, то начались раздоры о наслѣдствѣ. Сивилла, ослѣпленная любовію, созвала Храмовниковъ, и патріархъ тайно вѣнчалъ Лузиньяна, которому суждено было

пережить свое царство, 88 лѣтъ державшееся въ Палестинѣ.

Грустную картину представлялъ тогда Іерусалимъ; и краснорѣчивый Вильгельмъ, архіепископъ Тира, лѣтописецъ крестовыхъ походовъ, которыхъ въ послѣдствіи былъ самъ проповѣдникомъ, бросаетъ здѣсь перо свое, безсильное описать паденіе Св. Града. Мудрый графъ Триполійскій еще до смерти Балдуина удалился въ свои Галилейскіе предѣлы, чтобы избѣжать соперничества съ завистливымъ Лузиньяномъ. Сильные васаллы, не уважая Короля своего, недавно вышедшаго изъ ихъ рядовъ, разсѣялись по замкамъ, позволяя себѣ безнаказанно всякаго рода безпорядки. Старшій изъ нихъ, Ринальдъ Шатильонъ, былъ нѣкогда супругомъ княгини Антіохійской, Констанціи, управлялъ княжествомъ во время малолѣтства Боэмунда, и взятый въ плѣнъ Сарацинами, получилъ по своемъ освобожденіи замокъ Каракъ на Мертвомъ Морѣ, гдѣ вмѣстѣ съ великимъ магистромъ Храмовниковъ грабилъ караваны Мусульманъ, шедшихъ въ Мекку. — Тщетно Король искалъ усмирить грабежи сіи, и тщетно грозилъ за нихъ Саладинъ: они навлекли наконецъ его мщеніе, и послѣдняя война была имъ объявлена Іерусалиму.

Однакоже всѣ васаллы королевства и даже союзные властители Триполи и Антіохіи, какъ бы предчувствуя паденіе Сіона, стеклись къ его защитѣ, чтобы не выдать безъ послѣднихъ усилій святыни

искупленной потоками крови ихъ предковъ; но феодальныя вражды вмѣстѣ съ ними водворились въ Іерусалимѣ и наполнили его пагубными междоусобіями. Самые рыцари духовныхъ орденовъ ратовали междоусобно, и Страннопріимные преслѣдовали стрѣлами канониковъ Гроба во внутренность святилища. Начались совѣщанія о походѣ. Отвага и безпечность, свойственныя витязямъ того вѣка, влекли ихъ на встрѣчу Султана къ Озеру Тиверіадскому; одинъ только Раймундъ совѣтовалъ ожидать непріятелей подъ стѣнами Іерусалима, дабы истощить ихъ силы въ тщетной осадѣ; но совѣтъ сей возбудилъ общее подозрѣніе; враги графа всѣ противъ него возстали, и судьба Іерусалима была рѣшена безразсуднымъ порывомъ идти къ Тиверіадѣ. Королева Сивилла осталась защищать городъ. Тридцать тысячь воиновъ, вся надежда Христіанскаго Востока, двинулись въ Галилею; но они были только горстью въ сравненіи несмѣтныхъ полчищъ Султана, которые окружили ихъ въ безводныхъ пустыняхъ. Два дня кипѣла жестокая битва, какой еще не видала Палестина, и положила въ ней конецъ владычеству крестоносцевъ. — Храмовники и Страннопріимные были почти всѣ истреблены; Король, Шатильонъ и другіе васаллы взяты въ плѣнъ; князь Боэмундъ бѣжалъ въ Антіохію; графъ Триполійскій заключился въ стѣнахъ Тиверіады и тамъ погибъ; но—что всего ужаснѣе поразило витязей Креста и весь Западъ — честное древо Креста досталось въ руки Саладина..... Скоро сдался ему Іерусалимъ.

Сіе мгновеніе, столь горькое для всего Христіанства, хотѣлъ я изобразить въ драматической картинѣ, и почерпнулъ духъ и характеры того вѣка изъ современныхъ лѣтописей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: Gesta dei per Francos (дѣла Божія чрезъ Франковъ). Не частныя страсти, горѣвшія въ груди крестоносцевъ, которыя могли сдѣлать каждаго изъ нихъ лицемъ трагическимъ, были моимъ предметомъ, нѣтъ; но паденіе цѣлаго царства, созданнаго благочестивымъ порывомъ всего Запада. Я хотѣлъ изобразить картину того вѣка и края, сокрушенныхъ въ лицѣ ихъ любимой мечты, ихъ высокаго идеала. Я видѣлъ только предъ собою великую судьбу Іерусалима, какъ бы религію всего Запада, и герои того времени тогда только подымались предо мною, когда ихъ собственная участь мѣшалась съ участію Св. Града, подобно какъ въ обширномъ заревѣ одни только близкіе къ пожару предметы выходятъ изъ мрака, а прочіе скользятъ какъ тѣни...

Если спросятъ меня, кто герой драмы: Пустынникъ или Раймундъ? я скажу въ отвѣтъ: Іерусалимъ. — Если спросятъ: какая же ея завязка? я буду отвѣчать: опасность Іерусалима. На него одного обращенъ весь интересъ драмы; онъ одинъ связываетъ собою всѣ ея разнородныя части, — и хотя предметъ сей кажется отвлеченнымъ, но такъ сильно тревожилъ сердца рыцарей Іерусалимъ, что самъ онъ казался дѣйствующимъ лицемъ того вѣка,

и судьба его предстала мнѣ въ лѣтописяхъ, какъ бы облеченная образомъ человѣческимъ.

Но Пустынникъ и Раймундъ, два первыя лица драмы и болѣе другихъ обрисованныя, представляютъ собою двѣ сильнѣйшія страсти того вѣка, какъ бы два огромные рычага, двигавшіе весь Западъ. Въ первомъ изобразилъ я пламенный духъ вѣры, которымъ горѣла въ тѣ дни юная Европа, совершая подвиги, выступающіе изъ хода дѣлъ человѣческихъ. Я воскресилъ въ немъ графа Эдесскаго, скончавшагося въ тюрьмахъ Алепа, какъ представителя четвертой державы въ Палестинѣ, и позволилъ себѣ отступить нѣсколько отъ лѣтописей, хотя и безъ анахронизма, чтобы положить на него въ пустынѣ отпечатокъ другаго міра.

На Раймунда излилъ я духъ рыцарства того времени, сей дивный лучь, вызвавшій изъ мрака Среднихъ Вѣковъ нѣсколько идеаловъ человѣческаго совершенства, подобныхъ оазисамъ въ пустынѣ. Я не хотѣлъ унизить въ немъ какою либо страстію сего чистаго влеченія. Есть возрастъ въ жизни, когда молодость и любовь, встрѣчаясь въ нашемъ сердцѣ, дѣлаютъ каждаго юношу рыцаремъ и даютъ ему всѣ романтическіе оттѣнки сего идеальнаго характера; но сохранить въ позднихъ лѣтахъ, и независимо отъ постороннихъ причинъ, всю пылкость воображенія и чистое самоотверженіе юноши, несмотря на всѣ разочарованія жизни и людей — вотъ истинный характеръ рыцарства, измѣняющій намъ

по мѣрѣ охлажденія крови: и сей характеръ искалъ я отчасти начертать въ Раймундѣ.

Изабелла и Манфредъ, лица историческія, стоятъ уже во второмъ планѣ картины и дополняютъ ее красками любви, сею отличительною принадлежностію ихъ времени; но не на нихъ обращенъ интересъ драмы, и потому любовь ихъ не является страстію, а только мечтательностію двухъ юныхъ сердецъ, упоенныхъ внутреннимъ сознаніемъ взаимнаго чувства, подъ роскошью Восточнаго неба.

Гордость Королевы, правившей всѣмъ государствомъ, слабость и подозрительность Короля, бывшія виною его паденія, наслѣдственное въ родѣ Антіохійскомъ пронырство Боэмунда, непокорный духъ Шатильона и наконецъ надмѣнный и упорный нравъ великаго магистра Храмовниковъ почерпнуты изъ Исторіи и обозначены только очерками въ картинѣ, въ объемъ коей я хотѣлъ вмѣстить всю Палестину въ послѣдній годъ ея, начиная отъ Мертваго Моря, гдѣ возгорѣлась война разбоями Шатильона, и до моря Галилейскаго, гдѣ рѣшилась участь Іерусалима въ конечномъ пораженіи крестоносцевъ. Между сими двумя гранями моей драмы я постепенно желалъ открывать внутренній бытъ Іерусалима, съ тайными и явными причинами его паденія, — приводя зрителя на площадь народную, и во внутренность покоевъ королевскихъ, и въ залу Совѣта, чтобы показать прежде разрушенія царства при Ти-

веріадѣ, какъ оно все созрѣло раздорами къ исполненію судьбы своей.

Еще одно лице, чуждое Палестинѣ, является въ драмѣ: это богомолецъ, владѣтельный графъ Фландрскій; онъ посланъ Папою, чтобы омыть грѣхи свои въ крови Невѣрныхъ, и онъ же, свидѣтель раздоровъ и пораженья, долженъ принести Папѣ горькую вѣсть о паденіи Іерусалима; — представляя характеръ державнаго поклонника, одну изъ разительныхъ красокъ времени, онъ соединяетъ собою рыцарскій Западъ и Востокъ.

Но царство рушится, и частію объяснены внутреннія причины его разрушенія: какая же наружная сила дала ему послѣдній ударъ, разсыпавшій готовое къ паденію? — Воинственный фанатизмъ Мусульманъ нанесъ ударъ сей, и я долженъ былъ олицетворить его, поставивъ однако же внѣ драмы, чтобы не отвлекать къ нему вниманія, и выбралъ яркія черты его въ Ассасинахъ и Дервишѣ. Примѣръ секты Измаильтянъ, единственный въ лѣтописяхъ, слишкомъ разительно рисуетъ нравы Востока Магометанскаго, чтобы быть выпущеннымъ изъ объема картины.

На Ливанѣ поселился владыка или старецъ горъ. Тамъ умѣлъ онъ образовать вокругъ себя толпу отчаянныхъ юношей, которыхъ разсылалъ съ кинжалами убивать опасныхъ ему князей Христіанскихъ и Магометанскихъ. Онъ усыплялъ сихъ юношей

сокомъ травы *ассасы*, отъ которой и получили название Ассасиновъ, и переносилъ сонныхъ въ очаровательный садъ, гдѣ посреди чувственныхъ наслажденій принимали они его кровавыя велѣнія, и мечтая быть въ раю, слѣпо ихъ исполняли. Имени Ассасиновъ трепетали крестоносные владѣтели, и столь глубоко вкоренился страхъ сей, что самое ихъ имя обратилось въ глаголъ на языкѣ Франковъ, выражающій убійство. Отецъ графа Триполійскаго, Раймундъ, былъ убитъ ими въ храмѣ, и я позволилъ себѣ, для полноты картины, обратить на сына опасность, коей не избѣжалъ отецъ.

Другое лице, Дервишъ, является въ видѣ того грознаго предопредѣленія, предъ коимъ смиряются Мусульмане. Чуждый всему ходу драмы, поетъ онъ въ началѣ и въ концѣ ея отвлеченные стихи изъ Корана, которыхъ строфы слышатся въ громѣ падающаго царства. Но шлемъ Раймунда, несомый имъ на копьѣ, дико выдвигаетъ его напередъ картины разрушенія, какъ бы самый мечь Саладина, поразившій царство.

30 Ноября
1835 года.

Здѣсь прилагаются нѣкоторые отрывки изъ четвертаго и пятаго дѣйствія *Битвы при Тиверіадѣ*.

VIII.

Готическая зала во дворцѣ. — Король Лузиньянъ на престолѣ; вокругъ него сидятъ: князь Боэмундъ, графъ Раймундъ, Пустынникъ, Ринальдъ Шатильонъ, графъ Фландрскій, великій магистръ Страннопріимныхъ, великій магистръ Храмовниковъ, пріоръ Св. Гроба, рыцари и прочіе.

Король.

Князья, бароны, графы Палестины,
Пріоръ Св. Гроба и магистры!
Я созвалъ васъ къ спасенію Сіона.
Гроза возстала на Іерусалимъ:
Султанъ собралъ всѣ полчища Востока,
И вѣстника войны ко мнѣ прислалъ
За хищность рыцарей..... Но я молчу,
Чтобъ не возжечь предъ гибелью раздоровъ;
Минувшее загладимъ настоящимъ,
И въ битвахъ ржавчину съ мечей сотремъ
Невѣрныхъ кровію.

Всѣ.

Мы всѣ готовы!

Король.

Пусть каждый за себя даетъ отвѣтъ,
И назоветъ число своихъ васалловъ,
Ведомыхъ имъ подъ знамена Креста,
Согласно съ уложеніемъ Готфреда.
Я первый, какъ Король Іерусалима
И повелитель Акры и Наблуза,
Семьсотъ отважныхъ всадниковъ даю.
Кто отвѣчаетъ за моихъ бароновъ?...

Ринальдъ Шатильонъ.

Я, саномъ княжескимъ межъ ними старшій,
Здѣсь голосъ подаю за трехъ бароновъ:
Отъ Аскалона, Яффы, Кесаріи,
Сидона, Тира, моего Карака
Три тысячи есть всадниковъ и пѣшихъ.

Король.

Съ эпархій многоль войска собралось?

Пріоръ Св. Гроба.

Семь тысячъ. Я, пріоръ Св. Гроба,
Отвѣтствую тебѣ за патріарха
Ираклія, просящаго въ Европѣ
Намъ помощи, и за святыхъ отцевъ —
Епископовъ, аббатовъ и пріоровъ,
Молящихся о благѣ Христіанъ.

Король.

Что скажете, великіе магистры?

В. Магистръ Странопріимныхъ.

Со мной Страннопріимные всѣ братья.

В. Магистръ Храмовниковъ.

Храмовниковъ всегда довольно въ битвахъ!

Король.

Все царство поднялось! — Князь Боэмундъ,
Теперь скажи, какую помощь дастъ
Антіохія?

К. Боэмундъ.

Я велѣлъ созвать
Изъ княжества пять тысячъ воруженныхъ.

Король.

Графъ Триполійскій! очередь твоя.

Г. Раймундъ.

Изъ графства Триполи и Галилеи
Шесть тысячъ собраны.

Г. Фландрскій.

Позволь и мнѣ
Въ твоихъ рядахъ за воина сражаться,
И жизнь грѣховную исправить смертью
За дивный Гробъ Спасителя!

Г. Раймундъ.

Графъ Фландрскій,
Со мною побѣдишь или падешь!

Пустынникъ.

Ахъ, нѣкогда въ собраніи князей
Еще бы одного не доставало!
Эдесса! о Эдесса! ты погибла—
И графовъ голоса твоихъ забыты,
Ихъ славы гулъ умолкъ!—Враги Христа
Безъ трепета ихъ имя произносятъ!
Живымъ пріюта нѣтъ, и мертвыхъ домъ
Разрытъ!... ихъ оставы лежатъ на грудахъ

Дымящейся отчизны; робкій путникъ
Скользитъ по нимъ и съ ужасомъ мечтаетъ
О силѣ рыцарей по ширинѣ костей ихъ....
Всѣ предки пали! — я одинъ скитаюсь,
Какъ звѣрь, далеко отъ жилищъ людей,
Чтобъ сѣдинами слезы утирать
Неистощимыя!....

Всѣ.

Нещастный графъ!

Пустынникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, доколь я живъ—жива Эдесса!
Въ моемъ лицѣ она даетъ здѣсь голосъ
Могильный.... Рыцари, рѣчамъ внимайте.
Безъ войскъ и безъ меча, согбенный вѣкомъ,
Еще совѣтами могу служить.
Минувшимъ полный, я остался вамъ—
Какъ кладези въ пустыняхъ Палестинскихъ,
Изрытые отцемъ Евреевъ— въ память
Событій дивныхъ, битвъ и договоровъ.
Я помню время то, когда Европа,
При первомъ воплѣ притѣсненныхъ братьевъ,
Царей своихъ всѣхъ посылала къ намъ;
Когда бароны, графы и князья
Міркой вѣнецъ на пальму богомольца
Мѣняли съ радостью, и по церквамъ
Раздавъ имущества, сюда стремились
Съ однимъ мечемъ и съ вѣчною надеждой!
А нынѣ.... Рыцари, простите старцу,
Когда васъ истиною упрекнетъ:

Я самъ да послужу примѣромъ бѣдствій . . .
Кто нынѣ мыслитъ о Святѣйшемъ Гробѣ?
Кого житейское не увлекаетъ?
Кто не готовъ мѣнять вѣнецъ мученій
На добычу, на злато, или область? . . .
Врагъ человѣческій раскинулъ сѣть;
Мы жъ ослѣпленные въ нее стремимся! . . .
Когда бъ, оставивъ горнюю обитель,
Святой Готфредъ внезапно сталъ межъ нами,
Съ какимъ челомъ вы встрѣтили бъ его?
Чѣмъ раздраженнаго смирилибъ гнѣвъ?
Какой отвѣтъ за похищенья бъ дали,
За грабежи, раздоры и убійства? . . .
О, дайте миръ усопшему владыкѣ,
И сами воскресите славный вѣкъ
Вождя вождей, чтобы его герои,
Танкредъ и Балдуинъ, воспрянувъ къ жизни,
Межъ васъ временъ новѣйшихъ не чуждались! . . .

Всѣ.

Такъ хочетъ Богъ! такъ хочетъ Богъ!

Король.

Вотъ кличь,
Достойный крестоносцевъ! Но, друзья,
Предъ битвами намъ должно совѣщаться:
Куда идти? гдѣ встрѣтить Саладина,
Чтобъ намъ мѣста благопріятны были
Въ виду несмѣтныхъ варваровъ?

В. М. Храмовниковъ.

За чѣмъ
Намъ помышлять о множествѣ враговъ?
Мечемъ откроемъ путь сквозь ихъ толпу;
По трупамъ мы узнаемъ ихъ число.
Скажи, гдѣ Саладинъ?

Король.

Онъ въ Галилеи,
На Озерѣ Тиверіадскомъ.

В. М. Храмовниковъ.

Тамъ
Побѣда ждетъ насъ, и постыдно медлить!...

Г. Раймундъ.

О Государь, не будь столь быстръ, внемли
Моимъ рѣчамъ: я Галилейскій князь,
И лучше всѣхъ свои владѣнья знаю.
Безводною пустыней, по ущельямъ,
Мы двинемся на встрѣчу Саладину;
Онъ вождь искусный, не позволитъ намъ
Достигнуть волнъ священныхъ Іордана,
И къ озеру примкнувъ свой станъ, стѣснитъ
Тяжелыхъ всадниковъ въ оградѣ горъ,
Гдѣ зной и жажда истребятъ все войско.

Король.

Но гдѣжъ искать съ Султаномъ битвы?

Г. Раймундъ.

Здѣсь,

Въ виду Іерусалима, подъ стѣнами
Сіонскими, гдѣ свѣжія дружины
Изъ города насъ могутъ подкрѣплять
И гдѣ Султанъ, однажды пораженный,
Оружія вновь не подыметъ.

К. Боэмундъ.

Графъ.

Съ вершины башень любитъ воевать.

Г. Раймундъ

Тщеславный юноша! скажи мнѣ битвы,
Въ которыхъ бился ты, и многоль ранъ
Скрываешь на груди?

В. М. Храмовниковъ.

Графъ Триполійскій

Конечно тайные имѣетъ виды,
Которыхъ намъ не можетъ объявить,
Чтобъ не идти на встрѣчу къ Саладину.

Г. Раймундъ.

Имѣю; вотъ они: жена и дѣти
Осаждены въ стѣнахъ Тиверіады;
Походъ нашъ ихъ освободитъ, — но я
Моей семьею жертвую Сіону;
Я не хочу цѣной своихъ продать
Священный Гробъ. Пускай они погибнутъ,
И съ ними я: награда въ небесахъ!

Пустынникъ.

Великодушный Графъ!

В. М. Страннопріимныхъ.

Вотъ Христіанинъ!

Г. Фландрскій.

Теперь, теперь горжусь твоею дружбой!

В. М. Храмовниковъ.

Какъ сладко рѣчь въ устахъ его звучитъ!
Личину сбрось; скажи намъ лучше, Графъ,
Что обезпечена судьба твоихъ,
И не большихъ усилій стоитъ жертва!

Г. Раймундъ.

Я мнѣніе сказалъ — пусть отвергаютъ!
Теперь я чистъ предъ Богомъ и людьми;
Но здѣсь клянусь я сонму крестоносцевъ,
Клянуся въ истинѣ моихъ рѣчей;
Когда бѣды, которыя предрекъ,
Не сбудутся въ пустыняхъ Галилейскихъ —
Я голову мою отдамъ на плаху!

В. М. Храмовниковъ.

Давнобъ ей должно тамъ лежать, давно,
Отступникъ вѣры, — ты уже въ душѣ
Магометанинъ . . . . .

Г. Раймундъ. (*обнаживъ мечь*).

Кровію твоей
Невѣріе омою! — Клеветникъ,
Сражайся! . . . .

П у с т ы н н и к ъ *(удержавъ его).*

Графъ; остановись! Раймундъ,
Вложи свой мечь, приди въ себя, утихни;
Презрѣнъемъ отвѣчай; — а ты, магистръ,
Предвижу я паденіе Сіона
И твоему владычеству конецъ,
О Лузиньянъ!

К о р о л ь.

«По голосамъ окончимъ
Сей долгій споръ, и большинству повѣримъ»....
«Кто за великаго магистра!»

К. Б о э м у н д ъ.

Я ...

К о р о л ь.

Скажи свое намъ мнѣнье, Шатильонъ.

Р и н а л ь д ъ Ш а т и л ь о н ъ.

Идти къ Тиверіадѣ и не медлить;
Невѣрныхъ я люблю предупреждать!

К о р о л ь.

Магистръ Странопріимныхъ, отвѣчай!

В. М. Страннопріимныхъ.

Я соглашаюсь съ графомъ Триполійскимъ.

К о р о л ь.

Графъ Іосселинъ?

Пустынникъ.

Раймундъ благой совѣтъ
Вамъ подали, слѣдуйте ему.

Пріоръ Св. Гроба.

Близъ Гроба
Мой санъ меня зоветъ не удаляюсь.

Г. Фландрскій.

А я сражаюся въ рядахъ Раймунда.

Король.

Графъ Триполійскій ты преодолѣлъ!
И такъ готовьтеся къ защитѣ стѣнъ;
Мы станъ свой разобьемъ у вратъ Дамаска
И будемъ ждать Султанскаго прихода.
Теперь совѣтъ нашъ конченъ — разойдитесь!
(Всѣ расходятся, кромѣ Короля).

Королева Сивилла *(входитъ).*

Какое шумное собранье было!

Король.

Два разныхъ мнѣнія сонмъ волновали:
Храмовника и сильнаго Раймунда.

Королева.

Какія?

Король.

Графъ совѣтовалъ дождаться
Невѣрныхъ здѣсь, Магистръ — идти на встрѣчу.

Королева.

На чтожъ рѣшился ты?

Король.

Мы остаемся.

Королева.

Какъ, противъ твоего желанья?

Король.

Да,

По большинству двухъ голосовъ.

Королева.

Твой голосъ

Надъ всѣми долженъ былъ первенствовать;

Но вотъ и самъ магистръ.

В М. Храмовниковъ (*возвращается*).

О Государь,

Я возвращаюсь, чтобъ тебя спасти

Надъ бездною, и повторяю здѣсь:

Не довѣряйся хитрому Раймунду!

Онъ хочетъ управлять тобою, нами,

Для исполненія коварныхъ видовъ:

Слухъ носится — онъ преданъ Саладину

И съ нимъ вступилъ въ постыдный договоръ;

Остерегись его.

Король.

Что говоришь?

В. М. Храмовниковъ.

Вотъ для чего Султана хочетъ ждать

Близъ самыхъ стѣнъ, и онъ предастъ Сіонъ
И воинство безъ битвы.

Король.

Вѣроломный!

Королева.

Ты слышишь, Лузиньянъ! еще ли медлишь,
Когда все требуетъ не словъ, а дѣла!

Король.

Что вопреки совѣта предприму?...

Королева.

Иди къ врагамъ на встрѣчу.

Король.

Но Раймундъ? ...

В. М. Храмовниковъ.

Онъ не дерзнетъ намъ въ битвѣ измѣнить,
Когда мы окружимъ его полками;
И замыслы разстроены ужъ будутъ!

Король.

Но на кого оставить мнѣ Сіонъ?

Королева.

Иди ты въ поле, я останусь здѣсь,
И съ женами одна его спасу!

Король.

Не тщетнаяль отвага?

Королева.

Будь спокоенъ.
Яль первая жена въ доспѣхахъ ратныхъ
Вступлю въ кровавый бой? Не сила — духъ
Творитъ героевъ; чувствую въ груди
Сей духъ, — его пріяла съ кровью предковъ!...
Магистръ Храмовниковъ, иди къ войскамъ
И объяви имъ волю Короля:
Всѣ завтра выступятъ къ Тиверіадѣ.

(*Уходятъ*).

IX.

Ущелія горъ при озерѣ Тиверіадѣ. Вдали видно теченіе Іордана и станъ Сарациновъ, освѣщаемый слабымъ мерцаніемъ утра. — Поле битвы усѣяно оружіемъ и трупами; кое-гдѣ есть ещё шатры; впереди на грудѣ щитовъ сидитъ графъ Раймундъ, опираясь на мечь; подлѣ него лежатъ графъ Фландрскій и В. М. Страннопріимныхъ.

В. М. Страннопріимныхъ (*вставая*).

Уже бѣлѣютъ волны Іордана,
Намъ неприступныя, и вражій станъ
Надъ дальнимъ озеромъ; вершины горъ
Оружіемъ блистаютъ Сарациновъ,
Втѣснившихъ насъ въ безводное ущелье.
Заря на поприще проникла битвы,
Чтобъ освѣтить въ послѣдній разъ могилу
Всѣхъ крестоносцевъ при Тиверіадѣ!...
Графъ Фландрскій, отдохнулъ ли?

Г. Фландрскій (*встаетъ*).

Я готовъ.

В. М. Страннопріимныхъ.

Проснись и ты, Раймундъ!

Г. Раймундъ.

Я не спалъ: сна
Не знаютъ побѣжденные! всю ночь
Я просидѣлъ, облокотясь на мечь,
Тоскуя о паденіи Сіона
И о погибшихъ. Вдругъ сквозь сумракъ ночи
Явился мнѣ Готфреда грустный образъ.
Онъ плакалъ; и съ сѣдой главы снимая
Христа терновый — царскій свой вѣнецъ,
Которымъ въ день побѣды увѣнчался,
Его изсохшими руками расплеталъ,
И взоръ потухшій устремивъ къ Сіону,
Кивалъ главой; — изъ неподвижныхъ устъ
Мнѣ слышался глухой, могильный голосъ:
«Миръ праху твоему, Іерусалимъ!»
И онъ исчезъ!

В. М. Страннопріимныхъ.

День гибели насталъ!
Послѣдній день! — и пало наше царство!
И ты плѣнишься вновь, о Гробъ Христа,
Невѣрными! Вотще потоки крови
Ліются Христіанскіе; напрасно
Европы цвѣтъ палъ, за тебя сражаясь!
Падемъ и мы безславные напрасно,
И будемъ притчей Азіи!...

Г. Раймундъ.

Вчера
Ужь рѣшена судьба Іерусалима;
Сегодня только гробъ себѣ мы роемъ.

Г. Фландрскій.

О, какъ сбылись слова твои, Раймундъ!
Вчера въ ущельяхъ горъ, въ безводной степи,
Враги несмѣтные насъ окружили,
Стѣснили всадниковъ и смяли войско;
Мечемъ и жаждою погибли кони
Въ виду прохладныхъ Іорданскихъ волнъ;
Коварный Саладинъ велѣлъ зажечь
Траву высокую: какъ море въ бурю,
Такъ степь волнуяся огнемъ кипѣла —
И въ дымѣ тысячи героевъ пали.
А мы, остатокъ слабый крестоносцевъ,
Еще ночь прожили надъ ихъ костями,
Чтобъ нынѣ пасть!

В. М. Страннопріимныхъ.

Чу! вражій станъ проснулся!
Кимвалы ихъ гремятъ, и кони ржутъ,
И на горахъ ужь оживилась стража.
Но вотъ Король. И онъ всю ночь на трупахъ
Провелъ, не зная сна!

Г. Раймундъ.

Нещастный Лузиньянъ!
(встаетъ)

(Король, В. М. Храмовниковъ и Ринальдъ Шатильонъ входятъ).

Король.

И такъ я дожилъ до сего мгновенья,
До сей убійственной зари, чтобъ видѣть
Паденье войскъ и царства моего!...
О Палестина, о Іерусалимъ,
Земля, омытая Христовой кровью,
И выданная мной его врагамъ!
Не проклинай меня, не проклинай;
Нѣтъ, только плачь, плачь надо мной, лей слезы,
Лей слезы состраданья, если можешь!
Клянусь тобой, клянусь великимъ Гробомъ,
Я не щадилъ своей преступной жизни;
Вчера весь день въ толпѣ враговъ сражался,
И нынѣ жертвовать собой готовъ,
Чтобъ кровію омыть свою вину!

Г. Раймундъ.

Будь твердымъ, Государь, мужайся духомъ.
Мы доблести свидѣтели твоей;
Сражайся нынѣ, какъ вчера сражался —
И славной смертію загладишь все.

Король.

Меня ль, великодушный, утѣшаешь?
Меня ли недостойнаго, о графъ!
Ахъ, я твои отвергнулъ наставленья,
И я погибъ! — Прости меня, Раймундъ.
Безумный, я врага въ тебѣ лишь видѣлъ,

Я подозрѣнье, ненависть питалъ
Къ тебѣ, единственной моей опорѣ!
Богъ наказалъ меня: Онъ правосуденъ.
Но потерявъ земной Іерусалимъ,
Я не хочу небеснаго лишиться.
Раймундъ, здѣсь каюсь предъ тобой и Богомъ;
Прости врага, не помяни обиды!

Г. Раймундъ.

О Лузиньянъ! я все давно забылъ,
Въ тотъ мигъ, когда пустынникъ помирилъ насъ
За чѣмъ минувшее воспоминаешь?

Король.

Великодушный графъ, ты все забылъ, а я....
О какъ я малъ, ничтоженъ предъ тобою!
Ты распрей всѣхъ виной, виной паденья,
Магистръ Храмовниковъ! ты разжигалъ
Сомнѣніе въ колеблющемся сердцѣ;
Ты въ сѣть убійственную насъ вовлекъ,
Въ ущелья дикія Тиверіады!
Теперь своей побѣдой наслаждайся,
Ликуй надъ мертвыми!...

Г. Раймундъ.

О Лузиньянъ,
Не упрекай его! Мы на землѣ
Орудія таинственныя неба:
Оно въ насъ мысли чуждыя вселяетъ,
Чтобъ воля Провидѣнія сбылась.
Магистръ Храмовниковъ, умремъ друзьями!

В. М. Храмовниковъ (*обнимая его*).

Ты побѣдилъ меня, и я безгласенъ!

Р. Шатильонъ.

Враги! враги! — Они обходятъ насъ,
Стремятся съ горъ, толпой идутъ изъ стана!

Всѣ рыцари.

Къ оружію, къ оружію! на бой!

Г. Раймундъ.

О рыцари, мужайтесь! часъ настаалъ!
Еще не вся надежда измѣнила.
Животворящій крестъ, крестъ искупленья
Остался намъ, за насъ въ рядахъ воюетъ!
Доколѣ сей залогъ побѣды съ нами,
Насъ не оставилъ Богъ, и вражій сонмъ
Предъ духомъ устъ его, какъ дымъ исчезнетъ!
Стѣснитесь, рыцари, вокругъ креста!
Пусть каждый мечь разитъ десятерыхъ,
Пусть каждый щитъ ихъ десять отражаетъ,
Чтобъ ужасъ ослѣпилъ сердца враговъ,
И горсть мужей имъ тьмою показалась!
Умремъ иль побѣдимъ! Богъ съ нами: кто на насъ!

Всѣ рыцари.

На бой! такъ хочетъ Богъ! такъ хочетъ Богъ!

(*Удаляются*).

X.

Спустя немного времени, является на томъ же полѣ битвы Пустынникъ, поддерживаемый Манфредомъ.

Пустынникъ.

Здѣсь остановимся; напрасно хочешь
Спасти меня, Манфредъ; ужь я не въ силахъ
Идти отсель. Моя нога скользитъ
По свѣжей, теплой крови, и съ трудомъ
Чрезъ груды мертвыхъ тѣлъ переступаю;
Знакомыхъ труповъ тягостенъ мнѣ видъ;
Я не хочу глядѣть въ лице погибшихъ...
На битву возвратись, я здѣсь умру.

Манфредъ.

Король мнѣ поручилъ тебя спасти,
И дорогъ каждый мигъ.

Пустынникъ.

О, еслибъ нынѣ
Минувшія мнѣ возвратились силы,
Какъ радостно бы устремился въ бой!
Мы, недостойные, какой цѣною,
Какими токами преступной крови
Возможемъ небу заплатить ту кровь,
Которую нашъ Искупитель пролилъ!
Его ли Гробъ оставимъ посрамленью,
И тѣ мѣста, гдѣ Онъ за насъ страдалъ?
Нѣтъ, и остатокъ охладѣвшей крови
Здѣсь принесу я въ жертву за Христа,
Подъ лезвіемъ безбожныхъ Агарянъ.

Манфредъ.

Ты слышишь ли сей грозный гулъ и вопли?
Теперь кипитъ рѣшительная сѣча!

Пустынникъ.

О Боже праведный, призри Сіонъ!
(Графъ Фландрскій раненый входитъ.)

Манфредъ.

Я вижу рыцаря; стопою тяжкой
Онъ медленно идетъ, согбенный раной,
На долгій опираясь мечь.

Пустынникъ.

Графъ Фландрскій,
Какой успѣхъ сраженья?

Графъ.

Нѣтъ надежды!

Манфредъ.

Но что сей вопль?

Графъ.

Отчаяніе Вѣрныхъ!

Пустынникъ.

Ты помянулъ, Владыко, преступленья,
И чашу мщенія на насъ излилъ!

Манфредъ.

Скажи о битвѣ намъ; кто нынѣ бьется?

Графъ.

Мы встрѣтились съ толпами Сарациновъ
Недалеко отъ Іорданскихъ волнъ.
Поднявъ высоко искупленья крестъ,
Мы, пѣшіе, вокругъ него стѣснились
И неразрывными рядами шли.
Надъ нами туча черныхъ стрѣлъ взвилась;
Мы жъ равнодушно ихъ внимали свисту,
Путь пролагая остріемъ меча:
Отчаянье намъ замѣняло силу.
Но князь Антіохійскій Боэмундъ
Съ дружиною бѣжалъ въ началѣ битвы.
Тогда Невѣрныхъ тьма насъ одолѣла
Напоромъ мощнымъ, и дружины смяла.

Пустынникъ.

Гдѣ жъ былъ Раймундъ?

Графъ.

Въ пылу жестокой сѣчи.
Онъ бился съ Саладиномъ, и одинъ
Преградою его побѣдѣ былъ.
Но увлеченный битвой, устремился
Во вражій станъ на берегъ Іордана;
Тамъ потерялъ его изъ глазъ....

Пустынникъ.

Но крестъ,
Гдѣ дивный крестъ?

Графъ.

Магистръ Страннопріимныхъ,
Гарньеръ его, держалъ въ рукѣ могучей
И смѣло отражалъ всѣ нападенья.
Не знаю, крестъ ли ужасомъ разилъ
Невѣрныхъ, иль отчаяніе наше, —
Но грудой падали предъ нимъ враги,
Доколь одинъ изъ нихъ отсѣкъ десницу
Безстрашному гарньеру; но магистръ
Остаткомъ рукъ прижалъ къ груди святыню
И, ужь не въ силахъ отражать удары,
Подъ тысячью мечей погибъ.

Пустынникъ.

Но крестъ?...

Графъ.

Отважный Шатильонъ его исторгъ
Изъ рукъ окостенѣвшаго магистра,
И сѣча новая вкругъ запылала:
Глава Храмовниковъ и самъ Король,
Всѣ какъ отчаянные бились;
Никто для Бога не щадилъ себя.
Но тщетно: тысячи насъ одолѣли,
Отбили рыцарей и Короля,
Стѣснили Шатильона, взяли въ плѣнъ . . . . .

Пустынникъ.

А крестъ? . . . .

Графъ.

Я видѣлъ, какъ графъ Триполійскій,
Отчаянный изъ стана возвратясь,

Еще однажды бой возстановилъ;
Какъ бросился къ залогу искупленья
И очертилъ мечемъ завѣтный кругъ,
Въ который головы въ челмахъ катились.
Но я увидѣлъ цѣлое колѣно
Нахлынувшихъ пустынныхъ Бедуиновъ:
Нагой дервишь былъ демоновъ вождемъ.
И долго космы графскаго шелома
Еще мнѣ слабой вѣяли надеждой,
И долго мечь еще стучалъ Раймунда,
Лѣсъ копій расчищая; но какъ въ полдень
Усталая сѣкира дровосѣка
Стихаетъ, такъ замолкнулъ звонкій мечь!

Пустынникъ.

Но крестъ гдѣ? говори...

Графъ.

Въ рукахъ Невѣрныхъ...

Манфредъ.

О Боже!

Пустынникъ.

Всемогущій! ахъ и Ты,
Ты Своего креста не защитилъ:
Чтожъ силы смертныхъ? Нынѣ все погибло!
Сіонъ! Сіонъ! о для чего я дожилъ
До роковаго дня!

Графъ.

Ты старецъ отжилъ
Свой вѣкъ, годами былъ ровесникъ славы
Святой Земли, и вмѣстѣ цвѣлъ и гасъ.
А я за тѣмъ ли мой оставилъ Западъ,
Чтобъ вѣстью горькою сразить на тронѣ
Святѣйшаго Урбана, и отъ Рима
На всю Европу трауръ протянуть!

Пустынникъ.

Скажи Святѣйшему, что Іосселинъ,
Старикъ, свою Эдессу пережившій,
Креста Господня пережить утрату
Не могъ! . . . .

(умираетъ).

Манфредъ.

Онъ мертвъ уже! . . . .

Графъ Фландрскій.

Блаженъ, блаженъ
Во время положившій свой животъ!
Судьбы твои свершились, Божій край!
Мы двигнулись, какъ нѣкогда языки,
Гордясь коньми и силой колесницъ;
Но не во имя Господа, хотя
Устами льстивными къ нему взывали. . .
Мечь насъ пожлъ. — А ты, Іерусалимъ,
Чтó, саваномъ облекшись, манишь насъ,
Какъ призракъ на распутіи трехъ вѣръ,

Воюющихъ въ тебѣ и за тебя? . . .
Не человѣкамъ жребій твой рѣшать.
Градъ вѣчный, многовѣрный, двузавѣтный,
Возми жезлъ Моисеевъ, начерти
На прахѣ тысячь, за тебя погибшихъ,
Пророчества Мессіи о тебѣ,
Какъ преданъ ты попранію языковъ
До времени скончанія языковъ! . . .

МИѲОЛОГІЯ ВОТЯКОВЪ И ЧЕРЕМИСЪ.

«Свѣтъ Христовъ
просвѣщаетъ всѣхъ.»

Было время, когда обширная Вятская Губернія изобиловала дремучими, непроходимыми лѣсами; теперь это перемѣнилось: ни даль, ни болота не остановили топора, посѣкшаго маститыя рощи; теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ высокія деревья заслоняли солнце, кой-гдѣ торчатъ пни и кустарники, а на слѣдахъ непотрясаемыхъ дубовъ тихо зыблются гибкіе колосья. Но нѣкогда эта пустынная и дикая земля, среди своей широколиственной стражи, хранила въ нѣдрахъ своихъ не менѣе дикій народъ Вотяковъ и Черемисъ. Эта горсть народа, непохожая ни на кого изъ своихъ сосѣдей, съ незапамятныхъ временъ оставалась какъ бы забытою посреди великаго царства. Селенія ихъ, такъ называемыя городища, смѣло красовались на берегахъ рѣкъ; лѣсные жители безъ страха ходили на дальнюю звѣроловлю, и безъ ограды богослужили въ кереметяхъ. Темь и дикость мѣстоположе-

нія надежно укрывали ихъ отъ хищническихъ нашествій, и только дубравный звѣрь былъ ихъ непріятелемъ; но съ неожиданной стороны неслась на нихъ грозная туча, отъ которой уже не было спасенія. Въ 1174 году партія Новгородскихъ выходцевъ нечаянно проплыла по рѣкѣ Камѣ въ глушь незнаемыхъ лѣсовъ, и наткнулась на Черемисскія и Вотскія городища. Безпокойные гости сильно потѣснили заживщихся хозяевъ, и начали то ниспровергать ихъ жилища, то селиться на новыхъ мѣстахъ. Вскорѣ городки Черемисъ и Вотяковъ перешли въ руки Новгородцевъ, и съ сего-то времени первобытное поселеніе здѣсь Русскихъ изобилуетъ повѣстью чудесъ, являвшихъ имъ, какъ Христіанамъ, благословеніе неба на покореніе туземныхъ язычниковъ. Преданія дѣдовъ вкрались въ итогъ достовѣрныхъ извѣстій, и Вятская исторія временъ древнихъ рѣшительно испещрена странными разсказами, не заслуживающими ни особеннаго вѣроятія, ни совершенной недовѣрчивости. Довольно сказать, что въ 1498 году Великій Князь Василій Васильевичь Темный подвергъ державной власти своей тысячи Вятчанъ, рожденныя отъ первоначальной сотни. Между тѣмъ гонимые Черемисы и Вотяки сгрудились въ отдаленныхъ мѣстахъ обширной губерніи, и по прежнему язычествовали и звѣроловили. Мало по малу разселеніе Христіанъ подѣйствовало на ихъ религіозность; кротость Евангельскаго слова отозвалась въ грубыхъ сердцахъ, и теперь изъ нихъ уже весьма мало язычниковъ, да и всѣ въ свою очередь безпрерывно обращаются въ православіе подъ именемъ новокрещанъ.

Любопытствуя узнать что либо о вѣроисповѣданіи этихъ первообитателей моей лѣсистой родины, я успѣлъ собрать нѣкоторыя черты ихъ миѳологіи, и думаю, что малолюдное язычество, сохранившееся до нашего времени среди Христіанъ, какъ черная капля въ глубинѣ свѣтлаго сосуда, достойна нѣкотораго вниманія.

Вотяки признавали единаго высочайшаго бога, Намарима, для котраго нѣтъ времени и не будетъ, который живетъ не для себя, а для людей, которые въ свой чередъ должны жить только для него; солнце было его престоломъ, а небо одеждою. Въ послѣдствіи времени къ Намариму присоединили еще бога водъ, бога земли, благосостоянія, и другихъ низшихъ боговъ. Каждая потребность жизни порождала новыя мысли о началахъ силъ Природы, а съ ними годъ отъ года умножалась и классификація божествъ, предлагая благодарному сердцу разнообразный источникъ молитвъ и набожности. Впрочемъ миѳологія Вотяковъ далеко меньше плодовита, чѣмъ Черемисъ, и всѣ надежды ихъ стремились болѣе къ одному Намариму. У нихъ были установлены богослужебныя празднества, совершавшіяся въ годъ четыре раза на особенныхъ священныхъ мѣстахъ, *кереметяхъ*, окруженныхъ высокимъ лѣсомъ и плетнемъ. Первое, бучимъ-нуналь, праздновалось почти всегда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ; тулисъ-нуналь послѣ лѣтняго посѣва, съ принесеніемъ жертвы богу земли; висеско-нуналь былъ день опредѣленный на молитву о благополучномъ сѣнокосѣ; при чемъ,

для испрошенія ясной погоды и облегченія въ работѣ, приносили въ жертву пестраго дятела; и наконецъ кереметь-нуналъ совершалось вообще по окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ. Къ главнѣйшей жертвѣ относилась рыжая лошадь; однакожь допускали въ крайней нуждѣ и другаго цвѣта, но никогда воронаго. Къ лошади присовокупляли еще вола, овцу, гусей и утокъ. Сначала приносили въ жертву малыхъ животныхъ, а потомъ помощникъ священнослужителя закалалъ лошадь и приготовлялъ мясо ея къ жертвенному пиршеству. Кости жертвъ и желудки были сожигаемы; но лошадиный остовъ и головы вола и овцы развѣшивались въ керемети на еляхъ. Въ этомъ заключались всѣ Вотскія торжества, и рѣдко, рѣдко проглядывали частные праздники. Надобно сказать, что Вотяки съ меньшею упрямостью, чѣмъ Черемисы, обратились въ православіе: языческія божества ихъ постепенно, какъ прошлые дни, исчезали съ поприща поклоненія; наконецъ и самая кереметь, мѣсто столь для нихъ священное, мало по малу потеряла свою фантастическую важность. Правда, они долго отстаивали силу кереметныхъ деревъ; но когда ихъ широколиственныя, высокія главы склонились медленно долу, когда изъ разсѣченной внутренности не выкрался ни одинъ стонъ, ни одинъ блескъ молніи, — тогда простодушный Вотякъ искренно сознался, что его боги ложны и небывалы.

Высочайшій богъ на языкѣ *Черемисъ* именуется Юмою. Его всегдашнее милосердіе, говорятъ они,

даетъ и звѣроловство, и соты, и тихую жизнь, и все благосостояніе. Но не смотря на такую обширную власть Юмы, они изобрѣли еще другихъ божковъ, давъ имъ мать, Юманъ-Аву, и раздѣливъ между ими правленіе міромъ и судьбами. Дѣля боговъ на женатыхъ и холостыхъ, они назвали совокупность ихъ всѣхъ божьею семьею—Юманъ-шучька. Особенное уваженіе принадлежало Юмѣ, богу міра, и Кударчѣ, богу грозы. Черемисы признавали и богинь: Кассебу—мать солнца, Кибу, и другихъ. Мущины молились богамъ, а женщины богинямъ. Прародителемъ злыхъ боговъ почитали сатану, Іоонъ, который, по ихъ мнѣнію, жилъ въ водѣ, и въ полдень былъ особенно золъ. Лѣшихъ называли Куданіами и присвоивали имъ повелительную власть надъ лѣсами, звѣрями и птицами; также полагали, что они имѣютъ вліяніе на звѣриные промыслы, даря ихъ удачею или нещастьемъ. Страшась болѣе всего громоваго бога, Кударчи, и вѣря, что отъ него зависитъ плодородіе земли, Черемисы изображали его въ видѣ куклы, одѣтой въ мужское платье, и хранили ее въ берестеномъ ящикѣ, не воздавая впрочемъ ей особеннаго поклоненія. Кереметы ихъ были общія—кога-кереметь, и частныя—шке-кереметь, особо одному семейству принадлежащія. Кереметы Черемисъ, также какъ и Вотяковъ, заключались въ лѣсахъ, предпочтительно дубовыхъ. Самое большое дерево посвящалось Юмѣ, меньшее Юманъ-Авѣ, и такъ далѣе всѣмъ богамъ. Кереметь имѣла три входа: одинъ съ запада, для принятія богомольцевъ, другой съ востока, для введенія жертвенныхъ животныхъ, и тре-

тій съ юга, для внесенія воды. Подъ главнымъ деревомъ становился жертвенникъ, родъ стола. Вдали отъ кереметн созидался навѣсъ, подъ которымъ варили закланную жертву. Женщинамъ строго воспрещалось не только входить, но даже приближаться къ священному мѣсту; да и мущины заранѣе должны были вымыться, одѣться опрятнѣе и принести съ собой для пожертвованія кто что могъ. Пятница почиталась лучшимъ днемъ для приношеній. Жертвы состояли изъ лошадей, рогатаго скота, дичи, хлѣбнаго вина, вареннаго меда, пироговъ и блиновъ. Бѣлые звѣри всему предпочитались, иногда приносили и черныхъ, но никогда пестрыхъ. Жертвенные напитки и пироги приготовляли дѣвицы; остатки жертвъ не воспрещалось ѣсть и женщинамъ, но только дома. Время къ жертвоприношенію опредѣляли священнодѣйствовавшіе, размѣряя поясъ, и посредствомъ другихъ гаданій. Самый большой праздникъ назывался юманъ-байрамъ, бывавшій черезъ годъ, черезъ два, а иногда и черезъ четыре года, всегда осенью. Въ назначенный день въ кереметн раскладывали семь огней рядомъ отъ сѣверо-запада къ юго-востоку: возженный на сѣверо-западѣ посвящался Юмѣ, ближайшій къ нему Юманъ-Авѣ, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ стоялъ особливый картъ (жрецъ) и помощникъ его, удше, имѣя при себѣ жертвенныхъ животныхъ и на разостланномъ коврѣ вино, медъ, пироги и блины. Картъ, служившій Юмѣ, держалъ жеребца, Юманъ-Авѣ корову, а прочихъ боговъ жрецы имѣли мелкихъ животныхъ или птицъ. Міряне

толпились позади жрецовъ съ непокрытыми головами. Первенствующій жрецъ, поднявъ вверхъ пироги и сосуды, громко творилъ молитву, а предстоявшіе клали земные поклоны и восклицали: аминь. За тѣмъ молился картъ Юманъ-Авы, и наконецъ всѣ другіе. По окончаніи молитвъ, каждый удше обливалъ, или лучше, вспрыскивалъ жертву холодною водою, и если она вздрогнула, то это было добрымъ знакомъ, для чего и поливали ее неоднократно; въ противномъ же случаѣ ее изгоняли, какъ неблагоугодную богамъ. Убивая животныхъ, старались, чтобъ кровь брызнула въ огонь. Мясо, очистя внѣ кереметы, варили подъ навѣсомъ. Потомъ жрецы, поднявъ вверхъ на блюдѣ сердце, легкое, печень и голову, вновь молились торжественно, уже въ тишинѣ общаго безмолвнаго благоговѣнія. Послѣ молитвъ всѣ блюда, сосуды и пироги сносились къ карту Юмы, который и одѣлялъ присутствующихъ жертвоприношеніемъ. Предавъ огню кости, кожу жеребца вѣшали въ кереметѣ на дерево, а другія кожи дѣлились между жрецами. Кромѣ торжества юманъ-байрамъ, бывалъ во всякой деревнѣ еще одинъ великій праздникъ, анга-сохренъ, совершавшійся во время пашни, на поляхъ, куда деревенскіе жители приносили напитки и пироги. Все это освящалось, по обыкновенію, картами, которые раздѣляли съ мірянами трапезу, тѣмъ болѣе радостную, что въ ней участвовали и женщины и дѣти. Сверхъ того у каждаго жителя бывалъ свой праздникъ, уткиндебайрамъ, когда онъ одинъ, безъ карта, омолитвывалъ жертву изъ хлѣба и вина. Черемисы слѣпо

повиновались своимъ духовнымъ, избиравшимся изъ людей безпорочнаго поведенія, и надъ которыми первенствовалъ первосвященникъ, югтишь. Замѣчательна молитва Черемисъ, замѣчательна по своей простотѣ и чувственнымъ желаніямъ. Вотъ она:

«Великій, древній богъ! Тебѣ народъ усердствуетъ нынѣ моленіемъ: привелъ скота, принесъ хлѣба, пива, меду, и собрался предъ твоимъ деревомъ. Возлюби все это и прими милостиво!

«Боже! дай помощь въ жизни народу твоему: дай скота, послѣ скота хлѣба, послѣ хлѣба пчелъ, послѣ пчелъ просимъ денегъ на оплачиваніе податей Государю; послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ лѣсной ловли молимъ о водной ловлѣ. Услыши милостиво!

«Боже! дай въ этомъ вѣкѣ хорошаго житія Бѣлому Царю и всѣмъ молящимся здѣсь людямъ, которые привели тебѣ скота, принесли хлѣба, поставили вино, а другіе пожертвовали и деньгами. Услыши и прими милостиво!»

Не знаю, точно ли я передалъ подлинныя слова, но по крайней мѣрѣ они взяты съ достовѣрнаго списка. Долго боролись Черемисы съ набожностію къ вѣрѣ предковъ своихъ; долго суевѣрныя опасенія селили для нихъ въ завѣтныхъ рощахъ духовъ-охранителей: наконецъ кроткія мѣры Правительства, благодатная терпимость и заботливость нашего духовенства призвали ихъ въ объятія православія и

сочетали съ крестомъ Спасителя. Какъ будто въ новыя времена Владиміра, сотни обращенныхъ погружались въ рѣкѣ и принимали св. крещеніе. Въ 1834 году взорванъ былъ послѣдній огромный камень, предметъ ихъ языческаго обожанія, одиноко лежавшій въ полѣ.

А. Емичевъ.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ.

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину . .

Понесли ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ молнiи,
Дугой-радугой,

Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко:
Напилась земля
Воды досыта;

На поля, сады
На зеленые
Люди сельскiе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать въ воза;

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать;

Третью думушку
Какъ задумали,
Богу - Господу
Помолилися,

Чѣмъ - свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались —
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать...
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьёмъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Чтó послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земи,

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ, лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую;

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери!

А. Кольцовъ.

ІОАННЪ III И АРИСТОТЕЛЬ.

(ИЗЪ ТРАГЕДІИ: ДОЧЬ ІОАННА III.)

І-го Дѣйствія Явленіе 6.

(Кремлевскій Садъ.)

Іоаннъ.

Доволенъ я тобою, Аристотель:
Роскошествомъ украсилъ ты мой садъ!
Я каждый разъ имъ сызнова любуюсь,
Когда прійду отъ царственныхъ трудовъ
Сюда на вольный отдыхъ и прохлады.
Меня не столько пестрота цвѣтовъ—
Чужое велелѣпіе въ теплицахъ,
И красота бесѣдокъ, сколько чинъ
Единовластнаго порядка тѣшитъ.
Вы Итальянцы, нечего сказать,
Одарены великимъ разумѣньемъ
Во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ; но отъ чего

Не можете земли своей устроить
Въ единый государственный составъ?

Аристотель.

У насъ цвѣтутъ науки и искусства;
Художниками славится нашъ край:
Италія — картинная палата,
Огромный пѣвчій хоръ, изящный строй
Разнообразныхъ, велелѣпныхъ зданій
И область стихотворства и любви.
Свою картину пишетъ живописецъ,
Пѣвецъ свой голосъ гнетъ и сыплетъ въ дробь,
Обожествляетъ женщинъ стихотворецъ,
Выводитъ адъ, чистилище и рай;
А зодчій строитъ мостъ, иль ставитъ церковь,
Сдвигаетъ колокольню . . . .

Іоаннъ.

Это *ты* —
И ты одинъ свершилъ такое чудо!

Аристотель.

Вотъ, я хотѣлъ сказать: художникъ — царь
Въ волшебномъ царствѣ чувствія и мысли,
Но въ земскомъ дѣлѣ малый человѣкъ.
Онъ вѣдаетъ *свое*, ему нѣтъ дѣла
Хоть развались земля . . . .
Когда-то жилъ
Художникъ знаменитый въ Сиракузахъ.
На площади жезломъ онъ по песку
Чертилъ круги, и Римляне въ то время

Тотъ городъ брали приступомъ; но онъ
Не слышитъ суматохи. Вотъ на площадь
Нахлынули враги . . . онъ имъ въ сердцахъ
Кричитъ: «Круговъ моихъ не заметайте!»
И былъ ему отвѣтъ — ударъ копьемъ!

Іоаннъ.

У васъ и люди царственные были:
Ко славѣ будь помянутъ между нихъ
Лаврентій Медичи; но онъ старался
Лишь уровнять пронырливую власть
Ничтожныхъ княжествъ. Надлежалобъ думать
Флоренцію сперва поработить
Единовластью, а потомъ разумно
Своимъ державнымъ скиптромъ поводить
По областямъ и княжествамъ удѣльнымъ.

Аристотель.

Онъ также былъ *художникъ*, и писалъ
Для женщины любовныя канцоны;
Но будемъ ли винить его за то?
Италіи не быть уже единой,
Великою державою! Она
При Римлянахъ цвѣла всемірной жизнью,
И силы государственной ядро,
Прекрасное и свѣтлое какъ солнце,
Разорвалось и въ иверняхъ блеститъ.
Но ивернямъ во вѣки не составить
Блистательнаго прежняго ядра!

Іоаннъ.

Хочу тебѣ отвѣтъ дать той же притчей
И доказать примѣромъ: Русь была
При Ярославѣ сильнымъ государствомъ,
И также какъ ядро разорвалась
На иверни, на множество удѣловъ;
И слишкомъ двѣсти лѣтъ по ней Орда
Прожорливой носилась саранчею,
И Гедимина богатырскій родъ
Насъ обрывалъ; раздоръ междоусобный
Подрѣзалъ государственную жизнь....
Но *я* съумѣлъ остановить разстройство
И, переплавивъ иверни, изъ нихъ
Державный образъ государства вылить
И жизни духъ вдохнуть въ его составъ.

Аристотель.

При Ярославѣ красовалось только
Младенчество народа твоего.
Суровая судьба остановила
Дальнѣйшее развитье свѣжихъ силъ,
И Русь подъ ней, какъ озимь подъ снѣгами,
Сохранная лежала въ долгомъ снѣ.
Народная таилась самобытность
Въ святыхъ дарахъ креста — и твой народъ
Со скаредной Ордою не смѣшался.
Россіи государственная жизнь
Во чревѣ смутъ и золъ междоусобныхъ
Невидимо и тайно зачалась,
И наконецъ, при дивномъ предвѣщаньи *

* См. Исторію Карамзина, томъ V, стран. 270, Примѣч. 286.

Величія и славы, родилась
Въ *твоемъ* лицѣ самодержавной властью.
Господь *тебя* Россіи далъ!.... У насъ
Иначе: мы, на старости народной,
Долженствовали выродиться. Мы,
Съ иноплеменной кровію смѣшавшись,
Переродились только для искусствъ,
И межъ собой искусства возродили!

Іоаннъ.

Каковъ бы ни былъ вашъ народъ, въ *одномъ*
Великомъ мужѣ царственномъ могло бы
Свершиться царства пакибытіе.
За чѣмъ въ народѣ нѣтъ такого мужа?
Вы отъ сластей и прелестей искусствъ
Изнѣжились, вы жизнь ведете пиромъ
И пѣснями; вы жаждете забавъ
И безпрерывной чувственной хмѣлины.
А тотъ, кто хочетъ царство заложить,
Будь воздоенъ волчицею, какъ Ромулъ;
Движенья сердца узами стѣсни,
Купи трудомъ душевнымъ твердость духа,
Отъ всѣхъ соблазновъ міра отложись —
И, выстрадавъ суровое величье,
Онъ будетъ грознымъ богомъ для людей!

Аристотель.

Покинулъ насъ орелъ Капитолійскій
И прилетѣлъ на Сѣверъ — и *тебя*
Пріосѣнилъ великимъ духомъ Римлянъ!
Онъ, мудрымъ устроеніемъ твоимъ,

Въ теченіи вѣковъ, съ Кремлевскихъ башенъ,
Во образѣ двуглавомъ облетитъ
Весь міръ земной побѣдоноснымъ летомъ:
Ты заложилъ въ Москвѣ *нетлѣнный Римъ!*

Іоаннъ.

Я заложилъ на вѣчныхъ основаньяхъ
Святое зданье царства моего —
И будетъ мой народъ великъ и вѣченъ.
Но *дорого* мнѣ стоитъ мой народъ!...
Я сердцемъ влекся къ людямъ въ дни младые
И съ ними братски жизнь дѣлить хотѣлъ.
Уразумѣвъ властительскую тайну,
Я сердце скиптромъ царственнымъ пронзилъ,
Уединился въ хладное величье,
Въ неумолимость душу заковалъ,
Обожествилъ особу Вѣнценосца,
Небеснымъ громомъ взоръ вооружилъ,
Вокругъ себя поставилъ страхъ и трепетъ —
И создалъ Русь.... и съ твердостью для ней
Пожертвовалъ и братьями родными....
Какъ тяжело въ великихъ мужахъ быть!

Аристотель.

Прошла година жертвоприношеній;
Теперь ты можешь сердцемъ отдыхать
И о своемъ созданьи веселиться.

Іоаннъ.

Отечество, быть можетъ, отъ меня
Потребуетъ еще труднѣйшей жертвы....

Я для него готовъ, какъ Авраамъ,
Надъ дѣтищемъ роднымъ свершить закланье!
Но, можетъ быть, Всевышній и меня,
Какъ Патріарха, чудомъ остановитъ!...
Могу съ врагомъ сердечный миръ свести,
Могу простить врагу злоумышленье
На жизнь мою, какъ Вѣра мнѣ велитъ;
Но наградить врага моей *Еленой*
И ей обитель въ чужѣ сотворить —
Спаси меня, Господь, отъ этой скорби!...

АРИСТОТЕЛЬ.

Ее Всевышній мимо пронесетъ.

ІОАННЪ.

Даю обѣтъ: когда моя Елена
Въ Россіи выйдетъ замужъ, отпуститъ
Тебя въ твою отчизну!.. Аристотель,
Я про себя законоположилъ
Не отпускать полезныхъ иностранцевъ:
Изъять *тебя* мнѣ, право, не легко.
Но если будешь окупъ за Елену,
Такъ Богъ съ тобой!
На сердце положи
Мое великокняжеское слово
И тщательно храни отъ языка:
Я смертію казню и за нескромность!

—

V Дѣйствія Явленіе 3.

Тѣ же.

Іоаннъ.

Судьба отвергла окупъ за Елену:
Она выходитъ за мужъ не въ Руси —
Ты долженъ помнить, Аристотель!...

Аристотель.

Помню.

Іоаннъ.

Такъ нѣтъ уже надежды для тебя?

Аристотель.

Моя судьба всегда была и нынѣ
Еще осталась въ милости твоей.
На родинѣ хотѣлось бы могилы:
Земля родная легче для костей —
Чужая давитъ! всякому отъ Бога
Свой жребій.... мнѣ и дочери твоей
Могила въ чужѣ!

Іоаннъ.

Ужь того довольно,
Что *жизнь* вдали отъ родины трудна.
Пусть будетъ смертный сонъ и въ чужѣ миренъ!
Какъ часто власть мірская пособитъ
Не можетъ горю, но и часто можетъ.
До старости ты вѣрно мнѣ служилъ:
Я отличить хочу твое усердье —

И такъ Господь съ тобою.... возвратись
Въ свою отчизну....

Аристотель.

Государь! уже ли
Соизволяешь отпустить меня?

Іоаннъ.

Литовская могила для Елены
Не будетъ легче, если и твои
Въ чужой могилѣ опочіютъ кости:
Такъ возвратись на родину свою!

Аристотель.

Благодарю!...

Іоаннъ.

Ты воленъ, Аристотель!
Сбылось твое желаніе; теперь
Корысти нѣтъ хитрить и лицемѣрить.
Теперь ты долженъ *правду* мнѣ сказать,
И отплатить мнѣ *искреннею правдой*.
О чемъ-то буду спрашивать тебя,
А ты держи отвѣтъ прямой, какъ будто
Ты не въ моей ужъ власти; отвѣчай,
Какъ будто изъ окна своей палаты
Въ Венеціи...

Аристотель.

Я буду отвѣчать
Отъ сердца прямо.

ІОАННЪ.

Поклянись мнѣ въ томъ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Клянусь.

ІОАННЪ.

У насъ — тебѣ не безъизвѣстно —
Родители судьбой своихъ дѣтей
Распоряжаютъ строго, самовластно,
И женятъ ихъ, и замужъ выдаютъ,
О томъ въ сердцахъ дѣтей не совѣщаясь.
Издавна такъ ведется — и въ избѣ
Крестьянина и въ княжеской палатѣ.
Но старина обычая, конечно,
Еще не есть надежный признакъ правды;
Есть заблужденья вѣковыя. Мы
Не цѣлый міръ: желательно мнѣ вѣдать
Другихъ народовъ мнѣніе о томъ.
Образованьемъ *твой* народъ далеко
Всѣ прочіе въ нашъ вѣкъ опередилъ;
А *ты* одинъ изъ славныхъ и изъ первыхъ
Сего народа — *ты* же мнѣ скажи:
Отцу законъ Природы далъ ли право
Принудить дочь къ замужству и тогда,
Когда ея приходитъ сердце въ ужасъ;
Когда она монашество и смерть
Предпочитаетъ горькому насилью?
Ты вспомни клятву — молви *правду* мнѣ!

АРИСТОТЕЛЬ.

Отцу законъ Природы предоставилъ
Права большія; давъ дитяти жизнь,

Онъ и убить дитя имѣлъ бы право,
Тѣмъ болѣе, что гибельный ударъ
Идти чрезъ сердце отческое долженъ;
И многіе народы въ старину
Общественнымъ закономъ утверждали
Уставъ Природы. Нынѣ умъ людской,
Природу взявъ подъ строгую опеку,
Вручилъ такое право *одному*,
Отцу всего народа — Государю.

Іоаннъ.

Такъ дочь свою подавно я могу
Къ немилому супружеству принудить?

Аристотель.

Нѣтъ, Государь, Природа не даетъ
Тебѣ такого горестнаго права!

Іоаннъ.

Что? Я могу дитя свое убить —
И не могу его принудить къ браку?

Аристотель.

Нѣтъ, Государь! убьешь свое дитя —
И отойдетъ душа безъ поврежденья.
Насильственнымъ же бракомъ осквернишь
И плоть и душу дочери нещастной.
Подобный бракъ есть незаконный бракъ
И срамный грѣхъ предъ Богомъ и Природой!

Іоаннъ.

Языкъ у правды жестокъ!...

Аристотель.

Государь,
Мой голосъ изъ окна моей палаты
Венеціянской рѣчь съ тобой ведетъ;
Я обязался клятвой молвить правду!

Іоаннъ (*задумчиво*).

Подобный бракъ есть незаконный бракъ....

Аристотель.

И срамный грѣхъ предъ Богомъ и Природой!...
Ты мнѣ прости, великій Государь,
Что истина оспоривать дерзаетъ
Одно изъ правъ твоихъ; осталась власть
Нарушить правду!

Іоаннъ.

Нѣтъ, отъ *этой* власти
Торжественно и громко отложусь!
Такъ это *правда*?

Аристотель.

Истинная правда,
Какую только можетъ умъ понять.

Іоаннъ.

Она и *мнѣ* понятна!.. Аристотель,
Благословляю *правду*! — — —
— — — — — — — —

Баронъ Розенъ.

О
ВРАЖДѢ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ
ЗАМѢЧАЕМОЙ ВЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТТЕРАТУРѢ.

. . . . Нѣжное растеніе Наука!
. . . .
Чуть солнце опалитъ, иль чуть морозъ прохватитъ
. . . . надолго
Къ землѣ наклонится она. За то
Какъ . . . корни глубоко въ землѣ раскинетъ . . .
Пружины государственныя ею,
Невидимыя, видимыя связи
Скрѣпятся, отвердѣютъ и ничѣмъ
Никто того ужь царства не своротитъ.
Обязанность священна тамъ, и дорогъ
Покой общественный, и смерть за славу.

(Петръ Великій — въ Сценахъ
изъ Его жизни, соч. Погодина).

Нѣкогда находились въ Русской Литтературѣ люди, которые осмѣливались утверждать, что Русскіе должны имѣть свою собственную литтературу, по своему писать и по своему думать; литтературная чернь смѣялась надъ этими умниками и со всеусердіемъ продолжала переводить Коцебу и Дюкре-Дюминиля. — Наконецъ въ Европѣ люди съ талантомъ обратились къ отечественнымъ предметамъ; національность была разработана во всѣхъ литтера-

турахъ; явились народныя историческія драмы и повѣсти. Посредственность потянулась вслѣдъ за талантомъ и довела историческій родъ до нелѣпости; въ настоящую минуту не осталось почти ни одного порядочнаго великаго человѣка и ни одной части его платья, которые бы не были оклеветаны какимъ либо драматикомъ или романистомъ. Тогда догадались и наши такъ называемые сочинители, попробовали — трудно; наконецъ взялись за умъ, раскрыли Исторію Карамзина, вырѣзали изъ нея нѣсколько страницъ, склѣили вмѣстѣ — и къ неописанной радости сдѣлали разомъ три открытія: 1-е что такое произведеніе читатели съ небольшимъ усиліемъ могутъ принять за романъ или за трагедію, 2-е что съ Русскаго переводить гораздо удобнѣе, нежели съ иностраннаго, и 3-е что слѣдственно сочинять совсѣмъ не такъ трудно, какъ прежде полагали. Въ самомъ дѣлѣ, смотришь — Русскія имена, а та же Французская мелодрама. И многіе, многіе пустились въ драмы и особенно въ романы; а Критика — этотъ позоръ Русской Литтературы — установила для сихъ произведеній особыя правила. За недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ рѣшили, что настоящіе Русскіе нравы сохранились между нынѣшними извощиками, и въ слѣдствіе того осудили какого либо потомка Ярославичей читать изображеніе характера своего знаменитаго предка, въ точности списанное съ его кучера; въ слѣдствіе тѣхъ же правилъ, кто употреблялъ Русскія имена, того Критика называла національнымъ трагикомъ, кто безсовѣстнѣе

выписывалъ изъ Карамзина, того называла націо-нальнымъ романистомъ,—и Гг. А, Б, В, хвастались передъ читателями, а читатели радовались, что въ романѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы не было взято изъ Исторіи; многіе находили это средство очень полезнымъ для распространенія историческихъ познаній. До сихъ поръ все еще шло хорошо; но скоро историческій родъ наскучилъ въ Европѣ: тамъ опытные въ литтературѣ люди обратились къ другой точкѣ зрѣнія; они посмотрѣли вокругъ себя, замѣтили много смѣшнаго, много грустнаго, вспомнили о романахъ, которые были въ модѣ у отцевъ нашихъ—и составился новостарый родъ подъ названіемъ нравственно-сатирическаго. Но какъ быть? такъ много было писано въ этомъ родѣ! всѣ возможные пороки и слабости человѣка подробно описаны въ повѣстахъ и выведены на сцену: скупцы, мизантропы, ревнивцы, завистники, невѣжды были нѣсколько разъ выворочены и на изнанку, и опять на лице и совсѣмъ износились. Что было дѣлать? Иностраннымъ романистамъ-сатирикамъ помогло просвѣщеніе. Да, Мм. Гг., просвѣщеніе! При быстромъ и многостороннемъ своемъ движеніи, проникая во всѣ классы народа, сдѣлавшись добычею людей различныхъ организацій, оно необходимо должнó было произвести нѣкоторыя странности, собственно безвредныя и исчезающія въ Исторіи. Мечты, казавшіяся нелѣпостію и въ послѣдствіи оправданныя опытомъ, породили людей съ мечтами дѣйствительно нелѣпыми; кабинетные труды ученаго, обратившіеся въ постановленія для цѣлыхъ народовъ, поро-

дили толпу прожектеровъ, предлагавшихъ публикѣ неисполнимые законы для преобразованія общества; произведенія мрачнаго генія, возвысившаго презрѣніе къ людямъ до поэтическаго вдохновенія, произвели толпу людей, притворившихся нещастливыми въ этой жизни, какъ будто бы они понимали другую, лучшую. — Во всемъ этомъ было много страннаго, много смѣшнаго и много драматическаго. Романисты не замедлили воспользоваться этими новыми предметами; въ это же время демократическій духъ повѣялъ на Европу; къ нему присоединился духъ партій — и изъ всего этого составился новый дѣйствительно чудовищный родъ литтературы, основанный на презрѣніи къ просвѣщенію, исполненный ребяческихъ жалобъ на несовершенство ума человѣческаго, ребяческихъ воспоминаній о щастливомъ невѣжествѣ предковъ, возгласовъ противъ Философіи, противъ машинъ, и наконецъ исполненный преступныхъ похвалъ простотѣ черни и мужеству ремесленниковъ, разрушающихъ прядильныя машины. Этотъ родъ литтературы явился въ Европѣ во всѣхъ возможныхъ видахъ: и повѣстей и водевилей и догматическихъ преній; одни хватались за него, какъ за средство сказать нѣчто противное общему здравому смыслу и слѣдственно все таки нѣчто новое, другіе, по причинамъ вовсе не литтературнымъ. Все это до нѣкоторой степени понятно въ престарѣлой Европѣ и имѣетъ свое значеніе. Но дошла очередь до нашихъ сатириковъ; вмѣсто того чтобы посмотрѣть вокругъ себя, углубиться въ Отечественные нравы, въ нихъ отыскать имъ

свойственныя оригинальныя черты, способныя быть перенесенными въ міръ литтературный,—они, поставленные щастливою судьбою среди народа свѣжаго, юнаго, въ эпоху самую драматическую, какая только можетъ быть въ Исторіи страны, эпоху сліянія народности съ общею образованностію,—наши сатирики не замѣтили ничего этого, а по старой памяти пустились въ подражаніе иностранцамъ: они напали... какъ вы думаете на что? На просвѣщеніе! Какъ будто это юное растеніе, посаженное мудрой десницей Петра и донынѣ съ такими усиліями поддерживаемое Правительствомъ и — извините — однимъ Правительствомъ, какъ будто оно достигло уже полнаго развитія, утучнѣло, уже производитъ тѣ ненужные отпрыски, которые замѣчаются въ старой Европѣ!... Нѣтъ, можетъ быть, никогда духъ подражанія, владычествующій надъ нашею литтературою, не былъ столько пагубенъ! Не противъ злоупотребленія науки вооружились наши сатирики, но противъ самой науки; забыты примѣры Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, ихъ глубокое знаніе современныхъ нравовъ, ихъ вѣрный взглядъ на наши недостатки, ихъ благородное стремленіе.... Отличительнымъ характеромъ нашихъ сатириковъ сдѣлалось — попадать рѣдко и мѣтить всегда мимо. Два, три человѣка занимаются у насъ Агрономіею; благомыслящіе люди дѣлаютъ неимовѣрныя усилія, чтобы распространить прямое знаніе о сей наукѣ, которое одно можетъ отвратить грозящее нашимъ нивамъ безплодіе; два, три человѣка собираются толковать о философскихъ си-

стемахъ, по слуху извѣстныхъ нашимъ литтераторамъ; такъ называемые ученые (т. е. между литтераторовъ) съ грѣхомъ пополамъ щечатся вокругъ словарей и энциклопедій; а наши нравоописатели толкуютъ о вредѣ, происходящемъ отъ излишней учености, о вредѣ машинъ, пишутъ романы и повѣсти, комедіи, въ коихъ выводятся на сцену какіе-то господа Верхоглядовы, не только не существующіе, но невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители—какъ будто бы существованіе этихъ лицъ было характерною чертою въ нашемъ обществѣ! Названія наукъ неизвѣстныхъ нашимъ сатирикамъ служатъ для нихъ обильнымъ источникомъ для шутокъ, словно для школьниковъ, досадующихъ на ученость своего строгаго учителя; лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шампольонъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ, особенно Гаммеръ, снискавшіе признательность всего просвѣщеннаго міра, обращены въ предметы лакейскихъ насмѣшекъ, «лакейскихъ» говоримъ, ибо цинизмъ ихъ таковъ, что можетъ быть порожденъ лишь грубымъ, неблагодарнымъ невѣжествомъ. Отъ этого созданія нѣкоторыхъ изъ нашихъ романистовъ доходятъ до совершенной нелѣпости. Этого мало. Въ старой Европѣ ужасы конца XVIII столѣтія отозвались въ нынѣшней литтературѣ по той же причинѣ, почему идиллическая и жеманная поэзія прежняго времени отозвалась въ вѣкъ терроризма*. Такъ должно быть по естественному порядку вещей, ибо литтература,

* Извѣстно, что Робеспьерръ и компанія писали нѣжные мадригалы.

вопреки общепринятому мнѣнію, есть всегда выраженіе прошедшаго; для многихъ изъ нынѣшнихъ Европейскихъ сочинителей эти ужасы суть воспоминанія дѣтства, а воспоминанія дѣтства всегда сильно дѣйствуютъ на сочинителя и невольно проникаютъ во всѣ его произведенія; отъ того многіе изъ этихъ господъ углубились въ грустныя исключенія изъ общей жизни человѣчества и обработали ихъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большею или меньшею благопристойностію. Наши романисты не замѣтили этого хода нервической горячки; въ фанатизмѣ подражанія не усомнились схватиться за сіе средство для поддержанія благосклонности публики сколько было возможно, и не льзя безъ смѣха читать, какъ нѣкоторые изъ этихъ господъ, нападая безъ милосердія на Французскихъ романистовъ, безъ милосердія же стараются перенять ихъ нелѣпый выборъ предметовъ, напыщенный, натянутый слогъ и даже самую неблагопристойность, все по мѣрѣ возможности. Фантастическій родъ, на который была также мода въ Европѣ и который можетъ быть больше, нежели всѣ другіе роды, долженъ измѣняться по національному характеру, долженствующій соединять въ себѣ народныя повѣрья съ неясною мечтою младенчества, — этотъ родъ цѣликомъ перешелъ въ наши произведенія и достигъ до состоянія настоящаго бреда, съ тою разницею, что этотъ бредъ не есть бредъ естественный, который все таки можетъ быть любопытнымъ, но бредъ холодно перенесенный изъ иностранной книги. Наконецъ

демократическій духъ, составляющій особый колоритъ въ Европейскихъ романахъ, также переселился въ наши романы; но у насъ обратился въ безусловныя похвалы черни и въ нападки на высшее общество, большею частію недоступное нашимъ сатирикамъ.

Легкость сочиненія такого рода подняла снизу всю литтературную тину: люди едва знающіе грамотѣ, и люди знающіе ее, но безъ поэтическаго призванія, люди безъ всякаго образованія и люди съ знаніями достаточными для составленія словаря или азбуки, и которые могли бы быть весьма полезными въ этой части,—все пустилось въ сатирическія, историко-нравственныя и фантастическія произведенія разнаго рода. Въ этихъ произведеніяхъ не ищите убѣжденія, откровенности; не ищите новой точки зрѣнія, которая дѣлаетъ разсказъ занимательнымъ, если не по происшествію, то по крайней мѣрѣ по разскащику; не ищите тѣхъ глубокихъ изысканій, которыя поднимаютъ предъ вами завѣсу съ старинныхъ нравовъ или съ тайныхъ движеній души современниковъ; не ищите того поэтическаго волшебства, которое, при недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ, угадываетъ прошедшее и настоящее; не ищите и простосердечнаго естественнаго описанія нравовъ и характеровъ; не ищите ничего дѣвственнаго, невольно вылившагося изъ души... Въ сотняхъ томовъ, вмѣсто силы—напыщенность, вмѣсто оригинальнаго—чудовищное, вмѣсто остроты—площадныя шутки,—и между тѣмъ все чужое, все не-

естественное, все несуществующее въ нашихъ нравахъ.

Что же дѣлала Критика?

А что за дѣло Критикѣ? Какая нужда ей, что литтература принимаетъ такое гибельное направленіе? Развѣ оно помѣшаетъ сбыту дурныхъ книгъ? Напротивъ, поможетъ. Вѣдь Критика сама *золотыхъ дѣлъ мастеръ* *: ея дѣло въ томъ, чтобы книги, т. е. собственныя ея, продавались; и въ этомъ она успѣваетъ. На просторѣ никто не мѣшаетъ ей называть себя Гёте, Байрономъ, увѣрять публику, что она одна, т. е. Критика, заботится о ней, публикѣ; никто не мѣшаетъ Критикѣ въ случаѣ нужды изъявлять свое благоволеніе къ читателямъ, въ случаѣ нужды сравнивать лучшій талантъ въ Россіи съ Поль де Кокомъ... Это все въ порядкѣ вещей, — и отъ Критики другаго требовать нечего, да и не слѣдуетъ: она занимается своимъ мастерствомъ, это мастерство прибыльно и будетъ прибыльно до тѣхъ поръ, пока не найдутся другіе мастеровые и не перечтутъ по пальцамъ всѣхъ хитростей своихъ собратій, а что всего важнѣе, докажутъ на опытѣ, что можно писать книги и не потворствовать развращенному вкусу и разрушительнымъ мыслямъ, что можно быть критикомъ и не имѣть въ виду лишь распродажи собственныхъ книгъ...

Любопытнѣе всего знать: что дѣлали читатели?..

А читателямъ что за дѣло? Были бы книги. Слу-

* Vous etes orfévre, monsieur Josse.

чалось ли вамъ спрашивать у дѣвушки, недавно вышедшей изъ пансіона: какую вы читаете книжку? «Французскую» отвѣчаетъ она; въ этомъ отвѣтѣ разгадка неимовѣрнаго успѣха многихъ книгъ скучныхъ, нелѣпыхъ, напитанныхъ площаднымъ духомъ. Да; наши читатели хотятъ читать, и потому читаютъ все: «лучшая приправа къ обѣду»— говорили Спартанцы — «голодъ.» А нечего сказать, бѣдныхъ читателей подчуютъ довольно горькимъ зельемъ; но впрочемъ романисты и комики умѣютъ подсластить его, и это злое зелье многимъ приходится по вкусу. Вотъ какимъ образомъ это происходитъ. Вообразите себѣ деревенскаго помѣщика, живущаго въ степной глуши; онъ живетъ очень весело: поутру онъ ѣздитъ съ собаками, вечеромъ раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, а въ промежуткахъ проматываетъ свой доходъ въ карты; за то у него въ деревнѣ нѣтъ никакихъ новостей, ни Англійскихъ плуговъ, ни экстирпаторовъ, ни школъ, ни картофелю; онъ всего этого терпѣть не можетъ. Помѣщикъ не въ духѣ, да и не мудрено: земля у него что-то испортилась; онъ твердо держится тѣхъ же правилъ въ земледѣліи, котораго держался и дѣдъ и отецъ его, — а земля и въ половину того не приноситъ, что прежде . . . чудное дѣло! Да еще къ большей досадѣ, у сосѣда, у котораго земля 30 лѣтъ тому назадъ была гораздо хуже, земля исправилась и приноситъ втрое болѣе дохода; а ужь надъ этимъ ли сосѣдомъ не смѣялся нашъ добрый помѣщикъ, и надъ его плугами, и надъ экстирпаторами, и надъ молотильнею, и надъ

вѣяльнею? Вотъ къ помѣщику прїѣзжаетъ его племянникъ изъ Университета, видитъ горькое хозяйство своего дядюшки, и совѣтуетъ... какъ бы вы думали?... совѣтуетъ подражать сосѣду, толкуетъ дядюшкѣ объ Агрономіи, о Лѣсоводствѣ, о чугунныхъ дорогахъ, о пособіяхъ, которыя Правительство щедрою рукою предлагаетъ всякому промышленому и ученому человѣку. Дядюшкѣ это не по сердцу; съ горя онъ открываетъ книгу, которую рекомендовалъ ему его пріятель изъ Земскаго Суда, съ которымъ онъ въ близкихъ связяхъ по разнымъ процессамъ. Дядюшка читаетъ — и что же? о восторгъ! о восхищенье! Сочинитель, который напечаталъ книгу, и потому слѣдственно долженъ быть человѣкъ умный, ученый и благомыслящій, говоритъ читателю, или по крайней мѣрѣ читатель такъ понимаетъ его: «Повѣрьте мнѣ, всѣ ученые— дураки, всѣ науки—сущій вздоръ, знаменитый Гаммеръ — невѣжда, Шампольльонъ — враль, Гомфрій Деви — вольнодумецъ, вы, милостивый государь, настоящій мудрецъ, живите по прежнему, раскладывайте гранъ-пасьянсъ, не думайте обо всѣхъ этихъ плугахъ, машинахъ, отъ которыхъ только разоряются работники, и отъ которыхъ происходитъ только зло; на что вамъ Агрономія? она хороша тамъ гдѣ мало земли; на что вамъ Минералогія, Зоологія? вы знаете лучшую науку — *Правдологію*...» — И помѣщикъ смѣется: онъ понимаетъ остроту, онъ очень доволенъ, онъ дочитываетъ прекрасную книгу до конца. Когда заговоритъ племянникъ объ Агрономіи, онъ обличаетъ его заблуж-

деніе печатными строками, рекомендуетъ утѣшительное произведеніе своимъ собратіямъ, и у удивленнаго издателя являются неожиданные читатели; а между тѣмъ въ понятіяхъ добрыхъ помѣщиковъ все смѣшивается, вольнодумство съ благими дѣйствіями просвѣщенія, молотильня съ затѣями безпокойныхъ головъ, во всякомъ улучшеніи они видятъ лишь вредное нововведеніе, въ удовлетвореніи своему эгоизму и лѣни — *истинную истину*; настоящій Русскій духъ они находятъ лишь въ мнѣніи своихъ крестьянъ о томъ, что не должно сѣять картофель, и что надлежитъ непремѣнно оставлять третье поле подъ паромъ.

Такъ пагубно дѣйствуетъ пустое, дѣтское подражаніе иностраннымъ бреднямъ на нижніе слои общества; такъ невольно унижаютъ свое званіе писатели; такъ мало содѣйствуютъ они благимъ попеченіямъ Правительства о нашемъ благомъ просвѣщеніи!

Эти наблюденія не должны оскорблять никого; мы не имѣли въ виду никого въ особенности, но лишь дѣйствіе, производимое на читателей нѣкоторыми изъ новѣйшихъ произведеній; нами руководило грустное, но справедливое и безкорыстное чувство. Будущее рѣшитъ, кто правъ и кто виноватъ въ этомъ случаѣ! . . .

С. Ѳ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

НАХИЧЕВАНСКОЙ ПРОВИНЦІИ,

составленное В. Г. и напечатанное по Высочайшему соизволенію. С. П. б. 1833.

Въ 1828 году, по распоряженію Г. Генералъ-Майора Мерлини, было составлено камеральное описаніе Нахичеванской Провинціи и Ордабадскаго Округа, и приведено въ порядокъ Кабардинскаго Полка Г. Майоромъ Денисенко.

Сими-то свѣдѣніями воспользовался по большой части авторъ «Статистическаго Описанія Нахичеванской Провинціи», давъ имъ форму систематическую и пополнивъ ихъ собственными своими наблюденіями.

Разборъ сего произведенія долженъ быть сдѣланъ тѣмъ съ большею строгостію, что, бывъ удостоено Академической награды, оно можетъ служить нынѣ авторитетомъ.

При первомъ взглядѣ кажется, что описаніе Нахичеванской Провинціи сдѣлано съ величайшею точностію и отчетливостію; но при повѣркѣ на мѣстѣ оказывается, что авторъ не успѣлъ составить себѣ истиннаго, полнаго понятія о семъ краѣ: свѣдѣнія, полученныя имъ наскоро отъ жителей, большею частію ошибочны.

Замѣтимъ нѣкоторыя неправильныя показанія.

« *Здѣшняя соль отличается своею бѣлизною* » (Стр. 17.)

Нахичеванская соль, перемѣшанная съ глинистымъ сланцомъ, отличается своимъ темносѣроватымъ цвѣтомъ.

« *Изъ птицъ разводятся куры, гуси, индѣй-* « *ки* » (Стр. 21.)

Въ Нахичеванской Провинціи вовсе нѣтъ гусей и индѣекъ. Одинъ изъ нашихъ чиновниковъ завезъ туда пару гусей, которыхъ пустилъ плавать въ бассейнѣ, и народъ сбѣгался смотрѣть на нихъ, какъ на диковинку.

« *Между дикими птицами особенно примѣчатель-* « *ны аисты и турпачи или такъ называемыя гор-* « *ныя куропатки* » (Стр. 21.)

Турпачь принадлежитъ къ роду фазановъ; птица сія любитъ кустарникъ и тѣнистыя мѣста и не водится въ Нахичеванской Провинціи.

Горная куропатка (кягликъ) водится въ Нахичеванской Провинціи и ловится ястребами; туррачь же такъ не похожъ на горную куропатку, какъ фазанъ на обыкновенную.

« *Хлопчатую бумагу сѣютъ здѣсь во всѣхъ ма-*
« *галахъ, кромѣ Даралагезскаго.*» (Стр. 89.)

Въ селеніяхъ низменной части Даралагезскаго Магала жители производятъ большіе посѣвы хлопчатой бумаги; къ тому же, самъ авторъ пишетъ, что въ селеніяхъ Даралагезскаго Магала: Ахура, Гамза али Диза, Яйчи, Танзыкъ и Арпа жители сѣютъ хлопчатую бумагу. (Стр. 161—162.)

« *Въ Ордабадѣ нѣтъ дома, при которомъ не бы-*
« *ло бы фруктоваго и винограднаго сада.*» (Стр 195.)

Въ г. Ордабадѣ много садовъ, однако же не льзя сказать, что нѣтъ ни одного дома безъ сада: Амбарасской Части въ кварталѣ Дыбъ-Дара и въ части Ючь-Тарянгя почти вовсе нѣтъ садовъ.

« *Кромѣ того, жители* (г. Ордабада) *имѣютъ до*
« *10 т. тутовыхъ деревъ и 15 шелкомотальныхъ*
« *машинъ, на которыхъ ежедногодно выдѣлывается*
« *шелку до 240 батмановъ (200 пудъ).*» (Стр. 195.)

Собственно въ г. Ордабадѣ не производится и до 15 батмановъ шелку; изъ словъ же автора можно понять, что всѣ 240 батмановъ шелку производятся въ г. Ордабадѣ, ибо онъ не упомянулъ, что въ г. Ордабадѣ есть особые промышленики

шелкомъ — *Ипачки* (отъ слова ипакъ, шелкъ), которые вывозятъ шелкъ въ грубомъ видѣ изъ Ширванской, а болѣе изъ Шекинской Провинціи, выдѣлываютъ его, тростятъ и окрашиваютъ, а потомъ продаютъ оный въ Персіи.

« *Каждогодно запахивается въ округѣ* (Ордабадскомъ) *подъ хлѣбъ до* 1500 *халваровъ земли, подъ* « *хлопчатую бумагу до* 250, *а подъ чалтыкъ* 50 « *халваровъ.* » (Стр. 199.)

Все это весьма увеличено, ибо по неудобности мѣстной и по недостатку воды, жители сѣютъ мало хлѣба (не болѣе 800 халваровъ), а особенно чалтыка и хлопчатой бумаги, требующихъ сыраго грунта.

Хлѣба, производимаго въ Ордабадскомъ Округѣ, почти всегда бываетъ недостаточно для домашняго потребленія, и жители покупаютъ оный въ Персіи и въ Нахичеванской Провинціи. Ежели бы жители сѣяли 1500 халваровъ хлѣба, то, положивъ среднiй урожай онаго самъ-пятъ, вышло бы 7500 халваровъ — пропорція (на 2400 * дымовъ) не только достаточная для домашняго потребленія, но позволяющая по изобилію вывозить хлѣбъ въ другія мѣста, — чего здѣсь никогда не случалось, и цѣны на хлѣбъ въ Ордабадскомъ Округѣ всегда были выше Нахичеванскихъ.

« *Верблюдовъ* (въ Ордабадскомъ Округѣ) 100 *головъ.* » (Стр. 120.)

* Авторъ показалъ въ Ордабадскомъ Округѣ только 2000 дымовъ.

Уже болѣе 10 лѣтъ какъ во всемъ Ордабадскомъ Округѣ нѣтъ ни одного верблюда.

« *Мусульмане, водворившіеся здѣсь съ шестаго* « *и седьмаго вѣка по Р. Х., то есть, со времени* « *владычества Халифовъ, раздѣляются на многія* « *племена, изъ коихъ два заслуживаютъ особеннаго* « *вниманія: Кенгерлы и Караджаларскіе Куртинцы.*» (Стр. 31.)

Поколѣніе *Караджалу* происходитъ отъ племени *Кенгерлу* (часть поколѣнія сего находится въ г. Нахичевани); Куртинцы же, обитающіе въ Даралагезскомъ Магалѣ, не *Караджаларскаго* племени, а поколѣнія *Карачорлю,* коего большая часть находится въ Карабагѣ.

« *Джюмшюли* »	вмѣсто	Джамшидлу
« *Карахамбейлы* »	— —	Караханбеглу
« *Белиджи* »	— —	Билиджи
« *Каратулаги*	— —	Карадолаги
« *Аравонлы*	— —	Аравсяклу
« *Пирхаханлу* »	— —	Пиръ Гассанлу.

(Стр. 32.)

Всѣ сіи названія поколѣній имѣютъ свои значенія; измѣнить ихъ правописаніе значитъ уничтожить ихъ смыслъ.

« *Послѣ его* (Кяльби али Хана) *правили хан-* « *ствомъ: Назаръ али Ханъ два года, Керимъ Ханъ* « *годъ, Гусейнъ Мирза также годъ.* » (Стр. 50—57.)

Вмѣсто: *Гуссейнъ Мирза* слѣдовало писать *Мирза Гуссейнъ*, ибо слово *Мирза*, прибавляемое послѣ собственнаго имени, означаетъ принца крови; въ Нахичеванской же Провинціи не былъ никогда правителемъ принцъ крови, а *Мирза Гуссейнъ* былъ *бекскаго происхожденія.*

«*Утвержденіе перваго ахунта, т. е. Шихъ-аль-*
«*Ислама, зависѣло отъ Аббасъ Мирзы.*» (Стр. 58.)

Первый ахунтъ называется *Шейхъ-уль-Исламъ* (Начальникъ Ислама), а не Шихъ-аль-Исламъ, что значило бы дьяволъ Ислама: шихъ по-Арабски значитъ дьяволъ.

«*Кромѣ сlрглнга были при сарвазахъ: одинъ*
«*яговеръ (въ родѣ подполковника)*, 8 *султановъ*
«*(сотниковъ)*, 16 *наибовъ (пятидесятниковъ) и*
«*нѣсколько юзбашей (десятниковъ)*.» (Стр. 59.)

Вмѣсто «*сярглнгъ* слѣдовало писать *сарганькъ* (глава битвы), а вмѣсто *яговеръ* — *яваръ;* званія *юзбашей* при сарвазахъ (пѣхота) не было, а *они были въ конницѣ;* къ тому же званіе *юзбаши* значитъ не *десятникъ* а *сотникъ*, ибо слово *юзъ-баши* значитъ *сто головъ*.

«*По истеченіи каждыхъ шести лѣтъ Аббасъ*
«*Мирза присылалъ въ Нахичевань своего чиновника,*
«*нумейса, для переписи народа.*» (Стр. 61.)

Чиновникъ сей назывался не *нумейсъ*, а *мюмайизъ* (ревизоръ).

« *Здѣшніе Куртинцы раздѣляются между собою* « *на 9 тайеръ или поколѣній.* (Стр. 80.)

Поколѣніе называется по-Татарски *тайфа*, а слова *тайеръ* ничего не значитъ.

« *По Алынджинскому* * (вмѣсто Алынджачайскаго) *въ селеніяхъ Аразинъ, Абракунисъ....* » (Стр. 89.)

То же самое селеніе *Абракунисъ* на стр. 125 названъ « *Абракунтисъ,* » а на стр. 154 и 184 « *Абракунишъ.* »

« *Параташтъ* и *Мамерза Диза.* » (Стр. 122.)

Мамерза Диза написано вмѣсто *Магмедъ Риза Диза*; то же самое селеніе *Параташтъ* на стр. 156 названо « *Порашампъ* », а на стр. 186 « *Пораташтъ.* »

« *Кюрадисъ* » на стр. 142 названо « *Кюраднокъ,* » а на стр. 184 « *Кюрадисъ.* »

« *Мардрюсъ* » (Мардиросъ) на стр. 170 названъ « *Мардрюкъ.* »

« *Мелшикентъ* » на стр. 168 названъ « *Меликъ Шаглю.* » Стр. 123, стр. 126.

Кромѣ сихъ безотчетныхъ погрѣшностей, есть и другія хотя и извинительныя, но тѣмъ не менѣе не позволяющія принимать сію книгу за произведеніе классическое.

* Магалу.

Съ 1829 по 1833 годъ въ Нахичеванской Провинціи большая часть Армянъ переселенцевъ, перешла изъ одного селенія въ другое, и даже въ Эриванскую Провинцію; нѣкоторые изъ коренныхъ жителей, бѣжавшихъ въ Персію, возвратились; многія разоренныя деревни заселены; въ городахъ Нахичевани и Ордабадѣ многіе разрушенные дома поправлены; разведены новые сады: слѣдовательно описаніе сихъ предметовъ, сдѣланное въ 1829 году, уже не можетъ дать понятія о нынѣшнемъ статистическомъ положеніи сего края. . . . .

Въ «Статистическомъ Описаніи» показано домовъ: въ городѣ Нахичевани 700, въ Ордабадѣ 515; а по послѣднимъ свѣдѣніямъ, домовъ въ г. Нахичевани болѣе 800, а въ г. Ордабадѣ болѣе 620.

Число дымовъ въ Нахичеванской Провинціи показано 5510, а въ Ордабадскомъ Округѣ 2000; по послѣднимъ же свѣдѣніямъ, число дымовъ въ Нахичеванской Провинціи 6499, а въ Ордабадскомъ Округѣ 2392.

Слѣдующія селенія, имѣющія жителей, показаны въ «Статистическомъ Описаніи» разоренными.

Названіе селеній.	*Число дымовъ.*
Карачуха	63
Гадживаръ	13
Нахши Наргизъ	4
Али Абадъ	25

Вайхиръ	16
Геджазоръ	30
Геумуръ	12
Хорны	3
Гёгнюкъ	3
Тайвасъ	10
Геньшикъ	7
Ашага Джаныкентъ	10
Хорвадыхъ	9
Чинахчи	28
Чивя	15
Козлуджа	11
Обана	5
Кешпегъ	6
Караларъ	13
Джагазуръ	5
Агхачь	6
Энгиджа	6
Хурсъ (Орд. Окр.)	2

Статистическія таблицы, помѣщенныя въ сей книгѣ, заимствованы (съ нѣкоторыми измѣненіями) изъ вышеупомянутаго Камеральнаго Описанія Нахичеванской Провинціи и Ордабадскаго Округа; но описаніе сіе невѣрно составлено, и сдѣлано было распоряженіе о составленіи новаго.

Изъ краткой сравнительной таблицы видно сходство таблицъ Камеральнаго Описанія, составленнаго въ 1828 году, и «Статистическаго описанія Нахичеванской Провинціи», и разность со вновь произведеннымъ Камеральнымъ Описаніемъ.

Названіе селеній.	Камеральное Описаніе 1828 года.		Статистическое Описаніе Нахичеванской Провинціи.	Вновь произведенное Камеральное Описаніе.
	Число дворов.	Число семейс.	Число дымовъ.	Число дымовъ.
Ямъ - Хана . . .	14	17	17	56
Кошадиза . . .	11	13	11	43
Кули Бекъ Диза .	5	5	5	32
Три Анзыри . .	12	14	13	37
Джуль.	10	10	10	25
Арынчь (Даралагезскій).	15	18	15	32
Аргязъ	12	13	12	38
Айназыръ . . .	12	17	12	24
Тиви	10	16	10	38
Бистъ	18	23	18	30
Мирза Гассанъ Диза	4	3	4	13
Худаверди Бей Диза	7	9	7	20

Слѣдующія селенія, съ означеннымъ въ оныхъ числомъ семействъ, вовсе не показаны въ «Статистическомъ Описаніи Нахичеванской Провинціи».

Названіе селеній.	*Число семействъ.*
Хачапарахъ	18
Кармирваннъ	21
Шакяръ Абадъ	31
Шейхъ Мираниша	15
Сичанлу	13
Али Магмедъ Кишлягъ	6
Келаны Кишлягъ	14
Исмаилъ Кишлягъ	3

Кязымъ Кишлягъ	2
Мараликъ	6
Карабоя	4
Достъ Али Бекъ Диза	3
Кабахлугъ	8
Кашха	11
Кешишъ Веранъ	9
Ардарасъ	6
Агъ Дара	13
Расуль Кишлягъ	5
Шахъ Гельди Кишлягъ	7
Али Ханъ Пагяси	5
Каушихъ	18
Бюльбюль Олянъ	12
Гегарчинъ	5
Гюляманъ	8
Салъ	3
Керимъ Бей Диза	13

В. Золотницкій.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, ЖАРЪ-ПТИЦѢ И О СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

(Отрывокъ).

I.

Царь Выславъ и Министръ.

(Министръ держитъ блюдо съ яблоками.)

Царь Выславъ.

Вотъ яблоки такъ яблоки, на славу!
Могу сказать, что лучшіе плоды
На всей землѣ; единственные, чудо!
Цвѣтъ какъ янтарь иль золото. Какъ чисты,
Прозрачны и блестящи: словно солнце,
Любуясь ими, оставляетъ въ нихъ
Свои лучи.—А вкусъ?... Не то, что сахаръ
Иль медъ. Гораздо слаще, выше: онъ
Похожъ на ту разымчивую сладость,
Котороя струится въ душу, если,
Прильнувъ устами къ розовымъ устамъ

Любовницы прелестно - молодой,
Закроешь взоръ, — и тихо, тихо, тихо
Изъ этихъ устъ въ себя впиваешь нѣгу;
То пламѐнный и звонкій поцѣлуй,
То медленный и томный вздохъ... Такъ точно,
Повѣришь ли, что̀ иногда бываетъ
Со мною? Странно: яблоко возьму
И закушу, да вдругъ и позабудусь...,
И полетятъ, и полетятъ мечты,
И кровь во мнѣ играетъ; цѣлый часъ
Сижу недвижно съ яблокомъ въ рукѣ,
И на него̀ смотрю неравнодушно,
А самъ не ѣмъ вкуснѣйшаго плода....

(Кушаетъ яблоко.)

Прекрасный плодъ!.. И мнѣ какая слава,
Какая слава подданнымъ моимъ,
Что у меня въ саду такая сладость
Растетъ и зрѣетъ. — Только у меня!...
За то ужь какъ я радуюсь, когда
Приходитъ лѣто и пора.... Однакожь
Мнѣ кажется—и вотъ уже дня съ два,
Какъ замѣчаю то же—прежде больше
Ты приносилъ мнѣ яблоковъ. Не такъ ли?
Вѣдь такъ?

Министръ.

Ихъ было больше, Государь!

Царь Выславъ.

Ихъ было больше! Отъ чего жъ теперь?...
Куда жъ они дѣваются? Послушай:

Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кромѣ Царя, во всей моей державѣ
Не долженъ ѣсть ихъ; что никто, никакъ
Не долженъ смѣть подумать, что онъ можетъ
Ихъ ѣсть. Такъ я постановилъ закономъ.
Куда жъ ты ихъ дѣваешь? Говори!

Министръ.

Прости меня, великій Государь,
Я виноватъ....

Царь Выславъ.

Какой же ты министръ?...
И хорошо ты служишь мнѣ, когда
Ты нерадѣешь именно о томъ,
Что мнѣ всего милѣе?

Министръ.

Государь!
Изъ дѣтства я привыкъ служить Царямъ
Вездѣ, всегда: подъ черной ризой ночи
И при дневномъ сіяніи небесъ,
Въ блистательныхъ чертогахъ богача
И въ сумрачной лачугѣ селянина,
На сходбищѣ народномъ и въ глуши,
Всегда, вездѣ умѣлъ я царску волю
Рѣшительно и грозно совершать
Во всѣхъ ея оттѣнкахъ и видахъ, —
И службою моею не гнушались
Мои Цари великіе: меня

И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дѣдъ Твоего Величества, всегда
Мнѣ жаловалъ знатнѣйшіе чины;
Твой батюшка, премудрый Царь Андронъ,
Не отвергалъ совѣтовъ.....

Царь Выславъ.

Знаю, знаю;
Да не о томъ я спрашивалъ тебя.
Я не люблю рѣчей окольныхъ, длинныхъ:
Мнѣ говори и коротко и прямо,
А въ стороны отъ дѣла не виляй.

Министръ.

Я виноватъ, что не посмѣлъ доселѣ
Открыть тебѣ великую бѣду,
Тяжелое общественное горе:
Въ твой царскій садъ повадилась Жаръ-Птица,
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ кажду ночь, — и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выславъ.

Поймать Жаръ-Птицу! — Что это за птица?

Министръ.

Прекрасная, диковинная птица:
У ней глаза подобны хрусталю

Восточному, а перья золотыя
И блещутъ ярко....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Все таки поймать!

МИНИСТРЪ.

Поймать ее! могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на дѣлѣ. —
Твои рабы усердные, Жаръ-Птицу
Мы ужь давнымъ-давно подстерегаемъ:
Устроены засады, караулы
И оклики; отрядъ дружины царской
Дозоромъ ходитъ; наконецъ я самъ
Не разъ уже ходилъ ее ловить —
И все напрасно.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Стало быть, она
Огромная, изъ роду рѣдкихъ птицъ
Временъ пред-историческихъ?

МИНИСТРЪ.

Она
Величиной съ большаго пѣтуха,
Иль много что съ павлина; но у ней
Глаза и перья блещутъ и горятъ
Невыносимо-ярко. Лишь она
Усядется на яблони — и вдругъ

Раскинетъ свой великолѣпный хвостъ:
Онъ закипитъ лучами, словно солнце...
Тогда въ саду не ночь, а чудный день,
И такъ свѣтло, что ничего не видно.
А между тѣмъ, все это отъ нея жъ —
И тишина, такая тишина,
И нѣжная и сладкая, что самый
Крѣпчайшій сторожъ соблазнится: ляжетъ
На дернъ, кулакъ подложитъ подъ високъ,
Заснетъ — и спитъ до поздняго обѣда.

Царь Выславъ.

Такъ какъ же быть? Диковинная птица!...
Зови сюда Царевичей. Они
Помогутъ мнѣ подумать, разсудить,
Что́ дѣлать намъ.

(Министръ уходитъ.)

II.

Царь Выславъ.

Что дѣлать съ этой птицей?
Таковъ вопросъ.... Ужасно я встревоженъ!...

(Ходитъ по комнатѣ.)

А говорятъ, что царствовать легко.
Согласенъ я: оно легко, покуда
Нѣтъ важныхъ дѣлъ, но лишь пришли они,
Такъ не легко, а нестерпимо трудно.
Вотъ, напримѣръ, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престолъ, по случаю Жаръ-Птицы

И самъ Сократъ задумается: какъ
Поймать ее, когда никакъ не льзя
Поймать ее? — Да, надобно признаться:
Есть на землѣ пречудныя дѣла,
Столь хитрыя, мудреныя, что въ нихъ
Разумнѣйшій, великій человѣкъ —
Ну, человѣкъ такой, чтобы Природа
Могла сказать объ немъ: вотъ человѣкъ!
И плохъ, и малъ....

III.

Царь Выславъ и Царевичи: Димитрій, Василій и Иванъ.

Царь Выславъ.

Любезные Царевичи мои,
Въ нашъ царскій садъ повадилась Жаръ-Птица,
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ кажду ночь: такъ я
Хочу теперь подумать вмѣстѣ съ вами,
Что̀ дѣлать съ ней. А такъ ее оставить
Не льзя: она до тла опустошитъ
Нашъ садъ. Да мнѣ, Царю, и неприлично
Давать себя въ обиду всякой дряни.
Скажите же, Царевичи мои,
Какъ поступить мнѣ съ нею? Ты сначала
Подай совѣтъ, мой старшій сынъ, Димитрій!

Димитрій Царевичъ.

Я думаю, что надобно сперва
Навѣрное развѣдать, чья она;
Потомъ посла къ тому Царю отправить,

Сказать ему, что ваша-де Жаръ-Птица
Повадилась летать въ нашъ царскій садъ,
И яблоки воруетъ дорогія:
Такъ мы, по дружбѣ съ вами, просимъ васъ
Унять ту птицу; мы-де не желаемъ,
Чтобъ вѣчный миръ, который . . .

Царь Выславъ.

Ты, Василій!

Василій Царевичъ.

Я думаю такъ точно, слово въ слово,
Какъ говорилъ мой старшій братъ: сперва
Навѣрное развѣдать, чья она,
Потомъ посла. . . .

Царь Выславъ.

А ты, Иванъ Царевичъ!

Иванъ Царевичъ

Я думаю, что нечего тутъ думать.
Поймать ее — и въ шляпѣ дѣло!

Царь Выславъ.

Какъ же
Поймать ее? Вотъ въ томъ-то и задача!
Давно объ ней хлопочутъ: караулы,
Засада, часть дружины, вообще
Противъ нея ловительныя мѣры
Ужь приняты; но все напрасно!

Иванъ Царевичъ.

Что же?
Намъ прикажи! Мы, сыновья твои,
Тебя мы любимъ больше, чѣмъ твоя
Засада, часть дружины, караулы,
И прочія ловительныя мѣры:
Авось поймаемъ...

Царь Выславъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ!
Совѣтъ разумный. Я съ тобой согласенъ,
Иванъ Царевичъ. Знаю это слово:
Авось, авось! О! сильно это слово;
Оно чудесно. Часто въ немъ одномъ
Заключены великія дѣла
И вѣчная, блистательная слава!
Такъ точно ель,—что крѣпкими корнями
Ухватится за землю, и подъ тѣнь
Раскидистыхъ, густыхъ своихъ вѣтвей
Укроетъ долъ и гордою вершиной
Уйдетъ въ лазурь небесную,— таится
Въ одномъ летучемъ сѣмечкѣ... Авось
Удастся вамъ, Царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу! — Безполезно мѣшкать
Въ такихъ дѣлахъ. Я вамъ повелѣваю,
Вамъ всѣмъ троимъ, Царевичи: ходите
Въ нашъ царскій садъ, по брату каждую ночь,
Ловить ее; сначала ты, Димитрій,
Потомъ Василій, наконецъ Иванъ...

Иванъ Царевичь! Подойди ко мнѣ;
Дай мнѣ тебя расцѣловать, мой милый....

(Цѣлуетъ его.)

Любимый сынъ, ты освѣжилъ меня
Своимъ совѣтомъ. Весело мнѣ видѣть,
Что у тебя отважная душа.
Рости, мой сынъ, ты будешь богатырь!

IV.

Димитрій и Василій Царевичи.

Царевичь Димитрій.

Ты правду мнѣ сказалъ, любезный братъ:
Намъ не видать ея; не нашимъ силамъ
Устаивать противъ такого сна,
Къ которому во время караула
Такъ и влечетъ и клонитъ человѣка
Шелковый лугъ, весенняя прохлада,
И тишина заповѣднаго сада,
И темная, безмѣсячная ночь.

Царевичь Василій.

Волшебный сонъ! Лишь только я усѣлся
Подъ яблонью и бодро началъ думать,
Какъ не заснуть мнѣ въ эту ночь,—меня
Вдругъ обняла, откуда ни возмись,
Такая лѣнь рѣшительно и сладко,
Какъ рѣзвая прелестница, что я
Почти упалъ, и право ужь не помню,
Какъ я заснулъ.

ЦАРЕВИЧЬ ДИМИТРІЙ.

Все это не бѣда:
Вѣдь батюшка увѣренъ, что Жаръ-Птица
Не прилетала обѣ эти ночи;
Но вотъ въ чемъ дѣло: какъ намъ быть, когда
Иванъ Царевичь . . .

ЦАРЕВИЧЬ ВАСИЛІЙ.

Ты мнѣ страненъ, братъ:
Куда ему! И онъ проспитъ какъ мы.

ЦАРЕВИЧЬ ДИМИТРІЙ.

Онъ очень щастливъ. И теперь ужс
Его зовутъ любимымъ сыномъ. Мы же...

V.

Тѣ же и Царь Выславъ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мнѣ право жаль, Царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Васъ не виню. — Да какъ васъ и винить?
Не прилетала: нечсго и дѣлать!
Гдѣ взять ее? Посмотримъ, что-то скажетъ
Иванъ Царевичь?

ЦАРЕВИЧЬ ДИМИТРІЙ.

Можетъ быть, ему
И удалось ее увидѣть.

Царевичь Василій.

Да
Оно не трудно, если прилетала....

Царевичь Димитрій.

И близъ него свѣтилася какъ солнце.

Царь Выславъ.

Что пользы въ этомъ, ежели она
И прилетала? Онъ еще такъ молодъ,
Онъ не съумѣетъ справиться съ такой
Чудесной птицей: вѣрно, оробѣетъ,
И ничего не сдѣлаетъ... Да вотъ онъ!

VI.

Тѣже и Иванъ Царевичь.

Царь Выславъ.

Ахъ, здравствуй, мой Иванъ Царевичь! Какъ
Ты провелъ ночь? Что это у тебя?

Царевичь Иванъ.

Перо Жаръ-Птицы.

Царь Выславъ.

Что ты! Въ самомъ дѣлѣ?
Возможно ли?

Царевичь Иванъ.

Я не поймалъ ея:
Пресильная, пребѣшеная птица.
Одно перо осталось у меня.

Царь Выславъ.

А какъ его добылъ ты?

Иванъ Царевичъ.

Очень просто.
Я взлѣзъ на яблонь, и въ густыхъ вѣтвяхъ
Подъ самою верхушкой притаился.
Сижу и жду, что̀ будетъ?... Ночь тиха,
Безмѣсячна; во всемъ саду ни листикъ
Не дрогнетъ. Я на яблони сижу...
Вдругъ вижу, что-то на краю небесъ
Какъ звѣздочка заискрилось. Гляжу
Въ ту сторону: оно ростетъ, и будто
Летитъ — и въ самомъ дѣлѣ вѣдь летитъ!
Все ближе, ближе... прямо на меня,
И къ яблони... и листья зашумѣли!..
Однакожъ, я ни чуть не оробѣлъ:
Сидитъ Жаръ-Птица, знаю... Да какъ гаркну —
И хвать ее обѣими руками.
Она рванулась, вырвалась, и мигомъ
Ушла изъ глазъ въ далекій небосклонъ,
А у меня перо въ рукахъ осталось.

Царь Выславъ *(разсматривая перо)*.

Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Какъ тяжело! Знать цѣльно-золотое.
Какъ тонко, нѣжно, гибко; что за блескъ!
Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Хоть на шеломъ Рогеру... Слава Богу!
Любезные Царевичи, я радъ,

Сердечно радъ Жаръ-Птицыну перу.
Теперь я ожилъ: я почти увѣренъ,
Что не уйдетъ она отъ вашихъ рукъ.
По прежнему ходите караулить
И съ нынѣшней же ночи. Я надѣюсь,
Что ты, Димитрій... Ну, Иванъ Царевичь,
А я грѣшилъ — я думалъ, ты... анъ нѣтъ!
Ты, какъ герой, ни чуть не испугался
И дѣйствовалъ благоразумно.

(*Цѣлуетъ его.*)

Славно,
Мой милый сынъ! Поди мой другъ, къ себѣ
И отдохни! А ты, Димитрій, снова
Приготовляйся къ караулу. — Я
Хочу подумать, какъ мнѣ самый лучшій,
Приличный ящикъ сдѣлать, иль ковчегъ
Для этого прекраснаго пера —
Торжественный, изящный!

(*Василью Царевичу.*)

Позови
Сюда ко мнѣ дворцовыхъ слесарей,
Лейбъ-рѣщика и виртуоза. Скоро
Чтобъ пришли; я дожидаюсь ихъ.

VII.

Царь Выславъ и Царевичи.

Царь Выславъ.

И такъ Жаръ-Птица вовсе перестала
Летать къ намъ въ садъ. У насъ все, слава Богу,

Спокойно, тихо; яблоки ростутъ,
Красуются и спѣютъ безобидно —
И вообще судьба ко мнѣ добра,
Мила со мной, любезна; все какъ было.
Но знаете ль, Царевичи мои,
Чего теперь мнѣ хочется? Вчера
Послѣ обѣда сдѣлалась со мной
Безсонница — и не спалъ я, и думалъ
О томъ, о семъ, — и кое-что обдумалъ.
Потомъ я сталъ мечтать; мои мечты —
Въ безсонницу онѣ празднолюбивы —
Мои мечты пестрѣлись и кипѣли,
Какъ ярмарка; и вдругъ одна изъ нихъ —
Какъ юношу красавица, нежданно
Блеснувшая въ народной толкотнѣ —
Одна изъ нихъ меня очаровала,
И ей одной я предался вполнѣ,
Какъ юноша, довѣрчиво и страстно....
Мнѣ хочется, Царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу непремѣнно. Ею
Умножу блескъ престола моего
И на землѣ далеко и широко
Прославлюся. Я обѣщаю вамъ,
Что награжу весьма великодушно
Того изъ васъ, кто мнѣ ее доставитъ:
Отдамъ ему полцарства моего.

Иванъ Царевичь

Не нужно мнѣ полцарства твоего,
А просто, такъ, изъ удали, я радъ
Хоть сей же часъ. —

Царь Выславъ.

Молчи, Иванъ Царевичь!
Съ тобой я буду послѣ говорить.
Вы, старшіе Царевичи, вы оба
Любимые пособники мои,
Съ которыми, какъ съ лучшими друзьями,
Такъ счастливо привыкъ я раздѣлять
И сладкіе и горькіе плоды
Верховной власти! Я васъ знаю: вы
Для подвиговъ блестящихъ и высокихъ
Созрѣли; вы учились языкамъ,
Всемірную Исторію читали;
Вы бойки нравомъ, тверды какъ желѣзо,
И вспыльчивы какъ порохъ. Вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои.
Обоимъ вамъ, Димитрій и Василій,
Я предлагаю чрезвычайный трудъ,
Едва ли не отчаянный: сыскать
Гдѣ бъ ни было Жаръ-Птицу, и живую
Доставить мнѣ. Я спрашиваю васъ,
Согласны ли вы ѣхать въ дальній путь,
Богъ вѣсть куда и чьи края?

Царевичи Димитрій и Василій.

Мы рады,
Хоть сей же часъ.

Царь Выславъ.

Я это зналъ, друзья,
Предвидѣлъ я, что будетъ вашъ отвѣтъ

Рѣшителенъ, Спартански-смѣлъ и кратокъ!
Вы рады, вы готовы сей же часъ
Богъ вѣсть куда... Такъ человѣкъ, въ которомъ
И мудрая Природа и наука
Окончили свое святое дѣло
Развитія божественной души,
Радушенъ, бодръ и свѣтелъ; онъ идетъ
Въ безвѣстный путь, на подвигъ многотрудный!...
Благодарю васъ, милые мои
Царевичи. — Сбирайтесь поскорѣе,
По-рыцарски; а завтра и въ дорогу,
Подъ утреннимъ сіяніемъ небесъ,
При вѣяньи прохладнаго зефира. —
Теперь же вы примите мой совѣтъ
Отеческій, напутный. — Ахъ, друзья!
Что наша жизнь? Она всегда виситъ
На волоскѣ, чуть держится; тѣмъ паче,
Когда опасность.... Будьте осторожны,
Друзья мои; старайтесь не вездѣ
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпѣніемъ, сноровкою; гдѣ можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шагъ заранѣ; а потомъ
И дѣйствуйте, надѣясь на судьбу.
Не мѣшкайте въ дорогѣ, особливо
Въ гостинницахъ, трактирахъ. Нѣжныхъ связей
Съ гульливыми красавицами, братства
Съ фиглярами, съ бродяжными Жидами,
Съ Цыганами, съ гудочниками — бойтесь;
Игорныхъ же бесѣдъ и Академій

И сволочи распивочныхъ домовъ,
Пожалуйста, бѣгите какъ чумы.
Велите ваши сабли наточить
Какъ можно лучше. Я же вамъ даю,
На всякій случай, пару самострѣловъ
Новѣйшаго устройства: въ три минуты
Бьютъ 52 раза прямо въ цѣль,
Прехитрые! . . . Возьмите по коню
Съ моей конюшни; ты Кизляръ-Агу
Иль Мустафу; а ты, Василій, Негра.

(Царевичи Василій и Димитрій уходятъ.)

Н. Языковъ.

НАПОЛЕОНЪ И ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Précis dés guerres de Jules César, par l'Empereur Napoléon écrit à l'île Sainte-Hélène sous la dictée de l'Empereur par M. Marchand suivi de plusieurs fragmens inédits et authentiques, etc. etc. Paris, 1836.

Вотъ еще новое любопытное дополненіе къ загробной литтературѣ Св. Елены, которая уже подарила насъ многими примѣчательными и живѣйшею занимательностью дышащими твореніями. Кто не читалъ историческихъ *диктовокъ* славнаго изгнанника? Ими на уединенной скалѣ услаждалъ онъ свои муки, сокращалъ долгіе дни и безсонныя ночи! Ими, по неутомимой жаждѣ своей властолюбія, покушался онъ еще предписывать законы мнѣніямъ потомства, представляя на судъ его дѣянія свои и другихъ въ томъ видѣ и съ той точки зрѣнія, кои особенно ему были свойственны и нужны! Въ этомъ отношеніи Наполеонъ-писатель необходимый ком-

ментаторъ Наполеона - полководца, политика и правителя. Въ этихъ отрывкахъ онъ во многомъ себя разгадываетъ или тѣмъ, что говоритъ, или тѣмъ, что умалчиваетъ, или тѣмъ, что прибавляетъ къ истинѣ, или тѣмъ, что утаиваетъ отъ нея. А сколько орлиныхъ, быстрыхъ, свѣтозарныхъ, проницательныхъ взглядовъ на людей и событія! Сколько страницъ, воспламененныхъ высокимъ краснорѣчіемъ, полнымъ не цвѣтами искуснаго ритора и фразеолога, но такъ сказать созрѣвшими плодами человѣка, испытавшаго все и всѣхъ, ратоборца съ судьбою и людьми, коего выраженіе разительно и полновѣсно, потому что жизнь его закалилась въ сшибкахъ стихій могущихъ и пламенныхъ, потому что краснорѣчіе его — отголосокъ событій, и слово его — еще дѣйствіе. Меморіалъ Ласказа есть безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ книгъ нашего столѣтія. Если слишкомъ часто Ласказъ выходитъ въ ней самъ на сцену и заслоняетъ Наполеона Лесажевскимъ а́гласомъ своимъ, то какъ не простить ему этой маленькой утѣхи самолюбія за добродушную точность, съ которою онъ велъ свой журналъ, и за тѣ живые очерки, въ коихъ онъ передалъ намъ героя своего какъ въ говорящемъ зеркалѣ. А журналъ докторовъ Омеара, особенно Антомарки, который въ живой картинѣ передалъ намъ послѣдніе дни и кончину изгнанника, коего смерть за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была бы важнѣйшимъ событіемъ въ Европѣ, а тутъ совершилась тихо и одиноко въ виду нѣсколькихъ вѣрныхъ до гроба! Не знаю ничего трогательнѣе и разительнѣе сихъ *отходныхъ* стра-

ницъ Антомарки. Никакая печальная развязка трагедіи, романа не возбуждаетъ тоски и соболѣзнованія подобныхъ этимъ чисто-медицинскимъ отмѣткамъ. Съ стѣсненіемъ духа слѣдуешь за возрастающими признаками приближающейся кончины: вопрошаешь съ медикомъ этотъ слабѣющій и прерывающійся пульсъ, который нѣкогда бился такъ сильно и горячо бурною жизнью державъ и народовъ; сочувствуешь очевидцамъ и раздѣляешь удивленіе ихъ при видѣ Наполеона умирающаго, Наполеона умершаго. Нигдѣ и ни въ комъ не выразилось такъ сильно могущество и немощь человѣка, какъ въ Наполеонѣ, нѣкогда Парижскомъ или Европейскомъ, и въ Наполеонѣ за-океанскомъ!..

Маршанъ въ предисловіи къ изданной имъ нынѣ книгѣ сообщаетъ еще нѣсколько новыхъ подробностей о кончинѣ его. Онъ также подтверждаетъ, что послѣднія слышанныя отъ него слова были: *Франція! Армія!* Послѣдними чтеніями его были: походы Аннибала, описанные бригаднымъ генераломъ Фредерикомъ Гильомомъ, и походы Дюмурье. Тутъ же, въ предисловіи, находятся и нѣкоторыя выписки изъ духовнаго завѣщанія и кодициллъ Наполеона и изъ наставленій, кои онъ далъ своимъ душеприкащикамъ: Монтолону, Бертрану и Маршану.— Между прочими особенное вниманіе заслуживаетъ то, что относилось до сына его:

«Вы уговорите его принять вновь имя Наполеона, какъ только вступитъ онъ въ совершеннолѣтіе и удобно ему будетъ это сдѣлать.»

« Если бы случился такой оборотъ фортуны, что онъ « вступилъ бы на престолъ, то обязанностью моихъ ду- « шеприкащиковъ будетъ обратить вниманіе его на « все то, чѣмъ я обязанъ моимъ старымъ офицерамъ « и солдатамъ и вѣрнымъ моимъ служителямъ.

« Память моя будетъ славою жизни его; вы об- « легчите ему средство пріобрѣсти все, чѣмъ можетъ « онъ окружить себя въ этомъ смыслѣ; вы дѣятель- « но и прилежно исправите понятія его о событі- « яхъ и вещахъ (vous redresserez ses idées avec force « sur les faits et les choses); вы можете найти у « д'Алба, Фена, Менваля и Бурьенна много такого, « что будетъ для него особенно важно.

« Если не будетъ благопріятнаго оборота форту- « ны во Франціи, то желаю, чтобы какъ можно ме- « нѣе изъ семейства моего было при царскихъ дво- « рахъ, а чтобы мои племянники и племянницы « переженились между собою въ Римскихъ владѣ- « ніяхъ, въ Швейцарской Республикѣ, или въ Аме- « риканскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

» Увѣрьте письмами, или лично, если можно, « Императрицу Марію Луизу въ уваженіи и въ чув- « ствахъ, кои я къ ней имѣлъ; поручите ей сы- « на моего, который только въ ней можетъ найти « опору.

« Составьте собраніе картинъ, книгъ и медалей, « которыя могли бы дать сыну моему правильныя

« понятія и уничтожить ложныя предубѣжденія, кои
« чуждая политика могла бы внушить ему, съ тѣмъ,
« чтобы онъ видѣлъ вещи такъ, какъ онѣ были.

« Печатая мои Италійскіе и Египетскіе походы и
« тѣ изъ моихъ рукописей, кои будутъ изданы въ
« свѣтъ, должно посвятить ихъ сыну моему, а рав-
« но и письма Государей, если отыщутся: можно
« будетъ получить ихъ изъ Архивовъ; что̀ не было
« бы трудно, ибо гордость народная много бы отъ
« того выиграла.»

По увѣренію Маршана, позднее приношеніе его не есть еще послѣднее богатство литтературныхъ запасовъ Св. Елены. Послѣднею диктовкою Наполеона въ ночи съ 29 Апрѣля на 30 (онъ умеръ 5 Мая) былъ проектъ военнаго устройства Франціи, въ двухъ частяхъ, который онъ наименовалъ: Première et seconde Rêverie. Сіи бумаги еще не изданы въ свѣтъ.

Настоящій же перечень походовъ Юлія Цезаря есть болѣе книга военная. Это краткія комментаріи на Комментаріи Цезаря; они особенно любопытны и важны въ военномъ отношеніи. За краткимъ и довольно голословнымъ изложеніемъ событій и военныхъ дѣйствій слѣдуютъ при каждой главѣ *Примѣчанія*, въ коихъ Наполеонъ также весьма кратко и сжато излагаетъ свой окончательный приговоръ въ похвалу или въ осужденіе, сравнивая иногда свойства, удобства и характеристику прежней войны съ новѣй-

шею. О достоинствѣ сихъ замѣчаній, какъ нибудь, бѣгло и даже сухо набросанныхъ, говорить нечего. Тутъ мастеръ говоритъ о своемъ мастерствѣ: слѣдовательно каждое слово важно для художества и художниковъ. Какую цѣну долженъ имѣть въ устахъ рѣшителя столькихъ сраженій, напримѣръ, слѣдующій афоризмъ: «Есть минута въ сраженіяхъ, когда «малѣйшая маневра рѣшитъ и даетъ превосходство: «это капля воды, отъ которой переполняется....»

По поводу моста, наведеннаго Кесаремъ чрезъ Рейнъ, и чрезмѣрныхъ похвалъ о томъ Плутарха, Наполеонъ довольно пространно говоритъ о мостѣ, наведенномъ на Дунаѣ Французскими войсками въ 1809 году. Поясненія его о семъ предметѣ и предположенія о удобствѣ устроенія *пробочныхъ понтоновъ* кажутся намъ достойны особеннаго вниманія и изслѣдованія въ практическомъ отношеніи Военнаго Искусства. Предоставляемъ разсмотрѣніе и оцѣнку сихъ предположеній знатокамъ военнаго дѣла, а сами обратимся къ предметамъ, имѣющимъ особенно историческій и характеристическій интересъ.

Многіе удивлялись, какъ Наполеонъ могъ *пережить* славу и державу свою, какъ могъ онъ не избавиться собственнымъ жертвоприношеніемъ отъ униженій и продолжительнаго мученичества паденія своего?... Удивленіе легкомысленное и суетное! Наполеонъ долженъ былъ имѣть такую вѣру въ судьбу свою, столь чудесную и безпримѣрную, что онъ не могъ отчаяваться до послѣдней минуты: долженъ былъ

ждать и не сходить съ лица земли, пока земля носила его. Иначе Наполеонъ не былъ бы Наполеономъ.

Судьба, вознесшая его изъ скромной обители Корсиканской на престолъ Франціи и за двѣ или за три ступени отъ мечтательнаго царства всемірной державы, могла сорвать его съ утеса Св. Елены и бросить снова въ сшибку событій и народовъ. Физической невозможности, раціональной несбыточности тутъ не было: слѣдовательно довольно для оправданія суевѣрія его. Съ сей точки зрѣнія должно смотрѣть и на поведеніе его въ изгнаніи, на эти замашки, на этикетъ баснословнаго двора его, отъ коихъ онъ не отрекался, чтобы *собственнымъ сознаніемъ*, которое паче всѣхъ уликъ, не дать окончательной формальности произнесенному надъ нимъ приговору, и не подпасть, въ случаѣ непредвидимыхъ обстоятельствъ, устраненію, основанному на отрицательномъ правѣ давности. Вся эта Тюлльерійская комедія, разыгранная на домашнемъ театрѣ Св. Елены, разумѣется, смѣшна въ глазахъ равнодушія и философіи; но Наполеонъ, вѣроятно и самъ чувствуя безразсудность упрямства своего въ настоящемъ, хотѣлъ оставить себѣ на всякій случай въ будущемъ возможность сказать: rira bien qui rira le dernier. Въ разсматриваемой нами книгѣ находимъ замѣчательныя сужденія его о самоубійствѣ Катона послѣ неудачи его въ Утикѣ: «Поступокъ Катона «былъ одобренъ современниками его и расхваляемъ Исторіею. Но кому смерть его была полезна? Цезарю. Кого обрадовала она? Цезаря. Ко-

«му была она пагубна? Риму и партіи его. Но «скажутъ: онъ лучше рѣшился умереть, нежели «поддаться Цезарю. Кто жъ принуждалъ его подда-«ваться? За чѣмъ не послѣдовалъ онъ за конницею «или за единомышленниками своими, которые от-«правились изъ Утической пристани? Они собрали «партію свою въ Испаніи. Какое вліяніе имѣло бы «имя его, совѣты и присутствіе посреди десяти ле-«гіоновъ, которые въ слѣдующій годъ разновѣси-«ли жребій на ратномъ полѣ при Мундѣ! Даже и по-«слѣ этого пораженія, кто помѣшалъ бы ему слѣ-«довать моремъ за молодымъ Помпеемъ, который «пережилъ Цезаря и поддерживалъ еще долго со сла-«вою орлы Республики? Кассій и Брутъ, племян-«никъ и ученикъ Катона, умертвили себя на полѣ «сраженія при Филиппинѣ; Кассій убилъ себя, когда «Брутъ былъ побѣдителемъ; недоразумѣніемъ, от-«чаянными поступками, внушенными ложнымъ му-«жествомъ и ложными понятіями о величіи, они «доставили побѣду Тріумвирату. Марій, преданный «фортуною, былъ выше ея; изгнанный изъ-среди мо-«рей, онъ скрылся въ Минтурнскія болота; твердость «его была вознаграждена: онъ снова вступилъ въ Римъ «и былъ консуломъ въ седьмой разъ; старый, из-«нуренный и достигшій до высшей степени ща-«стія, онъ предалъ себя смерти, чтобы укрыться «отъ переворотовъ судьбы. Но когда партія его бы-«ла торжествующею, еслибъ книга судебъ была «раскрыта предъ Катономъ и увидѣлъ бы онъ въ «ней, что чрезъ четыре года Цезарь, пробитый «двадцати тремя ударами кинжаловъ, падетъ въ Се-

«натѣ къ подножію статуи Помпея, что Цицеронъ «вступитъ снова на ораторскую трибуну и прогремитъ съ нея свои филиппики противъ Антонія: то «Катонъ поднялъ ли бы руку на себя? Нѣтъ, онъ «предалъ себя смерти по досадѣ, изъ отчаянія. Смерть «его была слабостью великой души, заблужденіемъ «Стоика, пятномъ въ жизни его!»

Въ другомъ мѣстѣ, возвращаясь къ сему предмету, говоритъ онъ: «Какія услуги не оказалъ бы Катонъ, «еслибъ явился онъ въ Кордовѣ, посреди стана мо«лодыхъ Помпеевъ, коихъ партія, побѣжденная при «Фарсалахъ, при Тапсѣ, возраждалась изъ пепла сво«его! Таково было могущество ея въ мнѣніи наро«довъ! Такимъ образомъ смерть сего благонамѣрен«наго человѣка была бѣдствіемъ для Сената и для «Республики; въ немъ не достало терпѣнія, онъ не «умѣлъ выждать времени и обстоятельствъ.»

Далѣе продолжаетъ онъ: «Говорятъ, что Цезарь «былъ готовъ на самоубійство въ сраженіи при «Мундѣ; сіе намѣреніе было бы весьма бѣдственно «для партіи его: она была бы разбита какъ Брутъ «и Кассій!! Правитель, начальникъ партіи, можетъ «ли добровольно покинуть своихъ? Подобная рѣ«шимость можетъ ли быть признана за добродѣ«тель, мужество и великодушіе? Смерть не есть ли »конецъ всѣхъ бѣдствій, противоборствъ, усилій и «трудовъ, и пренебреженіе смертью не есть ли обы«кновенная добродѣтель каждаго воина? Хочешь ли, «должно ли дать себѣ смерть? Должно, отвѣчаютъ,

«когда остаешься безъ надежды? Но можетъ ли «кто, когда и какъ быть безъ надежды на этомъ «зыбкомъ театрѣ, гдѣ естественная или насиль«ственная смерть одного человѣка мгновенно измѣ«няетъ положеніе и порядокъ всѣхъ дѣлъ?..»

Заключеніе книги сей, въ которой излагаются послѣднія событія жизни Цезаря, смерть его и сужденія о ней, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ историческимъ отрывкамъ, когда либо писаннымъ. Тутъ Наполеонъ такъ тѣсно смѣшивается съ Цезаремъ единомысліемъ и соотвѣтственностью положеній, не смотря на различіе обстоятельствъ и времени, что читатель чувствуетъ, съ какимъ убѣжденіемъ и какъ задушевно вылились эти страницы изъ груди Наполеона: «Цезарь въ Римѣ! Партія «Помпея совершенно уничтожена; весь Римскій міръ «признаетъ надъ собою законъ побѣдителя. Сенатъ «именуетъ его Императоромъ и Диктаторомъ Без«смѣннымъ. Цезарь опредѣлилъ большое число се«наторовъ и патриціевъ. Онъ преобразовалъ календарь; приказалъ заняться составленіемъ кодекса «гражданскаго и уголовнаго. Онъ занялся про«ектами для украшенія Рима многими великолѣп«ными зданіями; заказалъ составленіе всеобщей «карты имперіи и статистической таблицы обла«стей; поручилъ Варрону образовать многочислен«ную публичную библіотеку; обнародовалъ про«ектъ осушить Понтинскія болота, вырыть новое «русло Тибру отъ Рима до моря, а въ Остіи рейду «удобную къ принятію огромнѣйшихъ кораблей;

«онъ говорилъ о прорѣзаніи Коринѳскаго Перешей-
«ка; онъ отправилъ колоніи, чтобы поднять Ко-
«ринѳъ и Карѳагенъ.

«Онъ искренно простилъ всѣмъ остаткамъ Пом-
«пеевой партіи и призвалъ къ высшимъ должно-
«стямъ начальниковъ знатнѣйшихъ домовъ патри-
«ціевъ; онъ повиновался чувству великодушія, ему
«свойственному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтамъ
«политики. Не народною ли партіею предводитель-
«ствуя, перешелъ онъ Рубиконъ? Не на нее ли опира-
«ясь, побѣдилъ гордость аристократіи, собравшей-
«ся вокругъ Помпея? Въ самомъ дѣлѣ, что могъ
«бы онъ совершить съ двумя или тремя легіонами?
«Какъ покорилъ бы онъ Италію и Римъ безъ осадъ
»и сраженій, еслибъ большинство рукъ Римлянъ и
«Итальянцевъ не было за него? Помпей, при
«началѣ междоусобной войны, имѣлъ два старые
«легіона и 30.000 человѣкъ у воротъ Рима: въ Кор-
«финіи имѣлъ онъ тридцать когортъ, Но народъ
«былъ противъ него: онъ долженъ былъ безъ боя
«оставить вѣчный градъ. Онъ переплылъ море, что-
«бы бѣжать на встрѣчу легіонамъ Азіатскимъ; онъ
«создалъ тамъ себѣ армію, былъ въ Греціи окру-
«женъ Сенатомъ и большинствомъ патриціевъ; но
«Цезарь съ перваго шага былъ властелиномъ Рима.

«Послѣ торжествъ при Фарсалахъ, Тапсѣ и Мундѣ,
«совершенномъ уничтоженіи партіи Помпея, партія
«народная и старые воины возвысили свои требо-
«ванія; голоса ихъ раздались, Цезарь почувствовалъ

«опасеніе; онъ прибѣгнулъ къ вліянію важнѣйшихъ «домовъ для обузданія тѣхъ и другихъ. Въ народахъ и въ революціяхъ аристократія завсегда существуетъ: уничтожаете ли вы ее въ дворянствѣ — «она тотчасъ переходитъ въ богатые и сильные домы средняго состоянія; уничтожаете ли вы ее и «тутъ — она всплываетъ и находитъ себѣ прибѣжище у начальниковъ мастерскаго класса и народа. Правитель ничего не выигрываетъ отъ этого «перемѣщенія аристократіи; напротивъ онъ приводитъ все въ прежній порядокъ, давая ей существовать въ ея естественномъ положеніи, преобразовывая древніе домы подъ новыя начала. Сей порядокъ былъ еще потребнѣе для Рима, который, «повелѣвая міромъ, имѣлъ нужду, для поддержанія «превосходства своего, въ сей волшебной силѣ, прикованной къ именамъ Сципіоновъ, Павловъ-Эмиліевъ, Метелловъ, Клавдіевъ, Фабіевъ, и пр. и пр., «которые были завоевателями, правителями, и въ «теченіе стольких вѣковъ имѣли вліяніе на судьбы Европы, Азіи, Африки.»

Неудача Римскихъ войскъ оставалась еще однакоже въ одномъ мѣстѣ безъ отмщенія: Крассъ погибъ съ войскомъ своимъ на берегахъ Эвфрата, и Римскіе орлы, оставшіеся въ рукахъ Парѳянъ, призывали согражданъ своихъ къ искупленію ихъ. «Цезарь» — говоритъ Наполеонъ — «объявилъ въ первыхъ «дняхъ 44 года намѣреніе переплыть море, покорить Парѳянъ и отмстить за прахъ Красса. Во «всю зиму онъ занимался приготовленіемъ къ сей

«великой экспедиціи, которую требовала слава Ри-«ма и польза Цезаря; дѣйствительно, послѣ междо-«усобной войны столь упорной, нужна была загра-«ничная война, чтобы смѣшать остатки всѣхъ пар-«тій и преобразовать войска народныя.»

Далѣе Наполеонъ разсматриваетъ затрудненія, связанныя съ симъ походомъ, и представляетъ предположенія свои къ одолѣнію оныхъ. Наполеонъ является тутъ начальникомъ штаба Цезаря; но и тому и другому былъ положенъ предѣлъ на срединѣ поприща къ цѣли, вѣчно удаляющейся по мѣрѣ приближенія къ ней. «Въ то время какъ сей великій «мужъ» — продолжаетъ Наполеонъ — «готовился ис-«полнить возвышенныя судьбы, обломки партіи «аристократической, уцѣлѣвшіе его великодушіемъ, «замыслили заговоръ противъ него; Брутъ и Кас-«сій были зачинщиками онаго. Брутъ былъ Стоикъ, «ученикъ Катона; Цезарь любилъ его и два раза «спасъ ему жизнь, но секта, къ коей онъ принад-«лежалъ, не допускала ничего, что бы могло смяг-«чить его. Исполненный понятій, преподаваемыхъ «въ Греческихъ школахъ противъ тиранніи, онъ при-«знавалъ законнымъ убійство человѣка, который «былъ выше законовъ. Цезарь, диктаторъ безсмѣн-«ный, управлялъ всемъ Римскимъ міромъ; онъ имѣлъ «призракъ Сената: оно и не могло быть иначе, по-«слѣ междоусобій Марія и Силлы, нарушенія законовъ «Помпеемъ, пяти лѣтъ междоусобной войны, при «такомъ большомъ числѣ ветерановъ, основавших-«ся въ Италіи, преданныхъ своимъ военачальни-

«камъ и ожидающимъ всего отъ величія нѣсколь-
«кихъ человѣковъ и ничего отъ Республики. Въ та-
«комъ положеніи, сіи совѣщательныя собранія не
«могли править; лице Цезаря было, слѣдовательно,
«залогомъ владычества Рима надъ міромъ и спо-
«койствія гражданъ всѣхъ партій; слѣдовательно,
«власть его была законна. Позднѣе, чтобы оправдать
«низкое и противополитическое убійство, заговор-
«щики и приверженцы ихъ предположили, что Це-
«зарь хотѣлъ наименовать себя Царемъ: предполо-
«женіе очевидно нелѣпое и лживое, которое одна-
«коже перешло изъ вѣка въ вѣкъ и признается
«нынѣ истиною историческою! Еслибъ Цезарь
«имѣлъ дѣло съ поколѣніемъ, которое видѣло Нуму,
«Туллія и Тарквиніевъ, онъ могъ бы прибѣгнуть,
«для укрѣпленія власти своей и прекращенія сом-
«нѣній и волненій Республики, къ формамъ прави-
«тельства, свято уважаемымъ и освященнымъ при-
«вычкою; но онъ жилъ среди народа, который въ
«пять сотъ лѣтъ не зналъ другой власти, кромѣ
«власти консуловъ, диктаторовъ, трибуновъ; досто-
«инство Царей было унижено, курульныя кресла
«были выше трона. На какой тронъ могъ бы всту-
«пить Цезарь? На тронъ Римскихъ Царей, коихъ
«власть простиралась до городскаго округа? На тронъ
«варварскихъ властителей Азіи, побѣжденныхъ Фа-
«бриціями, Сципіонами, Метеллами, Клавдіями, и пр.
«и пр.? Это была бы странная политика. Какъ!
«Цезарь искалъ бы безопасности, величія, уваженія
«въ вѣнцѣ, который носили Филиппы, Персеи, Ат-
«талы, Митридаты, Фарнаки, Птоломеи, когда гра-

«ждане видѣли ихъ всѣхъ влачимыхъ за торжест-«венною колесницею побѣдителей ихъ? Это слиш-«комъ нелѣпо!»

Изложивъ и опровергнувъ всѣ доводы, на коихъ *добрый Плутархъ, либеллистъ Светоній и нѣсколько другихъ писателей той же партіи* основали мнѣніе свое, столь неправдоподобное, Наполеонъ заключаетъ книгу свою слѣдующими словами: «Цезарь не могъ желать, не желалъ, ничего не сдѣ-«лалъ, а дѣлалъ все противное тому, въ чемъ об-«виняютъ его. Конечно не наканунѣ похода на Эв-«фратъ и открытія войны трудной рѣшился бы «онъ низпровергнуть формы, существующія уже въ «теченіи пяти сотъ лѣтъ, чтобы ввести новыя. Кто «правилъ бы Римомъ въ отсутствіе Царя? Регентъ, «губернаторъ, вице-король, тогда какъ Римъ прі-«ученъ былъ управляться консуломъ, преторомъ, «Сенатомъ, трибунами?..

«Принося на жертву Цезаря, Брутъ поддался пред-«разсудку воспитанія, почерпнутому въ Греческихъ «школахъ; онъ примѣнилъ его къ темнымъ тиран-«намъ Пелопонезскимъ, которые съ помощію иска-«тельствъ и пронырствъ похищали власть надъ го-«родомъ: онъ не хотѣлъ видѣть, что власть Цезаря «была законна, потому что она была нужна и охра-«нительна, потому что она соблюдала всѣ выгоды «Рима, потому что она была дѣйствіемъ мнѣнія и «воли народа. Цезарь умершій былъ замѣщенъ Ан-«тоніемъ, Октавіемъ, Тиберіемъ, Нерономъ,—и въ

«слѣдъ за этимъ всѣ человѣческія соображенія бы-«ли истощены въ теченіи шести сотъ лѣтъ; но ни «Республика, ни царская монархія не явилась: вѣр-«ное доказательство, что ни та, ни другая не были «болѣе въ соотношеніи съ событіями и вѣкомъ. Це-«зарь не хотѣлъ быть Царемъ, потому что онъ не «могъ хотѣть того, ибо послѣ него въ теченіи шести «сотъ лѣтъ ни одинъ изъ преемниковъ его не хотѣлъ.»

Какъ замѣчательны эти отрывки! Какая ясность и твердость въ изложеніи! Все это вырѣзано на мѣди. Выпуклости, внѣшнихъ украшеній нѣтъ, но все глубоко и прочно. Если Наполеонъ былъ мастеръ работать для Исторіи, то здѣсь является онъ мастеромъ и въ разработываніи Исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что книга сія останется навсегда первокласнымъ историческимъ памятникомъ, на коемъ можно бы надписать: *Цезарю первому Цезарь второй.* Къ сему творенію приложены еще три отрывка также, продиктованные Наполеономъ: о второй книгѣ Энеиды, о трагедіи Вольтера «Магометъ», и о Самоубійствѣ. Помышлялъ ли бѣдный Виргилій, что онъ подпадетъ подъ стратегическую критику полководца новѣйшихъ временъ, который говоритъ, что «деревянный конь могъ «быть народнымъ преданіемъ, но что сіе преданіе «нелѣпо и недостойно поэмы эпической, что ниче-«го подобнаго этому нѣтъ въ Иліадѣ, гдѣ все со-«образно съ истиною и дѣйствіями военными.» «Пред-«полагая» — говоритъ Наполеонъ — «что этотъ конь «могъ вмѣстить только сотню воиновъ, то и тогда «былъ бы онъ тяжести огромной, и нѣтъ вѣроятности,

« чтобы могли перетащить его въ одинъ день съ « берега моря подъ стѣны Иліона, особенно при пе- « реходѣ чрезъ двѣ рѣки. »

Разрушеніе Трои также не правдоподобно. « Все « дѣйствіе второй книги »—говоритъ критикъ—« про- « должается отъ часа по полуночи до восхожденія « солнца, слѣдственно въ промежутокъ трехъ или « четырехъ часовъ: это нелѣпо. Троя не могла быть « взята, сожжена и разрушена ранѣе пятнадцати дней: « Троя вмѣщала въ себѣ армію; сія армія не спа- « слась бѣгствомъ, слѣдовательно она должна была « обороняться во всѣхъ дворцахъ. » Что тутъ и воз- ражать! Наполеонъ умѣлъ брать города: ему и кни- ги въ руки, и Виргиліева книга также!

« Еслибъ Гомеръ » — продолжаетъ Наполеонъ — « взялся за описаніе приступа Трои, онъ не описалъ « бы его какъ приступъ укрѣпленія, но положилъ бы « на это дѣйствіе нужное время: по крайней мѣрѣ « восемь дней и восемь ночей. Читая Иліаду, чув- « ствуешь на каждомъ шагу, что Гомеръ былъ на « войнѣ и не провелъ жизни своей, какъ утверждаютъ « комментаторы, въ Хіосскихъ училищахъ; читая Эне- « иду, чувствуешь, что она написана школьнымъ ре- « гентомъ, который никогда ничего не дѣлалъ. » О пожарѣ Трои замѣчаетъ онъ: « Сципіону нужно бы- « ло семнадцать дней, чтобы сжечь Карѳагенъ, по- « кинутый жителями: нужно было одиннадцать дней » « чтобы сжечь Москву, хотя обстроенную большею « частію деревянными зданіями! — Не такъ должна

«подвигаться эпопея и не такъ выступаетъ Гомеръ «въ Иліадѣ. Журналъ Агамемнона не былъ бы точнѣе «въ исчисленіи разстояній и времени въ правдоподо-« біи военныхъ дѣйствій, чѣмъ это высокое твореніе.»

Наполеонъ не любилъ Вольтера. Тутъ вѣроятно дѣйствовало не столько литтературное, сколько политическое убѣжденіе. Ему нуженъ былъ болѣе всего порядокъ; а Вольтеръ по свойству ума и страстей своихъ былъ во многомъ нарушитель порядка. Наполеонъ видѣлъ въ Вольтерѣ *идеолога*, а Идеологія была ненавистна его практической и зиждительной природѣ. Вольтеръ былъ насмѣшникъ, а Наполеонъ не любилъ насмѣшки, даже и до него не касающейся, потому что насмѣшка есть орудіе независимости, ускользающее отъ управы, и особенно во Франціи—всесильное. Разбирая трагедію «Магометъ», несообразности ея историческія и нравственныя, и предлагая, что̀ въ ней слѣдовало бы измѣнить, Наполеонъ говоритъ между прочимъ: «Чтобы «твореніе «Магометъ» было истинно достойнымъ Фран-«цузской сцены, нужно, чтобы оно могло быть «читано безъ негодованія просвѣщенными людьми «въ Константинополѣ, равно какъ и въ Парижѣ.» Какое вѣрное замѣчаніе, свѣтлое и глубокое опредѣленіе исторической трагедіи! Какъ падаютъ предъ ней съ возвышенной славы своей всѣ драматическія творенія, написанныя съ талантомъ, но въ духѣ сочинителя, вѣка его и его общества, а не въ духѣ и не въ атмосферѣ той сферы, изъ коей вызвали они своихъ героевъ.

Заключимъ нашу статью выпискою *ноты о Самоубійствѣ.*

10 Августа 1820.

«Имѣетъ ли человѣкъ право умертвить себя? Имѣетъ, если смерть его не вредитъ никому, и если жизнь для него есть зло.

«Когда жизнь бываетъ зломъ для человѣка? Когда она обѣщаетъ ему однѣ страданія и скорби. Но страданія и скорби могутъ измѣняться ежеминутно, и слѣдовательно нѣтъ ни одной минуты жизни, гдѣ человѣкъ имѣлъ бы право себя убить; эта минута могла бы наступить только въ часъ смерти его, ибо только тогда убѣдился бы онъ, что вся жизнь его была сцѣпленіе бѣдъ и страданій. Нѣтъ человѣка, которому нѣсколько разъ въ жизни не приходило бы—въ нравственномъ изнеможеніи, подъ силою ощущенія души своей—желанія умертвить себя, и которому, спустя нѣсколько дней, не пришлось бы отъ перемѣны въ ощущеніяхъ и обстоятельствахъ радоваться тому, что замыслъ его не совершился.

«Человѣкъ, который убилъ бы себя въ понедѣльникъ, могъ бы желать жить въ субботу; а между тѣмъ убиваешь себя единожды! Жизнь человѣка образуется изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; и такъ потребно, чтобы жизнь была бѣдствіемъ для него, если не въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и будущемъ. Но, если она бѣдствіе только въ настоящемъ, то онъ жертвуетъ будущимъ. Бѣды одного

дня не даютъ ему права жертвовать своею слѣдующею жизнію. Человѣкъ, коего жизнь есть бѣдствіе, и который имѣлъ бы увѣренность — чего допустить нельзя — что она была бы бѣдствіемъ и навсегда, безъ измѣненія въ положеніи и волѣ, безъ перемѣны отъ обстоятельствъ, привычки, или хода времени — что также невозможно, — тотъ одинъ имѣлъ бы право убить себя.

«Человѣкъ, который, изнемогая подъ бременемъ наличныхъ золъ, предаетъ себя смерти, совершаетъ несправедливость противъ самого себя, повинуется изъ отчаянія и слабости прихоти минуты, жертвуя ей всею жизнью.

«Сравненіе съ рукою пораженною антоновымъ огнемъ, которую отсѣкаютъ, чтобы спасти тѣло, — не хорошо. Когда хирургъ отпиливаетъ руку, онъ убѣжденъ, что она дала бы смерть тѣлу: это не чувство, а дѣйствительность; напротивъ же, когда страданіями своими человѣкъ покушается на жизнь свою, онъ не только полагаетъ конецъ страданіямъ своимъ, но еще низпровергаетъ будущее: человѣкъ никогда не раскается, что далъ себѣ руку отрѣзать, но можетъ раскаяться и почти всегда долженъ былъ бы раскаяться, что нанесъ себѣ смерть.»

В.

НОВАЯ ПОЭМА Э. КИНЕ.

Napoleon, poéme par Edgar Quinet. Paris 1836.

Наши времена не эпическія. Тому много причинъ; войти въ подробное и полное изслѣдованіе оныхъ невозможно въ краткомъ объемѣ журнальной статьи. Міръ нравственный и политическій имѣетъ свои эпохи подобно міру физическому; нѣкоторыхъ изъ допотопныхъ животныхъ не доискиваются въ мірѣ живущихъ, земля старѣетъ и стынетъ: нравственная почва также. Новыя явленія замѣнили на ней отжившія свой вѣкъ. Можетъ быть, нѣтъ новѣйшей эпической поэзіи по той же причинѣ, по коей нѣтъ новѣйшей скульптуры: люди тѣ же, но иначе одѣты. Герои нашего времени носятъ трехугольныя шляпы и галстухи; скульптура любитъ обнаженныя головы и шеи: потому и принуждена она нынѣ высѣкать рѣзцемъ своимъ вѣковѣчные анахронизмы и противоестественныя натяжки. Статуи на-

ши стоятъ на лѣтнемъ положеніи на вьюгѣ и на морозѣ, подъ небомъ, не имѣющимъ *аттицизма* неба Фидіасовъ. Если новому статуарію и придетъ мысль прикрыть героя своего знакомою шляпою и знакомымъ сюртукомъ, то это уже по необходимости, не въ примѣръ другимъ, и то къ соблазну и къ ужасу присяжныхъ жрецовъ изящнаго, которые впрочемъ по искусству правы, но также правъ и художникъ, по совѣсти. Дѣло въ томъ, что хотятъ невозможнаго: хотятъ разрѣшенія задачи неразрѣшимой. Должно принести на жертву искусство, или истину, и истину не отвлеченную, а народную, площадную, и слѣдовательно неприкосновенную. Примиренія тутъ быть не можетъ. Имѣть условную одежду для изображенія современныхъ знаменитостей — то же, что имѣть бы для нихъ условныя черты и особый окладъ лица героическій по правиламъ ваятельной риторики.

Вѣкъ нашъ допытливъ, изслѣдователенъ, до крайности привязчивъ, мнителенъ, правдивъ, и если лжетъ, то развѣ самому себѣ, и то изъ безусловной, фанатической любви къ истинѣ; а гдѣ клятва тамъ и преступленіе. На эпическую эпоху нахлынулъ также потопъ всеобъемлющій: потопъ книгопечатанія. Нѣтъ великаго человѣка въ глазахъ каммердинера: нѣтъ эпическихъ событій и лицъ для журналистовъ, біографовъ, лазутчиковъ во станѣ живыхъ и мертвыхъ. Великіе люди *допотопные* не знали ни каммердинеровъ, ни журналистовъ; имъ легко было показываться свѣту во всеоружіи сво-

емъ сквозь увеличительное и разноцвѣтное стекло преданій. Нынѣшнія дѣйствующія лица разсматриваются въ микроскопы, которые на бѣлой, пухлой рукѣ красавицы найдутъ тысячи рытвинъ и бородавокъ, и въ розѣ миріады отвратительныхъ чудовищъ. Исторія была прежде жертвоприношеніе, апоѳеозное служеніе: нынѣ она сомнѣніе, изобличеніе и отрицаніе. Какая эпопея, то есть какое эпическое суевѣріе можетъ устоять въ Европѣ послѣ *Опыта о нравахъ народовъ* Вольтера, *Записокъ* герцога Сенъ-Симона, *Изысканій о свойствахъ и причинахъ богатства народовъ* Адама Смидта, политическихъ эпиграммъ Талейрана, въ виду стоглазой, сторучной журналистики, которая лежитъ на порогѣ храма славы,

Чудовище обло-озорно, огромно, стозѣвно и лаяй! . . .

Можетъ ли устоять личное и рукопашное богатырство предъ изобрѣтеніемъ пороха и стратегическими сочиненіями барона Жомини? Гдѣ искать любви послѣ романовъ Кребильона-сына, Лакло, Луве и Жоржа Занда, женщины, которая пишетъ какъ прежде мужчины не читали? Всему есть время, и возрастъ на возрастъ не приходится.

Если однакоже есть лице въ новѣйшія времена, которое могло бы *позировать* предъ эпическимъ поэтомъ, то развѣ Наполеонъ; ибо жизнь его есть эпопея, Во всякомъ случаѣ станетъ его на Одиссею, если не стало бы терпѣнія его на десятилѣтнюю осаду Илліона. По холсту, растянутому для изобра-

женія странствованій его отъ Альповъ до пирамидъ, отъ пирамидъ до Кремля, отъ Кремля до скалы Св. Елены,— есть гдѣ кисти поразгуляться. Въ группахъ, въ массахъ, въ движеніи, въ эффектахъ, въ сшибкахъ свѣта и тьмы также недостатка не будетъ. Въ немъ являются судьба, цѣлвій міръ, олицетворившіеся въ одномъ человѣкѣ, который себя и кругомъ себя все пересоздалъ и самъ пережилъ себя и созданіе свое. Это Ахиллъ невредимый, и также какъ тотъ имѣвшій свое слабое мѣсто: властолюбіе, за которое держала его фортуна, когда закаляла въ водахъ Стикса, въ водахъ жизни и смерти, и предала съ этой стороны на произволъ собственныхъ страстей и ударовъ возмездія и мщенія. Неоспоримо, Наполеонъ — лице эпическое, эпическая стихія съ своимъ Олимпомъ и адомъ и всѣмъ, что только могло умѣститься въ широкой головѣ Гомера. Исторія, Философія могутъ оспоривать нѣкоторыя изъ правъ его на титулъ *великаго*, если титулъ сей долженъ быть окончательно освященъ памятью и благодарностью человѣчества; но поэзія не откажетъ ему въ титлѣ *поэтическаго исполина*, и сохранитъ его въ своихъ преданіяхъ. Такъ, есть для эпическаго поэта дѣйствующее лице, есть сцена; но партера нѣтъ, то есть, прежняго благосклоннаго партера, партера вѣрующаго, преданнаго, страстнаго, идолопоклоннаго, предъ коимъ разыгрывались древнія эпопеи. Нынѣ въ партерѣ сидитъ ученая, прагматическая, взыскательная критика, готовая раздѣть героя до послѣдней нитки и перебрать кулиссы и машины до послѣдней щепки.

Она садится рядомъ съ суфлёромъ въ узкую яму его, чтобы оградить себя отъ всякихъ сценическихъ обольщеній, буквально слѣдовать за дѣйствіемъ, и караулить героя какъ неотступный тюремщикъ.

Къ тому же и въ самомъ стихотворческомъ исполненіи и въ самой формѣ встрѣчаются затрудненія и препятствія. Эпическая поэма требуетъ въ поэтѣ и въ читателѣ богатырской силы; а наше поколѣніе скоро задыхается: можно сказать, что оно запалено. Выраженіе »ouvrage de longue haleine»— выраженіе другаго вѣка, особенно въ поэзіи. Мы можемъ выдержать нѣсколько сотъ стиховъ, за тысячу переходимъ уже съ трудомъ, и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы читать ихъ, какъ Италіянская публика слушаетъ свою оперу: минуя речитативы и обращая вниманіе на однѣ эффектныя аріи; такъ что Байронъ, поэтическій типъ нашего вѣка, написалъ всѣ свои поэмы безъ *речитативовъ*, означивъ точками пробѣлы своихъ поэтическихъ партицій. Доказываетъ ли это, что мы болѣе поэты, то есть, одарены живѣйшимъ поэтическимъ чувствомъ, нежели наши предки, которые часто довольствовались одною формою, когда мы требуемъ вездѣ и всегда раздражающихъ впечатлѣній, или что мы просто лѣнивѣе и менѣе совѣстливы ихъ — не знаю. Можетъ быть и то и другое вмѣстѣ, но результатъ тотъ же и не опровергаемъ. Новая поэма Ламартина «Jocelyn» служитъ тому доказательствомъ. Два толстые тома стиховъ пугаютъ современное любопытство, и первое впечатлѣніе, произ-

веденное однимъ глазомѣромъ, уже не въ пользу поэта. Между тѣмъ и сія поэма эпизодическая, отрывчатая, обрубленная, безъ связей, переходовъ, вынужденныхъ общими правилами для полноты и нераздѣлимости цѣлаго.

Эдгаръ Кине также согласовался съ потребностью времени: поэма его — собраніе отдѣльныхъ главъ, отдѣльныхъ картинъ, разнообразныхъ и формою и красками своими. Въ этомъ устройствѣ есть сознаніе поэтическаго чувства. Если избрать въ нашемъ времени лице эпической поэмы, то развѣ Наполеона; если есть возможная форма для новѣйшей эпопеи, то развѣ форма Испанскихъ романсовъ о Сидѣ. Смотря по содержанію, пѣснопѣвецъ Наполеона переходитъ отъ простонародной баллады до возвышенной оды, отъ героиды къ элегіи. Метръ его измѣняется съ ходомъ предмета. Это мысль счастливая и успѣхъ! Давно уже классическій Мармонтель говорилъ, что если необходимо писать поэмы съ риѳмами, то должно бы переломить ихъ однообразіе введеніемъ стиховъ различной мѣры, не перемѣшанныхъ на удачу, какъ то бываетъ въ вольныхъ стихотвореніяхъ, но примѣняя ихъ къ различнымъ содержаніямъ, сообразно съ удобствомъ метра: такъ напр. пятистопный стихъ, какъ простѣйшій, къ мѣстамъ патетическимъ, шестистопный къ повѣствованіямъ плавнымъ и величественнымъ, четырехстопный къ движеніямъ лирическимъ, и такъ далѣе. Вѣроятно не старикъ Мармонтель надоумилъ Эдгара Кине, ибо новѣйшее поколѣніе Фран-

цузской литтературы не признаетъ предковъ и законодателей: оно не хуже нѣкоторыхъ изъ нашихъ корифеевъ ругается именами памятными только однимъ старовѣрцамъ; но мы хотѣли при этомъ случаѣ мимоходомъ показать, что не всѣ нововведенія сегоднишнія, а что есть между ими кое-что и вчерашняго.

Эдгаръ Кине принадлежитъ къ сей школѣ юной Франціи, въ которой есть безъ сомнѣнія много талантовъ и много грядущаго, но еще, можетъ быть, болѣе молодости, то есть заносчивости, самонадѣянности и броженія. Нужно ей перебѣситься и осѣсться. Поворотъ отъ правильной, мѣрной, плавной, *Виргиліевской* литтературы, основанной во Франціи Расиномъ и Фенелономъ, былъ слишкомъ крутъ. Впрочемъ не одну литтературу круто повернули во Франціи; а литтература, какъ и всякая теорія, нѣсколько опрометчива и слѣпо кидается впередъ, не заботясь, слѣдуетъ ли за нею и можетъ ли слѣдовать дѣйствительность. Конечно литтература Версальская, Академическая, литтература монархіи Людовика XIV и даже литтература мятежнаго XVIII вѣка, которая при всей отважности и разрушительности въ понятіяхъ и системахъ своихъ, свято почитала неприкосновенность существовавшихъ формъ, которая въ Вольтерѣ имѣла посягателя на всѣ преданія, за исключеніемъ преданій Депрео и Расина, — эта литтература имѣла въ себѣ что-то слишкомъ условное, исключительное, выдѣланное до разслабленія, до истощенія самой природы. Новые умы почувствовали сей недоста-

токъ, сей недугъ, сію смерть того, что перешло имъ въ наслѣдство. Они убѣдились, что лежащій предъ ними трупъ украшенъ, подновленъ уже до последней степени возможности и искусства въ бальзамированіи тѣлъ, что тутъ творить болѣе нечего, а только прикрывать новыми слоями старые, и работать надъ дѣломъ конченнымъ. Тогда кинулись они въ другую сторону искать новыхъ стихій, и забѣжали въ противоположную крайность. Жизни, жизни хотятъ они! во что бы ни стало — жизни, хотя судорожной, изступленной, но жизни новой, чтобы не сбивалась на прежнюю, уже совершившую кругъ дѣйствія своего и оборвавшую на семъ пути всѣ цвѣты, всѣ плоды, всѣ сѣмена будущей жатвы. Теперь должно ожидать появленія между ими жизнодателя подобно Расину, который приведетъ въ стройную цѣлость эти разбросанные гальванизированные недоростки жизни. Должно сознаться, что въ сущности нынѣшняя Французская литтература ближе къ природѣ и правдоподобнѣе, нежели прежняя; но въ выраженіи своемъ она все еще изыскана, натянута, и въ самомъ выборѣ стихій своихъ держится болѣе уклоненій, исключеній Природы, нежели постояннаго и правильнаго явленія силъ ея. Это усиленная школа Микель-Анджела, которая сама—отпечатокъ школы Лаокооновской, а не Аполлона Бельведерскаго: напряженные мускулы, вздутыя жилы, выраженіе борьбы, слѣдовательно силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страданія. Вѣроятно, и сіе направленіе литтературы есть также слѣдствіе господствующаго побужденія отдѣлить себя отъ предшедшаго и опасеніе сбиться сно-

ва на Египетскую бальзамировку. Странны свойства сей новой литтературы: то откровенна она до наготы и до наглости, то самую наготу прикрываетъ безполезными украшеніями! Она *татуируетъ* себя, какъ будто совѣстясь показаться въ состояніи непорочности и пренебрегая между тѣмъ благопристойно завѣсить свое грѣшное тѣло. Это дикая островитянка, которая является къ вамъ голая, но съ серьгами въ ноздряхъ. Побрякушки роскоши, привитыя къ природной первобытности: смѣшеніе жалкое и отвратительное! Хочетъ ли новая литтература попасть на простоту? Она не за-просто проста, а съ усиліемъ. Простота не легко дается: это святыня, которая требуетъ особеннаго призванія и долгаго очищенія. Простота должна быть какъ благодѣяніе, такъ что лѣвая рука не вѣдаетъ о милостынѣ, подаваемой правою. Будьте просты, не думая о простотѣ, не зная, что вы просты: тогда узнаютъ и убѣдятся въ томъ другіе. Истина и простота—вотъ двѣ главныя стихіи поэзіи; въ нихъ талантъ отыщетъ силу и возвышенность. Этихъ стихій именно еще и нѣтъ у Французовъ. Онѣ предугаданы избранными умами. Лучшіе таланты ихъ озабочены, обданы сею алчною тоскою, жаждою струи животочивой, сими страданіями, которыя должны разрѣшиться плодомъ истины и жизни, и обѣщаютъ успѣхъ; но пока еще они болѣзненно мечутся въ разныя стороны и сбиваются въ исканіяхъ своихъ.—Мысль написать поэму «Наполеонъ» не по образцу Генріады есть неоспоримо уже слѣдствіе поэтическаго убѣжденія; это есть уже успѣхъ, но этимъ почти и ограничи-

вается поэтическое, существенное достоинство поэмы. Въ исполненіи мысль искажена, и рукодѣліе поэта задушило зародышъ воображенія его. Наполеонъ столь еще живъ не только въ памяти нашей, но такъ сказать и въ глазахъ нашихъ, что поэзія должна быть въ семъ случаѣ живописью, живописью историческою—и только! Не заботьтесь о томъ, какъ опоэтизировать вашъ предметъ, какъ позолотить ваше золото. Стоя на берегу моря, не думайте, какъ бы хорошо изъ этой воды подѣлать фонтаны и скачущіе водометы. Овладѣйте предметомъ вашимъ чистыми, немудрыми, святобоязненными руками — и поэзія сама брызнетъ изъ него до небесъ и прянетъ широкими разливами! Въ поэмѣ Эдгара Кине истина нигдѣ не встрѣчена прямо въ лице, нигдѣ нѣтъ *собственнаго слова,* а все обиняки, метафоры, все Делилевская муза, которой страстно хотѣлось описать кошку, слона, лошадь, но никогда не доставало духа наименовать слона слономъ, лошадь лошадью, и такъ далѣе, — которая всегда надѣвала шелковыя перчатки, срывая землянику въ полѣ, всегда играла въ « оттадай не скажу ». У поэта Наполеонъ послѣ Ваграмской битвы пишетъ, или диктуетъ письмо, къ Жозефинѣ.—Вотъ какъ Эдгаръ Кине приступаетъ къ тому:

Grand maréchal, voici le jour!
Avec la plume d'un vautour,
Avant que l'aube ne blanchisse,
Ecrivez en lettres de sang:
Du bourg de Wagram, en son camp
L'Empereur à l'Impératrice, etc. etc.

Смѣшно, потому что не вѣрно. Стихи сами по себѣ не дурны. Герою фантастическому можно бы допустить коршуна и кровь на мѣсто чернилъ; но когда идетъ дѣло о Наполеонѣ, то выйдетъ каррикатура. Въ Наполеонѣ нечего преувеличивать и усиливать природу: представьте просто и вѣрно, какъ Наполеонъ, на разсвѣтѣ, послѣ побѣды, пишетъ къ женѣ своей,—тутъ будетъ поэзія, потому что фактъ поэтическій; а здѣсь ея нѣтъ. Къ чему дѣлать изъ Наполеона какого-то чернокнижника? Кровью не удивишь ни его, ни тѣхъ, которые знали его. Кровь у него была, по несчатью, не фигура риторическая! Къ тому же Наполеонъ имѣлъ и въ литтературѣ и въ искусствѣ удивительную вѣрность чувства и вкуса: извѣстны совѣты, которые онъ давалъ Тальмѣ, требуя отъ него болѣе простоты и критикуя игру его въ ролѣ Нерона въ сценѣ съ Агриппиною. «И Неронъ дома у себя»—замѣчалъ онъ ему—«говорилъ безъ сомнѣнія за-просто, какъ я теперь говорю съ вами; а вы всегда хотите выказывать въ немъ Царя, драпируете его царскою мантіею и заставляете говорить его какъ будто предъ народомъ, или въ совѣтѣ владыкъ».

Описываетъ ли поэтъ Летицію, посмотрите куда его бросаетъ: какъ будто сила и поэзія не въ сходствѣ, а сходство не въ дѣйствительности!

Ecoutez! je vois dans la plaine
Une coupe d'albâtre pleine;
Non, c'est une vigne en son clos,
Un aigle et son petit éclos.

Non, non, ce n' est pas une vigne
Mariée á l'acacia.
Sous son voile, blanc comme un cygne,
C'est madame Letitia.

Эти стихи дурны не только потому, что они смѣшны и можно сказать нелѣпы, но главный ихъ порокъ не въ недостаткѣ поэтическаго искусства, а въ отсутствіи поэтической совѣсти. Будто мать Наполеона не есть уже природное поэтическое лице, которое можно выставить прямо, не дѣлая изъ нея какого-то уродливаго поэтическаго, или антипоэтическаго калейдоскопа? Я видѣлъ въ Римѣ мать Наполеона за годъ до ея смерти: развалину въ городѣ вѣковѣчныхъ развалинъ. Въ уединенномъ палацѣ ея, на концѣ Corso, обремененная лѣтами, бѣдствіями и недугами, слѣпая, безногая, прикованная къ кресламъ своимъ, какъ сынъ ея нѣкогда къ скалѣ, она доживала вѣкъ свой одинокая, вдали отъ дѣтей, разлученныхъ съ нею силою обстоятельствъ, пережившая изъ нихъ многихъ и многое, и бесѣдующая въ мракѣ своемъ съ тѣнями минувшаго! Поэзія, пробужденная въ душѣ впечатлѣніемъ сей картины, сей разительной дѣйствитетьности, не была ли выше всякой другой поэзіи, изысканной и гіероглифической? Чтó видѣлъ я, то видѣли и другіе, знаютъ всѣ: каждый изъ современниковъ свыкся по собственнымъ впечатлѣніямъ, или по разсказамъ, съ симъ историческимъ лицемъ, и никому (развѣ въ бреду горячки) не приходило въ голову представить себѣ Летицію въ видѣ *чаши на степи*, или *виноградной лозы, за-мужемъ за акаціевымъ деревомъ*. Вотъ по-

чему современная поэзія должна быть особенно *буквальная:* въ этомъ случаѣ *духъ* именно въ *буквѣ* и заключается, точно какъ достоинство и душа портрета въ рабскомъ сходствѣ. Аллегорическіе портреты не удовлетворяютъ истинному чувству: оно требуетъ не холодной отвлеченности, а живой и теплой дѣйствительности.

Впрочемъ Кине не безъ таланта, особенно если смотрѣть на эту поэму, какъ на первый опытъ въ стихотворствѣ. Въ предисловіи сказано, что съ самаго дѣтства не писалъ онъ ни одного стиха. Жаль! Стихотворство — ремесло, какъ и другое; должно сперва набить руку, а потомъ уже браться и за работу на славу: Рафаэль началъ не *Преображеніемъ.* — Можетъ быть, отъ того, что эта поэма попытка, и есть въ ней много подражательнаго, вопрски всѣмъ притязаніямъ на особенность. Въ стихахъ Кине невольно отзываются и Ламартинъ, и Гюго, и народный поэтъ - трибунъ Барбье. Духъ бодръ, но рука немощна. Справиться со стихомъ не бездѣлица. Лучшіе стихи встрѣчаются въ восточныхъ отрывкахъ: les Pyramides, le Pacha, le Chamelier, l'Iman, le Désert. Оно такъ и быть должно: восточная поэзія есть такъ сказать поэзія ученическая, поэзія несовершеннолѣтнихъ. Роскошь красокъ, фигуръ, сравненій, прилагательныхъ — все это легче дается, нежели положительная мысль, простое чувство, голыя существительныя, которыя должно одѣть и украсить вѣрностью и свѣжестью выраженія. На примѣръ:

Au bord de l'orient.

Les tombeaux ont parlé. Dans ses citernes vides
Le désert avoit soif au pied des pyramides;
Et le désert a bu son outre de géant.

Или:

Maintenant, écoutez, l'oreille contre terre!
Le grand désert bondit ainsi qu'une panthère.
Malheur au mécréant qui trop tôt l'éveilla!
Pour toujours il remplit ses vides pyramides
Des cent voix de l'épée et d'échos homicides;
Et l'écho du désert redit partout: Allah!

Пирамиды ожидая Наполеона говорятъ:

Où l'as-tu vu passer, vent qui viens d'Italie?
Où l'as-tu vu passer, mer d'orages remplie?
Dis, viendra-t-il bientôt, ou ce soir, ou demain,
A un pélerin d'Alep demander mon chemin?
De mon faîte éternel si je pouvais descendre,
J'irais, agenouillée, au bord des flots l'attendre.

Jamais en mon désert rien n'a laissé de trace,
Ni peuple, ni Cité, que d'un souffle j'efface.
Ainsi qu'un livre ouvert, avec sa marge d'or,
Où pas un mot entier ne s'aperçoit encor,
Pour écrire le nom de ses jours à venir,
Tout mon sable s'étend de Thèbes jusqu'à Tyr.

Эти стихи въ восточномъ родѣ не дурны. Къ тому же подобная поэзія отчасти и кстати когда идетъ рѣчь о Египетскомъ Наполеонѣ. Не смотря на простоту свою, онъ имѣлъ иногда восточныя выходки и вдавался въ *пирамидальное* краснорѣчіе. Не даромъ также любилъ онъ Оссіана и туманную поэзію его, сбивающуюся на солнечную поэзію Во-

стока. Кине перенесъ свои восточныя краски и кисть въ Москву съ примѣсью поэзіи фантастической. Тутъ чего хочешь, того просишь; только не просите Географіи.

Et plus loin que l'Atlas, plus loin que le Thabor,
Mais plus près que l'Oural, avec ses sables d'or,
Une ville aux cent tours, perdue en la tempête,
Sur le bord des frimas, avoit bâti son faîte,
Et l'aigle Moscovite au bout de l'univers
Avoit caché son front sous l'aile des hivers.

Comment ai-je pu dire une aigle et son aiglon?
Ce n'étoit pas une aire au repli d'un vallon.
Au pied du vieux Kremlin, c'étoit Moscou la sainte!
Ah! que de hautes tours qui gardoient son enceinte!
Que de canons bâilloient à travers ses créneaux
Comme en leur gîte obscur de jeunes lionceaux.

Non! non! ce n'étoit pas une lionne au gîte.
C'étoit Moscou la grande où tout un peuple habite,
Oh! que de toits dorés! de coupoles d'étain!
Oh! que de minarets blanchissans au matin,
Sous leur turban de neige y rêvaient du Bosphore,
Comme fait la sultane en attendant l'aurore.

Plus belle qu'au matin, la sultane au sérail,
C'étoit Moscou la belle et son peuple en travail.
Car les gnomes frileux des glaciers du Caucase
Tremblans, avoient assis les dômes sur leur base:
Et les nains de l'Oural sous leurs tentes de crin,
Avoient forgé ses clefs et ses portes d'airain.

Кажется, Москва произвела надъ поэтомъ то же дѣйствіе, что и Летиція въ началѣ поэмы: головокруженіе и оптическое обаяніе. — Чего не видитъ онъ въ Москвѣ? Все, кромѣ Москвы.

Наполеонъ входитъ въ Москву и говоритъ:

Mon âme, allons! debout! et sans nous en dédire,
Pour la dernière fois jouons ici l'empire.
Demain la Providence, aujourd'hui le hasard.
Ne faisons pas attendre ainsi sur son rempart
Moscou, la ville sainte, en ses habits de fête.
La porte s'ouvre. Allons! entrons en ma conquête.

Mais voyez! sur le seuil, dès qu'il a mis le pied,
Les portes après lui se brisent à moitiè.
Les tours, les hautes tours de colère enivrées
Jettent bas leur créneaux, leur coupoles dorées;
Hurlantes jour et nuit, autour de la cité,
Comme fait la panthère, en son gîte insulté.

Adieu les minarets! adieu les vastes dômes!
—Adieu vieille Babel....

Пропускаемъ нѣсколько еще библейскихъ эпитетовъ, не знаемъ почему приписываемыхъ Москвѣ, la ville sainte. Наконецъ:

Tout s'écroule à la fois. Sous le souffle de Dieu
La cité s'est changée en une mer de feu,
Où comme les vaisseaux qui passent vers Candie
Les palais sur le flanc sombrent dans l'incendie;
Et la vague sanglante en léchant son, rivage,
Ouvre sa large gueule et dévore la plage.

Ah! Sire! c'en est fait! fuyez comme un faucon.
Voyez! voyez au loin, du haut de son balcon
La tour de Saint-Ivan, ainsi qu'une sorcière,
Se balance en hurlant sur l'immense chaudière;
Et comme le berger qui rallume son feu
Voyez sur le brasier, la main, la main de Dieu!

C'en est fait! un royaume a passé comme une ombre.
Tout pâlit; tout se tait; la nuit est froide et sombre.
Rien n'est resté debout hormis un empereur.
Muet il contemploit la divine merveille;

Et le souffle divin disait à son oreille:
« Ainsi s'écrouleront tes projets renversés!
« Ainsi ton vaste empire et tes voeux insensés!
« Ainsi s'écroulera la tour de ta victoire!
« Ainsi ton héritage, et ton nom, et ta gloire!
« Ainsi le vent du ciel, éteignant ton flambeau
« Dissipera ton oeuvre et ta cendre au tombeau!»

Посреди многихъ пятенъ, которыя тѣмъ скорѣе кидаются въ глаза, что онѣ яркаго цвѣта и такъ сказать тщеславятся своею безобразностію, нѣтъ сомнѣнія, что въ сихъ отрывкахъ, а особенно въ послѣднемъ, встрѣчаются и признаки смѣлаго и сильнаго дарованія, если позволено судить о дарованіи поэта по отдѣльнымъ сильнымъ и живописнымъ выраженіямъ, не требуя отъ него полнаго и нераздѣльнаго единства въ цѣломъ созданіи его и въ впечатлѣніи, коимъ оно отражается на душу читателя.

Сказываютъ, что славный Пѣсенникъ замолкнувшій съ Іюльскихъ дней, какъ соловушко Дмитріева,—готовитъ *Жизнь Наполеона* въ простонародныхъ пѣсняхъ. Судя по одной изъ его прежнихъ пѣсенъ, въ коей Наполеонъ выведенъ за-просто, безъ ходулей героя и поэта, можно ожидать много хорошаго отъ обѣщанныхъ *рапсодій*. Послѣ «Ночнаго Смотра» Зейдлица я не знаю ни одного поэтическаго изображенія Наполеона, которое было бы разительнѣе

простотою и вѣрностью своею. Это не богатая картина великаго художника, не Вандомскій памятникъ: нѣтъ, это живая литографія для всенароднаго употребленія, чугунная настольная статуйка, въ маленькой шляпѣ, въ сюртукѣ, съ руками сложенными крестомъ на груди! Ее неминуемо встрѣчаешь въ каждомъ кабинетѣ любопытнаго и мыслящаго современника, или на каминѣ щеголя, какъ вывѣску умѣнія его убрать свою комнату по требованіямъ нынѣшняго вкуса. Сія пѣсня изъ всѣхъ пѣсенъ Беранже менѣе другихъ извѣстна, вѣроятно именно потому, что въ ней болѣе истинной поэзіи.

В.

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ СОЧ. Н. ГОГОЛЯ С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1836.

Литтературныя событія у насъ рѣдки. Литтература наша кругообращается въ явленіяхъ, подходящихъ подъ статью обыкновенныхъ ежедневныхъ происшествій. Эти явленія скользятъ по вниманію читающей публики, не прорѣзывая глубокихъ слѣдовъ въ общественномъ мнѣніи. Развѣ только въ чрезполосномъ владѣніи журналистовъ возникаютъ по сему случаю тяжбы, обращающія минутное вниманіе однихъ литтературныхъ присяжныхъ, или экспертовъ, которымъ также трудно сквозь шумъ, крики и брань понятыхъ вникнуть о чемъ идетъ дѣло и есть ли дѣйствительно дѣло въ спорѣ. Часто съѣдутся, шумятъ и чѣмъ-же кончатъ? поднимутъ мертвое тѣло.... Высшая же власть, завѣдывающая этимъ родомъ дѣлъ, то есть образованная публика, принимаетъ все это просто къ свѣдѣнію безъ лице-

пріятія, безъ пристрастія, и тѣмъ свободнѣе, что все это — дѣло для нея постороннее. Рѣдко случается писателямъ нашимъ задѣть публику за живое, касаясь предметовъ близкихъ къ ней. Писатели наши живутъ слишкомъ внѣ общества; они чужды общежитейскимъ отношеніямъ, понятіямъ, мнѣніямъ, нравственности высшаго круга читателей, то есть образованнѣйшаго; между тѣмъ не довольно положительны, добросовѣстны, чтобы дѣйствовать съ пользою на классы читателей, нуждающихся въ пищѣ простой, но сытой и здоровой. Они какой-то междоумокъ въ обществѣ: они пишутъ для людей, которые ихъ не читаютъ, или не имѣютъ нужды ихъ читать, и слѣдовательно читаютъ равнодушно и разсѣянно, а читаются тѣми, которые не могутъ судить ихъ. Тѣмъ болѣе литтературное явленіе, выходящее изъ круга этихъ частныхъ и безжизненныхъ дѣйствій, потрясающее оба противоположные края читателей, рождаютъ у насъ дѣятельность необыкновенную. Каждый спѣшитъ дать голосъ свой, и неминуемымъ слѣдствіемъ того бываетъ разногласіе въ мнѣніяхъ. Драматическое произведеніе, а въ особенности комедія народная, или отечественная, принадлежитъ къ сему разряду явленій, которыя должны преимущественно обратить на себя общее вниманіе. О комедіи каждый въ правѣ судить; голоса о ней собираются не въ тишинѣ кабинета, не предъ зерцаломъ искусства, не по окончаніи медленной процедуры и примѣненія всѣхъ законовъ литтературнаго кодекса; публика не выжидаетъ, чтобы тотъ или другой трибуналъ, тотъ или другой журналъ,

тотъ или другой критикъ изслѣдовалъ дѣло и подписалъ приговоръ. Нѣтъ, голоса собираются по горячимъ слѣдамъ въ шумномъ партерѣ, гдѣ каждый, кто взнесъ законную долю установленнаго сбора, допускается къ судейскимъ кресламъ и рядитъ и судитъ за свои деньги о дѣлѣ, подлежащемъ общему сужденію. У насъ и въ этомъ отношеніи авторы съ удивительною ловкостію умѣютъ обыкновенно избѣгать прямой встрѣчи и тѣснаго столкновенія съ публикою. Большая часть Русскихъ комедій также дѣло для нея постороннее: это снимки съ картинъ чужой или вымышленной природы. Въ подобныхъ снимкахъ можетъ идти дѣло о искусствѣ художника въ исполненіи, но нѣтъ рѣчи о жизни, о вѣрности, о природномъ сочувствіи. Тѣмъ болѣе комедія, выходящая изъ круга сихъ заимствованій, вымысловъ, или поддѣлокъ, должна произвести общее, сильное и разнородное впечатлѣніе. Мало было у насъ подобныхъ комедій: Бригадиръ, Недоросль, Ябеда, Горе отъ Ума — вотъ, кажется, верхушки сего тѣснаго отдѣленія литтературы нашей. «Ревизоръ» занялъ мѣсто въ слѣдъ за ними. Комедія сія имѣла полный успѣхъ на сценѣ: общее вниманіе зрителей, рукоплесканія, задушевный и единогласный хохотъ, вызовъ автора послѣ двухъ первыхъ представленій, жадность публики къ послѣдовавшимъ представленіямъ и, что всего важнѣе, живой отголосокъ ея, раздававшійся послѣ въ повсемѣстныхъ разговорахъ, — ни въ чемъ не было недостатка. Въ чтеніи комедія выдержала театральный успѣхъ, если еще не превзошла его, что̀ и должно быть въ комедіи, писанной съ умомъ и та-

лантомъ, съ истинною комическою веселостью, но съ меньшею заботливостью о игрѣ и сшибкахъ драматическихъ внезапностей. Въ семъ отношеніи, замѣтимъ мимоходомъ, «Ревизоръ», приблизившійся характеристическимъ достоинствомъ своимъ къ вышеупомянутымъ исключеніямъ изъ Русскаго театра, приближается къ нимъ и тѣмъ, что можно было бы наименовать недостатками ихъ, еслибъ сіи недостатки не составляли общей принадлежности и литтературы нашей. Но о семъ рѣчь впереди и въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ какъ успѣхъ «Ревизора» ни былъ блистателенъ, а все же не можетъ онъ не быть затмѣваемъ нѣкоторыми оговорками, критическими замѣчаніями и осужденіями. Охотно и предварительно соглашаемся за глаза со всѣми критиками настоящими, прошедшими и будущими, что въ сей комедіи встрѣчаются погрѣшности, и спросимъ у нихъ: знаютъ ли они хотя одно литтературное твореніе, которое вышло бы совершеннымъ изъ рукъ творца своего?... Чисто-литтературные споры почти всегда безполезны, потому что въ спорахъ о изящности художническаго произведенія трудно, если не рѣшительно невозможно, привести споръ къ окончательному заключенію. Есть что-то ребяческое въ важности, съ которою аристархи литтературные спѣшатъ наложить клеймо свое на каждое новое литтературное явленіе. Имъ кажется, что безъ ихъ отмѣтки твореніе не додѣлано и ждетъ отъ нихъ законнаго вида.

Общія замѣчанія о комедіи Г. Гоголя можно

подвести подъ три отдѣленія: литтературное, нравственное и общественное. Въ изслѣдованіи сихъ замѣчаній и въ возраженіяхъ на оныя обратимъ мы болѣе вниманія на то, что было говорено о «Ревизорѣ», нежели на то, что было о немъ писано: во-первыхъ потому, что безполезность замѣчаній чисто-литтературныхъ уже нами оцѣнена, во-вторыхъ потому, что въ разговорахъ Русскихъ гораздо болѣе ума, нежели въ журнальныхъ Русскихъ статьяхъ. Вообще умъ нашъ натуры изустной, а не письменной. Къ тому же въ спорѣ гостиныхъ рѣчь идетъ о мнѣніяхъ: въ спорѣ журналовъ—о личности. Съ журналами спорить не льзя, по той же причинѣ, по которой Карамзинъ не отвѣчалъ ни на одну критику, хотя онъ и любилъ спорить. Есть люди, которые жаркіе спорщики въ своемъ кругу и вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивы и безотвѣтны на толкучемъ рынкѣ *.

Обратимся къ замѣчаніямъ.

Нѣкоторые говорятъ, что «Ревизоръ» не *комедія*, а *фарса*. Дѣло не въ названіи: можно написать геніальную фарсу и пошлую комедію. Къ

* Само собою разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія. Читатели наши, знакомые съ *Московскимъ Наблюдателемъ*, догадаются и безъ нашей оговорки, что онъ здѣсь въ сторонѣ. Не льзя не желать для пользы литтературы нашей и распространенія здравыхъ понятій о ней, чтобы сей журналъ сдѣлался у насъ болѣе и болѣе извѣстнымъ Особенно критика его замѣчательно хороша. Не выгодно подпасть подъ удары ея, но по крайней мѣрѣ оружіе ея и нападенія всегда благородны и добросовѣстны. Понимаемъ, что и при этомъ случаѣ издатели Телескопа и другіе могутъ

тому же въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одной сцены въ родѣ *Скапиновыхъ Обмановъ*, *Доктора по неволѣ Пурсоньяка*, или Расиновыхъ: les Plaideurs; нѣтъ нигдѣ вымышленной каррикатуры, переодѣваній и пр. и пр. За исключеніемъ паденія Бобчинскаго и двери, нѣтъ ни одной минуты, сбивающейся на фарсу. Въ «Ревизорѣ» есть каррикатурная природа: это дѣло другое. Въ Природѣ не все изящно; но въ подражаніи природѣ неизящной можетъ быть изящность въ художественномъ отношеніи. Смотрите на картины Теньера, на корову Поль-Потера, и спросите послѣ: какъ могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы? Не ужьли не нашло оно въ Природѣ ничего лучшаго и достойнѣйшаго, какъ пьяные мужики и дородная корова? Вы можете быть правы по совѣсти своей, но любитель живописи и знатокъ въ картинахъ заплатитъ большія деньги за корову весьма невѣжливую, и за Теньера, который каждую картину свою скрѣпляетъ однимъ дѣйствующимъ лицемъ подъ пару помянутой коровѣ, и предоставитъ вашему цѣломудренному вкусу пріобрѣтеніе благородныхъ картинъ Ангелики Кауфманнъ. Разумѣется, «Ревизоръ» не *высокая* комедія, въ смыслѣ *Мизантропа* или *Тартюфа*: тутъ не выводятся на сцену лица придворныя, ни даже гостинныя. Сцена въ уѣздѣ. Авторъ однимъ выборомъ сцены даетъ уже вамъ мѣру и свойство требованій, на кои онъ берется

въ добродушномъ и откровенномъ испугѣ воскликнуть: «избавь насъ Боже отъ его критикъ!» Но каждый молится за свое спасеніе: это натурально.

отвѣтствовать. Перенести такъ называемую *высокую комедію* въ уѣздный городокъ было бы уже первымъ признакомъ необдуманности и неблагоразумія автора. — Говорятъ, что языкъ низокъ. Высокое и низкое высоко и низко по сравненію и отношенію: низкое, когда оно на мѣстѣ, не низко: оно въ пору и въ мѣру. Но вы, милостивые государи, любите только ту комедію, которая во Французскомъ кафтанѣ, при шпагѣ съ стальнымъ эфесомъ, или по крайней мѣрѣ въ черномъ фракѣ и въ башмакахъ, изъясняется александрійскими стихами, или по крайней мѣрѣ академическою и благородною прозою? Прекрасно! Какъ тутъ противъ васъ и спорить? Слава Богу, мы не дожили еще до такой глупости, чтобъ готовы были смѣяться надъ трудами Расина и Мольера и ставить ни во что хотя бы и Лагарпа. Мы соглашаемся, что вы имѣете за себя голоса и авторитеты, которые каждый благоразумный и чему нибудь учившійся человѣкъ признаетъ, если не исключительно и безусловно, то по крайней мѣрѣ почтительно, съ чувствомъ уваженія и любви къ предкамъ, коихъ заслуги не утрачены и нынѣ; ибо настоящее есть наслѣдіе прошедшаго. Ваши требованія доказываютъ, что вы придерживаетесь *традицій* классическаго вѣка, почерпнули ихъ въ ученіи, или свыклись съ ними въ кругу образованнаго общества: это также въ глазахъ нашихъ, не бездѣлица, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые ставятъ ни во что аристократическія традиціи гостиныхъ вѣка Людовика XIV или Екатерины II. Но съ другой стороны, или именно по сей-же самой тер-

пимости, которую мы исповѣдуемъ какъ законъ истинной образованности, мы не ограничиваемся заколоченнымъ наглухо и единожды навсегда кругомъ дѣйствій, нравовъ, событій, формъ образцовыхъ и непреложныхъ. Нѣтъ, мы въ искусствѣ любимъ просторъ. Мы полагаемъ, что гдѣ есть природа и истина, тамъ вездѣ можетъ быть и изящное подражаніе оной. А тамъ уже дѣло вкуса, или правильнѣе вкусовъ, избирать любое для подражанія и въ подражаніяхъ. Между тѣмъ не излишнимъ будетъ замѣтить почитателямъ классическихъ преданій, что Фонъ-Визинъ читалъ своего *Бригадира* и своего *Недоросля* при просвѣщенномъ и великолѣпномъ дворѣ Екатерины II. «Такъ,» — скажутъ они, — но въ этихъ комедіяхъ при дурномъ обществѣ, въ нихъ собранномъ, встрѣчаются за то и *Добролюбовы, Стародумы, Милоны* и добродѣтельныя Софьи, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одного *Добролюбова,* хоть для примѣра. «Согласны; но вотъ маленькая оговорка: когда играли «Недоросля» при Императрицѣ и послѣ предъ публикою, то немилосердно сокращали благородныя роли *Стародума* и *Милона,* потому что онѣ скучны и неумѣстны, сохранялись-же въ неотъемлемой цѣлости низкія роли *Скотинина, Простаковыхъ, Кутейкина,* не смотря на нравы ихъ вовсе неизящные и на языкъ ихъ вовсе не *академическій.* При однѣхъ добродѣтельныхъ лицахъ своихъ, при лицахъ высокой комедіи Фонъ-Визинъ остался бы незамѣченнымъ комическимъ писателемъ, не читалъ бы своихъ комедій Екатеринѣ Великой и не былъ бы и понынѣ

типомъ Русской комической оригинальности. Вывезли его къ безсмертію лица, которыя также не выражаютъ ни одного благороднаго чувства, ни одной свѣтлой мысли, ни одного въ человѣческомъ отношеніи отраднаго слова. А не въ отсутствіи ли всего этого обвиняете вы лица, представленныя Г-мъ Гоголемъ?

Другіе говорятъ, что въ «Ревизорѣ» нѣтъ правдоподобія, вѣрности, потому что комедія есть описаніе нравовъ и обычаевъ извѣстной эпохи, а въ сей комедіи нѣтъ надлежащей опредѣленности. Слѣдовательно, гдѣ зрителю не льзя узнать по лицу и платью, кто какого прихода и въ которомъ году онъ родился, тамъ нѣтъ и комедіи? Кто-то сказалъ, что комедія есть исторія общества; а здѣсь вы отъ комедіи требуете и статистики! Позвольте же спросить теперь: а комедія, въ которой просто описанъ человѣкъ съ страстями, съ слабостями, съ пороками своими, на примѣръ, скупый, рѣвнивый, игрокъ, тщеславный — эти типы, которые не принадлежатъ исключительно ни тому ни другому столѣтію, ни тому ни другому градусу долготы и широты, а просто человѣческой природѣ и Адамову поколѣнію, развѣ они нейдутъ въ комедію? Берегите свое правило для комедіи исторической, или анекдотической, но не прикладывайте его къ комедіи вообще.

Кто говоритъ, что коренная основа «Ревизора» не правдоподобна, что Городничій не могъ такъ легковѣрно вдаться въ обманъ, а долженъ былъ потребовать подорожную, и проч. Конечно такъ; но авторъ въ этомъ случаѣ помнилъ болѣе Психологиче-

скую пословицу, чѣмъ полицейскій порядокъ, и для комика, кажется, не ошибся. Онъ помнилъ, что *у страха глаза велики*, и на этомъ укрѣпилъ свою басню. Къ тому же и минуя пословицу, въ самой сущности дѣла нѣтъ ни малѣйшаго насилія правдоподобію. Извѣстно, что Ревизоръ пріѣдетъ *инкогнито*, слѣдовательно можетъ пріѣхать подъ чужимъ именемъ. Извѣстіе о пребываніи въ гостинницѣ неизвѣстнаго человѣка падаетъ на Городничаго и сотоварищей его въ критическую минуту *паническаго страха*, по прочтеніи роковаго письма. Далѣе, почему не думать Городничему, что у Хлестакова двѣ подорожныя, два *вида*, изъ коихъ настоящій будетъ предъявленъ когда нужно? Тутъ нѣтъ никакой натяжки въ предположеніи автора: все натурально. Дѣйствіе, производимое столичнымъ жителемъ въ глуши уѣзднаго городка, откуда, по словамъ Городничаго, *хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь*, представляетъ комику обширное поприще для *сбыточныхъ невѣроятностей*. Самохвальство, ложь, пустословіе столичныя обдаютъ трепетомъ и легковѣріемъ людей и благоразумныхъ, но необразованныхъ: — подобная *мистификація* сбыточна вездѣ. Свѣтскіе самозванцы, пройдохи, шарлатаны являются и во Франціи и въ Англіи, и обманываютъ народъ. Въ одной изъ нашихъ губерній, и не отдаленной былъ дѣйствительно случай подобный описанному въ «Ревизорѣ». По сходству фамиліи, приняли одного молодаго проѣзжаго за извѣстнаго государственнаго чиновника. Все городское началь-

ство засуетилось и пріѣхало къ молодому человѣку *являться.* Не знаемъ, случилась ли ему тогда нужда въ деньгахъ, какъ проигравшемуся Хлестакову, но вѣроятно нашлись-бы заимодавцы. Все это въ порядкѣ вещей, не только въ порядкѣ комедіи.

Есть критики, которые недовольны языкомъ комедіи, ужасаются простонародности его, забывая что языкъ сей свойственъ выведеннымъ лицамъ. Тутъ авторъ не суфлеръ дѣйствующихъ лицъ, не онъ подсказываетъ имъ свои выраженія: авторъ стенографъ. Вѣроятно, можно найти нѣкоторыя неисправности, сорвавшіяся съ пера писателя; но смѣшно же грамматически ловить слова въ комедіи. Главное въ писателѣ есть слогъ: если онъ имѣетъ выразительную физіономію, на коей отражаются мысль и чувство писателя, то сочувствіе читателей живо отзывается на голосъ его. Можетъ быть, *словоловы* и правы, и языкъ Г. Гоголя не всегда безошибоченъ; но слогъ его вездѣ замѣчателенъ. Впрочемъ трудно и угодить на литтературныхъ словолововъ. У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженій: *супъ воняетъ, чай воняетъ рыбою.* Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что скажетъ и чего не скажетъ лакей? Не ужъ-ли писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія не въ употребленіи. Такъ? если онъ описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? На примѣръ, *Осипъ* въ «Ревизорѣ» говоритъ чисто лакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ

столицѣ: это дѣло другое. Впрочемъ критикъ можетъ быть, и правъ; въ этомъ случаѣ мы спорить съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то есть, что называется un laquai endimmanché точно, можетъ быть постыдится сказать: *воняетъ*, но *порядочный человѣкъ*, то есть благовоспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и предъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ:* жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей—не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? онъ садится какъ въ свои кресла; заговоритъ ли? онъ не боится проговориться. Посмотрите на провинціяла, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула: шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отъ чего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и ненарушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить,—это правда, но за то могутъ говорить дѣльнѣе. Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ и не имѣть

доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что вамъ за нея рыцарствовать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка «Ревизора»: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и въ креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамса. Не смѣшно ли, не жалко ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить недовольно утонченное кушанье на столъ, за коимъ нѣтъ намъ прибора?...

Въ понятіяхъ о нравственности книги или человѣка, казалось бы, спорить не о чемъ и не съ кѣмъ. Нравственность, нравственное чувство, нравственная совѣсть должны быть одинаковы у всѣхъ нравственныхъ и добросовѣстныхъ людей. Такъ! но въ этомъ отношеніи рѣчь идетъ болѣе о *нравоученіи*, нежели о нравственности, болѣе о средствахъ преподавать ее и дѣйствовать именемъ ея на умы и сердца людей. Тутъ можетъ быть разногласіе. На примѣръ, говорятъ, что «Ревизоръ»—комедія безнравственная, потому, что въ ней выведены одни пороки и глупости людскія, что уму и сердцу не на комъ отдохнуть отъ негодованія и отвращенія; нѣтъ

свѣтлой стороны человѣчества для примиренія зрителей съ человѣчествомъ, для назиданія ихъ, и проч. О нравственности или нравоученіи литтературныхъ произведеній много было говорено. Кажется, Г. Баратынскій въ предисловіи къ поэмѣ *Цыганка* изслѣдовалъ сей вопросъ самымъ удовлетворительнымъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ. Съ нашей стороны, совершенно съ нимъ соглашаясь, мы признаемъ безнравственнымъ сочиненіемъ только то, которое вводитъ въ соблазнъ и въ искушеніе. Равнодушное, безпристрастное изложеніе самаго соблазна можетъ не быть безнравственно. Авторъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ Провидѣнію, допускаетъ зло, предоставляя внутренней волѣ и совѣсти читателя и зрителя пользоваться представленнымъ урокомъ по своимъ чувствамъ и правиламъ. Не должно забывать, что есть литтература взрослыхъ людей и литтература малолѣтныхъ: каждый возрастъ имѣетъ свою пищу. Конечно, между людьми взрослыми бываютъ и такіе, которые любятъ быть до старости подъ указкою учителя; говорите имъ внятно: вотъ это дѣлайте! а того не дѣлайте! за это скажутъ вамъ: пай дитя; погладятъ по головкѣ и дадутъ сахарцу. За другое: фи дитя, выдерутъ за ухо, и поставятъ въ уголъ! Но какъ же требовать, чтобы каждый художникъ посвятилъ себя на должность школьнаго учителя или дядьки? На что вамъ честные люди въ комедіи, если они не входили въ планъ комическаго писателя? Онъ въ извѣстную минуту, въ данномъ положеніи взглянулъ на нѣсколько лицъ — и нарисовалъ ихъ въ

томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и тьмы, какъ они представились взору его. Комедія не всеобщая исторія, не всеобщая картина человѣчества или общества, даже не романъ, не біографія. Комедія— отрывокъ; а вы въ отрывкѣ требуете многосложнаго и полнаго объема! Не ужьли изъ того, что комикъ не вывелъ ни одного честнаго человѣка, слѣдуетъ заключить что авторъ имѣлъ цѣлью доказать, что честныхъ людей вовсе нѣтъ? Живописецъ представляетъ вамъ сцену разбойниковъ и убійцъ; вамъ этого не довольно: для нравственной симметріи, вы требуете, чтобы на первомъ же планѣ былъ выведенъ человѣкъ, который отдаетъ полный кошелекъ свой нищему; иначе зрѣлище слишкомъ прискорбно и тяжело дѣйствуетъ на нервы ваши. Вы и въ театрѣ не можете просидѣть двухъ часовъ безъ того, чтобы не явился вамъ хотя одинъ честный человѣкъ, одинъ герой добродѣтели, именно герой; ибо въ представленіи просто добраго человѣка, который былъ бы тутъ только для показа, лицемъ безстрастнымъ и бездѣйствующимъ не было бы никакой цѣли; нѣтъ, нужна сопротивная сила для отпора и сокрушенія порочныхъ;—однимъ словомъ нужна вамъ драма съ полнымъ спектаклемъ, весь театральный міръ: «барыня требуетъ» весь туалетъ! Да... помилуйте, въ жизни и въ свѣтѣ не два часа просидишь иногда безъ благороднаго, утѣшительнаго сочувствія. Автору не мудрено вывести вамъ цѣлый легіонъ честныхъ людей, имѣющихъ патентованное право на премію добродѣтели, установленную филантропомъ Монтіономъ; да что будетъ вамъ отъ нихъ

пользы? Въ театрѣ досыта негодуйте надъ негодными и смѣйтесь надъ глупцами, если они выведены вамъ на глаза. Добрыхъ и порядочныхъ людей ищите для себя, вышедши изъ театра: тогда они будутъ вамъ нужнѣе, и еще пріятнѣе послѣ впечатлѣній, оставленныхъ въ васъ сценическими лицами. Кто изъ зрителей «Ревизора» пожелалъ бы быть Хлестаковымъ, Земляникою, Шпекинымъ, или даже и невинными Петрами Ивановичами Добчинскимъ и Бобчинскимъ? Вѣрно, никто! Слѣдовательно, въ дѣйствіи, производимомъ комедіею, нѣтъ ничего безнравственнаго. Можетъ быть дѣйствіе, впечатлѣніе непріятное, какъ во всякой сатирѣ, изображающей недуги общества: это дѣло другое и слѣдствіе неминуемое; но это непріятное дѣйствіе умѣрено смѣхомъ. Слѣдовательно, условія искусства выдержаны, комикъ правъ.

Сущность *общественныхъ* замѣчаній, слышанныхъ нами о «Ревизорѣ», сбиваются во многомъ на вышеприведенныя замѣчанія. Говорятъ, что эта комедія, это изображеніе нравовъ—поклепъ на Русское общество, что нѣтъ ни одного уѣзднаго города въ Россіи, который могъ бы представить подобное жалкое сборище людей: перебираютъ въ Зябловскомъ и Арсеньевѣ всѣ уѣзды Великороссійскихъ, Малороссійскихъ, Западныхъ и Восточныхъ Губерній, и заключаютъ, что нѣтъ такого города въ государствѣ. Слѣдовательно, комедія—ложь, клевета, необыточный и недозволительный вымыселъ! Опять статистическія требованія отъ комика, опять жалобы

на драматическаго Дюпена. Да кто же сказалъ вамъ, что авторъ метилъ на такой-то городъ? Что за пристрастный допросъ, повальный обыскъ таланту? Зачѣмъ искать оскорбленія народному честолюбію въ шуточномъ вымыслѣ автора?... Есть ли на бѣломъ свѣтѣ люди похожіе на тѣхъ, которые выведены въ комедіи? Безспорно, есть. Довольно этого! Что за дѣло, что комикъ подмѣтилъ одного изъ нихъ на берегу Волги, другаго на Днѣпрѣ, третьяго на Двинѣ, и собралъ ихъ во едино, какъ живописецъ собралъ нѣсколько красавицъ въ одну свою Венеру? Не ужь ли слѣдовало автору гнать зрителей своихъ по почтѣ изъ губерніи въ губернію, чтобы не ввести васъ въ недоумѣніе и пощадить щекотливость? Между тѣмъ зачѣмъ же увеличивать и вымышленное зло? Зачѣмъ клепать и на сценическія лица? Они болѣе смѣшны, нежели гнусны: въ нихъ болѣе невѣжества, необразованности, нежели порочности. Хлестаковъ—вѣтренникъ, а впрочемъ, можетъ быть, и добрый малой; онъ не взяточникъ, а заемщикъ, нѣсколько легкій на руку, это правда, но однако же не нечистый на руку! Различіе это ясно обозначено въ лицѣ его. Прочія лица даютъ ему деньги, потому что онъ денегъ отъ нихъ проситъ. Гдѣ же видано, чтобъ люди отказывались услужить человѣку въ нуждѣ, когда этотъ человѣкъ можетъ быть имъ полезенъ? все это натурально; все это такъ водится, не только въ глуши Русскаго уѣзднаго городка, но и вездѣ гдѣ живутъ люди. «Баснь Ревизора» не утверждена на какомъ нибудь гнусномъ дѣйствіи: тутъ нѣтъ утѣсненія невинности въ поль-

зу сильнаго порока, нѣтъ продажи правосудія, какъ напримѣръ въ комедіи Капниста: *Ябеда*. Войдя здѣсь въ разговоръ и въ разсужденіе не съ журналистами и письменными людьми, а съ тѣми, которые можетъ быть, и не твердо упомнятъ твореніе Капниста, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ *Ябеды* для подтвержденія мнѣнія нашего.—Вотъ, напримѣръ, первая сцена. У Прямикова тяжба; дѣло разсматривается въ Гражданской Палатѣ; встрѣтясь съ Добровымъ, знакомымъ ему Повытчикомъ, онъ спрашиваетъ его.

«Чѣмъ такъ соперникъ мой мнѣ страшенъ?

ДОБРОВЪ.

Господи! что за вопросъ такой!
Онъ ябедникъ — вотъ все ужь этимъ вамъ сказалъ.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ Гражданской ужь давно веду я протоколы:
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представъ, невинности явили въ немъ черты;
А сверхъ того еще — гласъ Божій, гласъ народа.
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядныя, уступки, векселя;
Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля;
Тутъ верхни мѣльницы всѣ нижни потопили;
Тамъ двѣсти десятинъ два борова изрыли;
Здѣсь выморочныхъ селъ наслѣдничекъ воскресъ;
Тамъ на гумнѣ его дремучій срубленъ лѣсъ;

На брата искъ за брань и за безчестье взноситъ,
А пожилыхъ съ того и за умершихъ проситъ;
Тамъ люди пойманы его на воровствѣ,
Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно..
Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
При томъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
Какъ Регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы;
Какъ всѣ подъячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестерку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку,
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чиститъ, какъ стекло.
Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?

Прямиковъ.

И подлинно его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!...

Добровъ.

Какъ солнце ясно будь, то будетъ аки мракъ.

Прямиковъ.

Но на судей ужь ли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?...

Добровъ *(осматриваясь кругомъ)*.

Ахъ, боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
Извольте жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданской предсѣдатель,
Есть сущій истины Іюда и предатель,
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ,
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ,

(Показывая будто считаетъ деньги,)

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ;
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо,—предъ нею нѣтъ чужаго,
И только что твердитъ: даянье всяко благо.

Прямиковъ.

Вотъ на! возможно ль быть? А члены?...

Добровъ.

Все одно;
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено:
Одинъ членъ вѣчно пьянъ и протрезвенья нѣту,
Такъ тутъ какому быть ужь путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно...

Прямиковъ.

А засѣдатели?

Добровъ.

Когда, сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать,
Такъ чтожь? Лихъ та бѣда, что не гораздъ читать;
Писать и поготовъ, а на словахъ заика:
И такъ, хотябъ и радъ, помѣха лихъ велика.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ
Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прямиковъ.

А прокуроръ? Ужьли и онъ..?

Добровъ.

О! прокуроръ,
Чтобъ въ рифму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко;
Не цапнетъ лишь того, чего недосягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За позднoй въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прямиковъ

А о секретарѣ? . . .

Добровъ.

Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцовъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ—его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльцо знать къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности, его въ моемъ повытьѣ нѣту.

Прямиковъ

Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!
Какая сволочь!...

Добровъ.

Я истину сказалъ.»

Далѣе, деньги тутъ даются не въ займы, а въ явный подкупъ. Предсѣдатель гражданской палаты члены, прокуроръ поютъ хоромъ:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать?

Всѣ возможныя сатурналіи и вакханаліи Ѳемиды, во всей наготѣ, во всемъ безчинствѣ своемъ раскрываются тутъ на сценѣ гласно и торжественно. Гражданская палата засѣдаетъ, слушаетъ и судитъ дѣла въ той же комнатѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ бушевала оргія; вчерашнія бутылки валяются подъ присудственнымъ столомъ, прикрытымъ краснымъ сукномъ, которое, по мнѣнію Повытчика,

«Множество привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!»

Вѣроятно и въ то время находились люди, которые говорили, что въ самомъ дѣлѣ не могутъ существовать въ Россіи и нигдѣ такіе нравы, что это клевета, и проч. Между тѣмъ Капнистъ посвящая свою комедію Императору Павлу I, отвѣчалъ на сіи обвиненія обращаясь къ Его высокому имени:

Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь; а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимство, ябеды, всю гнусность обнажилъ;
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта,
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Благородныя чувства и благородный языкъ поэта были доступны къ просвѣщенному великодушію Государя. Онъ изъявилъ согласіе Свое на просьбу его и статсъ-секретарь Нелединскій написалъ къ нему слѣдующее письмо:

Милостивый государь мой

Василій Васильевичъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, снисходя на желаніе ваше, Всемилостивѣйше дозволяетъ сочиненную вами комедію, подъ названіемъ: Ябеда, *напечатать съ надписаніемъ о посвященіи онаго сочиненія Августѣйшему имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.*

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою

Юрій Нелединскій Мелецкій.

Въ Павловскѣ.

Іюня 29 дня 1798 года.

Конечно чувство патріотической щекотливости благородно: народное достоинство есть святыня оскорбляющаяся малѣйшимъ прикосновеніемъ. Но при этихъ чувствахъ не должно быть одностороннимъ въ понятіяхъ своихъ. При излишней щекотливости вы стѣсняете талантъ и искусство, стѣсняете самое нравственное дѣйствіе благонамѣренной литтературы. Комедія, сатира, романъ нравовъ исключаются изъ нея при допущеніи подобнаго чувства въ безусловное и непреложное правило. Послѣ того ни одно злоупотребленіе не можетъ подлежать кисти или клейму писателя, ни одинъ писатель не мо-

жетъ быть *по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ* общаго блага, по выраженію Капниста. Личность, званіе, національность, а наконецъ и человѣчество будутъ ограждать злоупотребителей опасеніемъ нарушить уликою въ злоупотребленіи уваженіе къ тому, что подъ нимъ скрывается достойнаго уваженія и неприкосновеннаго. Но міръ нравственный и міръ гражданскій имѣютъ свои противорѣчія, свои прискорбныя уклоненія отъ законовъ общаго благоустройства. Совершенство есть цѣль недостижимая, но совершенствованіе есть не менѣе того, обязанность и свойство природы человѣческой. Говорятъ что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умнаго человѣка; неправда: уменъ авторъ. Говорятъ что въ комедіи Гоголя не видно ни одного честнаго и благомыслящаго лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое силою закона поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки. Въ 1783 году оно допустило представленіе *Недоросля,* въ 1799, *Ябеды,* а въ 1836, *Ревизора.*

В.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Съ нѣкотораго времени начали появляться въ «Московскихъ» Вѣдомостяхъ статьи подъ литтерами И. Д., а въ 25-мъ номерѣ «Литтературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» выставленъ эпиграфъ съ подписаніемъ и полнаго имени и прозвища Ивана Дмитріева, ни мало не принадлежащія ветерану нашей словесности. Знаемъ, что никто не можетъ избѣжать своего Созія, и конечно не въ правѣ требовать, чтобы тотъ отрекся отъ своего имени; но не льзя не согласиться и въ томъ, чтобы не было грустно семидесятилѣтнему старцу, домогающемуся только *тихаго вечера*, видѣть описанія балагановъ на сырной недѣлѣ, книжныя одобренія всякой всячины, и стихи довольно рѣзкіе, чтобъ не сказать неучтивые, съ подписаніемъ того же имени и прозвища, которыя онъ носитъ. Мы уполномочены довести о томъ до свѣдѣнія Гг. Редакторовъ, и обратиться къ ихъ проницательной разборчивости, не могутъ ли они впредь употребить какія нибудь мѣры, чтобъ читатели не были вводимы въ заблужденіе, и не приписывали ни прозы, ни стиховъ новаго атлета его соименнику, который уже давно сошелъ съ ристалища.

Москва, 1836 Апрѣля 21.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I.

Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего *Хроники Русскаго въ Парижѣ*, есть не что иное какъ слѣдствіе нашей нескромности, что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ *про себя*, когда слѣдовало бы ему писать *про другихъ*. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ aparté, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литтературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ

вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній,— такъ сказать *стенографировать* эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ наизнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что́ показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, о обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II.

Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б, не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

Мы получили также статью Г. *Косичкина*. Но къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ,

ВЫШЕДШІЯ СЪ АПРѢЛЯ МѢСЯЦА 1836 ГОДА.

Руководство къ Логикѣ, составленное Николаемъ Рождественскимъ. Изданіе второе, исправленное. С. П. Б.

Земледѣльческій календарь или Ручная Книга для земледѣльца-практика. Сочиненіе Матвѣя Домбаля. Переводъ съ Французскаго 2-го изданія. М.

Время не праздно. Стихотворенія крестьянина М. Суханова. С. П. Б.

* Михаилъ Васильевичь Ломоносовъ. Соч. Ксенофонта Полеваго. Два тома. М.

Руководство къ Акушерству Теоретическому и Практическому. Соч. Дюже. Переводъ Вейда съ 50 изображеніями, вырѣзанными на мѣди. М,

Краткое Руководство къ гомеопатическому леченію. Переводъ съ Нѣмецкаго. М.

Искусство извлеченія крахмала изъ картофеля М.

Хвалебное приношеніе Вѣры новопрославленному Святителю Митрофану, Епископу Воронежскому; съ приложеніемъ литографированнаго изображенія сего Угодника Христова. Стихотворенія въ 5 пѣсняхъ М.

Краткая Ботаника въ теперешнемъ ея усовершенствованіи. Соч. Джона Линдлея. Переводъ Ивана Двигубскаго, съ рисунками. М.

* Слова и рѣчи, во время управленія Московскою Паствою говоренныя, и житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца, изъ достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое Синодальн. Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ М.

Довмонтъ Князь Псковской, истор. романъ въ 2 частяхъ.

Основныя Правила земледѣлія и скотоводства, извлеченныя изъ практическихъ наблюденій. Соч. Крейзига. С П. Б.

О Жителяхъ Луны и о другихъ достопримѣчательныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ астрономомъ Гершелемъ во время пребыванія его на мысѣ Доброй Надежды. Перев. съ Нѣмецк. С. П. Б.

Исторія и значеніе гомеопатическаго способа врачеванія, въ краткомъ очеркѣ изображенныя В. Рау. М.

Изложеніе общихъ понятій о гомеопатіи, съ возраженіями ея противниковъ. Соч. доктора Гофмана С. П. Б.

Ручная Математическая Энциклопедія. Книжка 10-я. Механика жидкихъ тѣлъ. Соч. Перевощикова М.

Всеобщая Естественная Исторія для всѣхъ состояній. Соч. Окена. Перев. съ Нѣм. Томъ 5-й. Зоологія. Ч. 2-я. С. П. Б.

Руководство къ познанію всѣхъ наукъ, искусствъ и художествъ. Для юношества. Въ 2 отдѣл.

Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Статегіи. Составилъ баронъ генералъ-маіоръ артиллеріи, профессоръ военной академіи Н. Медемъ С. П. Б.

Другъ, или Очерки жизни Петербургскихъ чиновниковъ. С. П. Б.

Тетрадь Любви, сочиненіе необходимое для всякаго желающаго имѣть успѣхъ между прекраснымъ поломъ.

* Стихотворенія Бенедиктова. Изданіе второе. С. П. Б.

Ревизоръ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Н, Гоголя. С. П. Б.

Русская Шехеразада, повѣсти, изданныя S. S три части. М.

Дормидошка Пустая-Голова, или Анекдоты о извѣстномъ при дворѣ шутѣ Балакиревѣ, въ двухъ частяхъ. М.

* Путешествие по Святымъ Мѣстамъ Русскимъ С. П. Б.

Гусарская стоянка, или Плата тою же монетой, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. С. П. Б.

Старички-Вѣщуны, Русская сказка. Соч. А. Папкевича. 2 ч. С. П. Б.

Содержание матери и младенца, отъ мгновенія зачатія, до того времени, когда она сего послѣдняго отнимаетъ отъ груди, въ діэтическомъ врачебномъ отношеніи, карманная книжка для новобрачныхъ; соч. докторомъ Г. В. Гроссомъ. М.

Дополненія къ Терапіи Гартмана, извлеченныя изъ втораго изданія. М.

Сѣрый Армякъ, или Исполненное Обѣщаніе, повѣсть для дѣтей. Соч. К. В. Львова, съ 2 литограф. карт. и планомъ нынѣшняго Кіева. М.

Курсъ Чистой Математики, составленный по порученію Беллавена Профессорами Математики Аллезомъ, Били, Пюиссаномъ и Бурдо. Съ Франц. со многими перемѣнами и дополненіями, перевелъ П. Погорѣльскій. Изд. второе. Ч. 1. Ариѳметика М.

Азбука на машинѣ, или азбучная лотерея, для легчайшаго обученія дѣтей чтенію. Изобрѣтенія Ваханскаго, съ изображеніями четвероногихъ, птицъ, и проч. М.

Краткое изложеніе Анатоміи растеній. Соч. А. Декандоля. Пер. Вейса, съ рисункомъ. М.

Письма о богослуженіи Восточной Церкви. Второе изданіе. С. П. Б.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департаментомъ Удѣловъ, С. П. Б.

Стихотворенія Христофора Тростина. М.

Повѣшенный, соч. Мишеля Массона и Августа Люше. 4 ч. С. П. Б.

Руководство къ познанію дѣтскихъ болѣзней. Соч. Вильгельма Рау. Переводъ съ Нѣмецк. К. Гофманъ. М.

Страсть и Мщеніе, романъ, соч. Долинскаго М.

Русско-Французскій словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію, составленный Филиппомъ Рейфомъ. Томъ 2-й. С. П. Б.

Родословная Императорскаго Всероссійскаго Дома, составленная К. Лоаромъ. С. П. Б. (на листѣ).

Патріотическія три пѣсни, изд. Г. Максимовичемъ и положенныя для фортепіано. С. П. Б.

Конецъ втораго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Стихотворенія.

Стран.

Проза.

